

2

ЦЕРКОВНАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

1995

Institute of the History of the Material Culture
Russian Academy of Sciences
State Department of Culture and Tourism of the
Pskov Regional Administration
Pskov State Integrated Museum-Reservation
of History, Architecture and Art
Society of the Holy Olga of Russia, Pskov
Kizhi State Muzeum-Reservation

RUSSIAN CHRISTIAN ARCHAEOLOGY

Reports of the First Russian National Conference
Pskov, 1995 November 20 - 24

PART 2. CHRISTIANITY AND THE OLD RUSSIAN CULTURE

St. Petersburg -- Pskov
1995

Институт истории материальной культуры
Российской Академии наук
Комитет по культуре и туризму
Администрации Псковской области
Псковский государственный объединенный историко-
архитектурный и художественный музей-заповедник
Псковское общество Святой Ольги Российской
Государственный музей-заповедник "Кижы"

ЦЕРКОВНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Материалы Первой Всероссийской конференции.
Псков, 20–24 ноября 1995 года

ЧАСТЬ 2 ХРИСТИАНСТВО И ДРЕВНЕРУССКАЯ КУЛЬТУРА

Санкт-Петербург–Псков
1995

Археологические изыскания.

Выпуск 26 (часть 2)

Редакционная коллегия:

Александров А.А., Белецкий С.В. (отв. редактор),
Волочкова О.К., Голышев А.И., Грушина Л.Е. (отв. секретарь),
Лебедев Г.С., Массон В.М., Мусин А.Е.,
Рождественская Т.В., Чукова Т.А.

Обложка художника Н.С.Сафроновой

**Издано на средства
Псковского общества Святой Ольги Российской**

ISBN 5-201-01172-1 (часть 2)

© ИИМК РАН, 1995.

© ПГОИАХМЗ, 1995.

ХРИСТИАНСТВО И ДРЕВНЕРУССКАЯ КУЛЬТУРА

Т.В.Рождественская (Санкт-Петербург)

ДРЕВНЕРУССКИЕ НАДПИСИ XI–XV ВВ. НА СТЕНАХ ХРАМОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ЦЕРКОВНОЙ АРХЕОЛОГИИ

Памятники эпиграфики обладают, как правило, специфическими признаками, выделяющими их из общего корпуса средневековых письменных источников: в подавляющем большинстве они локализованы и аутентичны. Сохранившиеся в древнерусских храмах надписи – как официальные, сделанные кистью художника и входящие в состав живописных композиций, так и неофициальные, процарапанные прихожанами в разное время на стенах и столбах (graffiti), – являются частью единого литургического пространства храма.

В корпусе надписей-граффити XI–XV вв. из храмов Киева, Новгорода, Старой Ладogi, Полоцка можно выделить в интересующем нас аспекте две группы текстов. Первая группа включает надписи конкретно-исторического содержания:

- а) тексты с именами церковных иерархов (белгородский епископ Лука, XII в.; новгородский архиеп. Моисей, XIV в. и др.);
- б) сведения о поставлении владыки (архиеп. Моисея в 1352 г.);
- в) сведения о смерти иерархов (надпись 1299 г. о смерти новгородского архиеп. Климента);
- г) сведения о строительных, живописных или ремонтных работах в храме (надпись XI в. в Софии Новгородской);
- д) тексты, отражающие различные стороны церковно-приходского быта (надписи XV в. в новгородской ц. Федора на Ручью “дисциплинарного характера”, обращенные к клиру: “Попи, ходите тихо”, “Братие, не ласте порозни вонь”).

Все эти надписи, каких бы бытовых сторон жизни они не касались, несомненно, выполняли функцию покаяния и поминания, что обусловлено их местонахождением и включением в текст над-

писей (в особенности – надписей группы “а”) формулы (литургического возгласа) “Господи, помози” (“Помяни...”, “Помилуй...”, “Спаси...” и т.д.).

Другая многочисленная группа древнерусских надписей-граффити представляет собой воспроизведения текстов служб, цитат литургического характера. Так, на фрагменте древней штукатурки одного из раскопанных храмов в Старой Ладоге воспроизведен текст песни “Ныне Силы небесные с нами невидимо служат...”, входящий в Литургию Преждеосвященных Даров (рубеж XII–XIII вв.). На стене ц.Спаса на Нередице в Новгороде читаются (XIV в.) 2-й и 17-й стихи 54 псалма, входящие в прокимен великий 7-го гласа на вечерне в среду Светлой седмицы (определение Е.М.Верещагина); в другом месте того же храма прочитаны (XV в.) инципиты из набора ирмосов “Отверзу уста моя” 4-го гласа на Успение Святой Богородицы Иоанна Дамаскина (“Сяди во славе...”, “Божественное се и всечестное”, “Удивишася всяческая...”; определение Е.М.Верещагина). На хорах ц.Федора Стратилата на Ручью в Новгороде процарапаны строки запричастного стиха (“Память вечная будет, праведник от слуха зла не убоится”; XV в.). Палеографические, орфографические и языковые особенности этих текстов демонстрируют вариативность книжной церковнославянской нормы, подвижность границ канонического текста. Поскольку тексты подобного рода воспроизводились на церковных стенах по памяти, есть основания говорить об устном варианте церковнославянских образцов, что имеет самостоятельное значение для истории литургического языка на Руси.

Безусловно, специального изучения в этом же аспекте требуют фресковые надписи, сопровождающие живописные композиции в храмах, надписи в свитках пророков, святителей, Отцов Церкви. Несмотря на развивающуюся научную традицию в изучении славянских средневековых надписей в росписях памятников Сербии и Болгарии (Г.Бабич, В.Джурич, Х.Уолтер, Ив.Гылыбов, С.Смядовский, П.Стефанов), древнерусские надписи этого рода до сих пор почти не подвергались лингво-текстологическому анализу. Однако, как показывает наш опыт обращения к надписям в свитках пророков в ц.Успения на Волотовом поле и в некоторых других храмах Новгорода, данные тексты, как и литургические надписи-граффити, могут служить важным источником, отражающим те или иные редакции богослужебных текстов и текстов Святого Писания, осо-

бенности иконографии, местные произносительные нормы, что, в конечном счете, может скорректировать выводы искусствоведческих исследований древней живописи.

Особую группу составляют рисунки-граффити: изображения крестов, человеческих фигур с нимбами, отдельных букв, плетенок, птиц и т.д. Эти рисунки имеют аналогии в инициалах и миниатюрах рукописей и в большинстве случаев сделаны, по-видимому, профессиональными книжниками. В совокупности с надписями, выполненными красивыми “книжными” почерками, эти рисунки могут свидетельствовать, наряду с другими данными, о деятельности монастырских скрипториев (материалы из Георгиевского собора Юрьева монастыря и ц.Спаса на Нередице в Новгороде).

Включенные в литургическое пространство храма и существующие в литургическом времени, надписи, вплоть до фрагмента орнамента или буквы, процарапанной неизвестным прихожанином, отражают единую систему символического средневекового мировосприятия. В этом смысле метафора храма как книги получает свое реальное воплощение, возвращая нас к истокам раннехристианской богословской идеи.

Н.И.Милютенко (Санкт-Петербург)

ПРАВИТЕЛИ-МУЧЕНИКИ – СВЯТЫЕ ПОКРОВИТЕЛИ СВОИХ НАРОДОВ (К ЭВОЛЮЦИИ ОБРАЗА)

Правители-мученики (определение Н.Ингема) – это своеобразная группа европейских святых, сложившаяся в основном в IX–XI вв. Ее составляют короли, погибшие насильственной смертью – убитые родственниками или павшие в битвах. Очень немногие из правителей-мучеников могли быть канонизованы по правилам католической или православной церкви, но они пользовались почитанием в народе и в большинстве своем были, в конечном счете, признаны святыми официальной церковью (Ingham 1973: 1–17). Культ правителей-мучеников был популярен в скандинавских и славянских странах, а также у англо-саксов.

Речь идет о святых, ставших покровителями своих стран. Все они погибли в течение ста лет – Вячеслав Чешский (929), Борис и Глеб (1015) и Олаф Норвежский (1030). Вячеслав, Борис и Глеб

были убиты своими братьями, Олаф погиб в битве с восставшими подданными. Почитание Олафа, Бориса и Глеба можно объяснить стремлением правящего рода иметь святого среди предков, однако к Вячеславу это не применимо: на Руси правили брат и племянники Бориса и Глеба, в Норвегии – сначала сын, а затем брат и племянники Олафа, но в Чехии вплоть до XIV в. процветали потомки Болеслава Жестокого – убийцы Вячеслава.

Общее правило на начальном этапе почитания культа правителей-мучеников сводится к почитанию убитого правителя в противовес правителю, находящемуся у власти. Болеслав был вынужден перенести останки своего брата из г. Болеславы, где Вячеслав был убит, в Прагу, чтобы препятствовать поклонению. В Англии в 980 г. архиепископ Дунстан торжественно переносит тело Св. Эдуарда, за два года до этого отравленного своей мачехой; правит при этом единоутробный брат убитого Эдуарда – Этельред. Поклонение Олафу начинается в правление Свена Кнутсона Датского, ставленника восставших против Олафа норвежских бондов. Непричастность Ярослава к убийству братьев и поддержка с его стороны поклонения Борису и Глебу с момента возникновения культа – редкое исключение из общего правила.

На начальном этапе правителю-мученику (если от его мощей вообще происходят чудеса, кроме пения ангелов и божественного света) приписываются исцеления от болезней. Жития Св. Вячеслава, Олафа, Бориса и Глеба дают похожий набор: исцеления и освобождения заключенного (Св. Олаф избавляет от неволи пленника). В Житии Св. Олафа есть одна особенность, которой нет в других житиях: чудеса исцеления он совершал еще при жизни. Возможно Олаф действительно обладал какими-то экстрасенсорными способностями.

Достаточно быстро в культе правителей-мучеников происходит трансформация образа – Св. Вячеслав, Олаф, Борис и Глеб превращаются в святых покровителей своих стран и помощников правителей в битвах. Основы для такой трансформации есть в самих рассказах о Вячеславе и Олафе. В сцене убийства Вячеслав предстает опытным воином: в латинском тексте еп. Гумпольда (ок. 980) безоружный Вячеслав без труда обезоруживает младшего брата, но рыцарственным жестом возвращает ему меч; в славянском переводе добавлен эпизод перед отъездом Вячеслава в Болеславу, когда князь, гарцуя на коне, обращается к дружине со словами “Аз ли

бых не уме с вами, чехи, на комони обрести противник наших, но не хочу”; в славянском Житии (Востоковская легенда) в сцене убийства безоружный Вячеслав валит Болеслава на землю, подминая под себя и только подручным Болеслава удается убить князя. Воинственность короля-викинга Олафа специальной аргументации не требует. О воинственности Бориса и Глеба в Житии ничего не говорится, однако, в определенной мере намеком может служить тот факт, что Владимир I поручает Борису возглавить вместо себя поход на печенегов.

Рассказов о помощи в бою в первоначальных текстах Житий Св. Вячеслава, Олафа, Бориса и Глеба нет. Подробные повествования об этом появляются в позднейших сочинениях, посвященных не самим святым, а тем лицам, кому святые помогали. Помощь русским князьям в битвах со стороны Св. Бориса и Глеба фиксируется уже в Похвале в Анонимном сказании (не поздн. 1115 г.): Св. Борис и Глеб названы здесь “оружием земли Русьской, забралами и утвержением, и мечами обоюдоострыми”. Св. Олаф, как и Св. Борис и Глеб, “помогают”, прежде всего, своим “сродникам”; в Чехии, напротив, весь народ – “чадь (дети) Св. Вацлава, и Св. Вячеслав помогает всей стране, а не только потомкам своего убийцы. Мотив защиты всей страны присутствует и в позднейших сказаниях о Св. Борисе и Глебе: в 1631 г. святые князья-мученики участвуют в бою, громя вместе с казаками турецкие полки под Азовом. Интересным представляется и то обстоятельство, что Св. Олаф изображался в Норвегии в XII–XIV вв. в церемониальном облачении без оружия, в то время как Св. Борис и Глеб предстают в изобразительных памятниках всегда как князья-воины.

При всей разнице развития конкретных культов можно выявить некоторые общие закономерности. Почитание правителей-мучеников возникает в народной среде как следствие насильственной смерти правителя, а отнюдь не в результате особых прижизненных заслуг. Первыми национальными святыми правителями становятся именно мученики, а не крестители страны (Борживой в Чехии, Владимир на Руси). На первом этапе почитания святые почитаются как целители и избавители, однако став святыми покровителями страны они превращаются в подателей победы.

ЧУДЕСНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ НЕМОГО РАБА В ЦЕРКВИ СВ.ОЛАВА В ХОЛЬМГАРДЕ

В нескольких древнескандинавских сагах кон.ХII – нач.ХIII вв. (в житии Св.Олава, принадлежащем архиеп.Эйстейну, в “Древненорвежской книге проповедей”, в “Легендарной саге об Олаве Святом”) содержится рассказ об исцелении Олавом немого раба в Хольмгарде (Новгороде).

“Один варяг на востоке в Гардах купил себе одного молодого раба. И был [тот] немой [и] не мог говорить, однако он был разумный и искусный во многих вещах. И не знал ни один человек, какого он рода, потому что он не мог сказать этого, даже если его об этом спрашивали. Все же многие люди говорили, что он, должно быть, норвежец, потому что он изготовлял оружие, как они, и украшал [его], как делали одни варяги. И вот этот несчастный человек со своим слабым здоровьем повидал многих господ. И как всегда может случиться, это привело к тому, что некий купец освободил его и дал ему свободу по причине мягкосердечия. Тогда отправился он по своей воле и прибыл в тот город, который зовется Хольмгард. И дала ему приют одна хорошая женщина. И прожил он там много дней. А эта хорошая женщина всегда посещала все богослужения, [обращенные] к конунгу Олаву. И почитала она этого великого и милосердного конунга с великой любовью и верой. И вот однажды ночью, когда она заснула, явился ей Олав Святой и так сказал ей, что тот юноша должен последовать за ней на следующий день к заутрене. Она сделала так, как он повелел, привела его с собой на службу в церковь. И как только он пришел в церковь, стал его клонить сон, и лег он и заснул, пока священники служили службу. Вслед за тем он увидел во сне того самого человека, и подошел [тот] к нему в той же самой одежде и в том же обличье, в котором являлся прошлой ночью той женщине. И дал ему речь и исцеление своей милостью и милостью всемогущего Бога при помощи святого конунга Олава” (Leg. s., k. 124).

В приведенном тексте содержится указание на существование в Новгороде ц.Св.Олава. В неопубликованной работе Е.А.Мельниковой не без основания предполагается, что выдвижение церкви в качестве посредника при совершении чуда указывает на “храмо-

вый” характер этих рассказов и дает основание предположить, что они возникли в кругу клира или прихожан этого храма. Существует мнение, что термин “варяг” употреблялся в древнескандинавских источниках только в качестве обозначения скандинавов, служивших в Византии, а к “русским” варягам не применялся. Здесь, однако, так назван хозяин немого юноши, живущий “в Гардах”. Вероятнее всего, как и “варяг” древнерусских источников, слово выступает здесь обозначением скандинава. Согласно “Легендарной саге” и “Древненорвежской книге проповедей”, юноша-ремесленник делал оружие, как норвежцы, и украшал его, как умели одни варяги. По житию Св.Олава, он “бывал среди варягов, ибо умел выделывать оружие, ими употребляемое”.

Это известие древнескандинавских источников никак не противоречит археологическим данным, поскольку материалы, обнаруженные в Ладоге, на Городище под Новгородом и в Гнездове, включают в себя, среди прочего, находки вещей, которые могли быть изготовлены на этой территории либо скандинавскими ремесленниками, либо местными мастерами, находившимися под сильным влиянием скандинавского ремесла. Многие исследователи склонны считать, что в Восточной Европе работали некоторые скандинавские ремесленники (Л.С.Клейн, Г.С.Лебедев, В.А.Назаренко, О.И.Давидан, Е.Н.Носов). Находки подписных мечей с клеймами “Людота” и “Слав(иша?)” (см. тез. докл. А.Н.Кирпичникова в наст. сборнике - *Ред.*) позволяет говорить о производстве на территории древней Руси мечей из дамасской стали, изготавливавшихся, по-преимуществу в среднем течении Рейна и на Готланде (Л.М.Розанова). Как результат северного влияния рассматриваются найденные на Руси кузнечные изделия (в том числе оружие), выполненные в технологии трехслойного пакета (Л.М.Розанова, Т.А.Пушкина). Обнаруженные в Северной Руси ремесленные изделия свидетельствуют о присутствии там значительного числа людей, для которых был близок стиль северных украшений (Е.Н.Носов).

ПЕЩЕРНЫЕ МОНАСТЫРИ ДРЕВНЕГО КИЕВА

Среди многочисленных памятников археологии древнего Киева интересную, но малоизвестную группу составляют пещерные монастыри XI–XIII вв. Подземные сооружения жилого, культового и хозяйственного назначения, выкопанные православными монахами в лессовых толщах киевских склонов, превратились в комплексы пещерных монастырей, которым историческая наука уделяла мало внимания. В последние годы собран значительный фактический материал по киевским подземельям. Являясь специфическим археологическим источником, пещеры требуют для изучения и сохранения комплексного подхода.

Самый древний и наиболее известный подземный комплекс – Киево-Печерский монастырь. На нижней территории этой обители существуют два лабиринта – Ближние и Дальние пещеры. Такое название они получили благодаря своему положению относительно Успенского собора. Возникнув в сер. XI в., пещеры сначала были монашеским жилищем, но вскоре стали использоваться для погребения монахов. С XVI в. они открыты для паломнического посещения. Последними исследованиями выявлено свыше двухсот погребальных крипт и локул, обнаружены ранее неизвестные ходы, подземный храм XI в. с настенными росписями, многочисленные надписи, одна из которых датируется 1150 г., а также богатый археологический материал, позволяющий осветить быт и культуру монастырской братии.

Южнее Киева в кон. XI в. был основан Гнилецкий пещерный монастырь, являвшийся скитом Киево-Печерской лавры. Его первоначальный сложно-разветвленный лабиринт в XII в. превратился в подземное кладбище, а второй, появившийся во вт. пол. XIII в., просуществовал, видимо, до XVI в.

Вблизи Выдубицкого монастыря с XI в. существовали Зверинецкие пещеры, которые своей архитектурой и обрядом захоронения напоминают лабиринты Печерского монастыря. Они прекратили свою деятельность как монашеская обитель в 1240 г.

К домонгольскому периоду относятся пещерные галереи, обнаруженные в районе Выдубицкого и Кирилловского монастырей. Сведения о них носят ограниченный характер, но эти подзе-

мелья, видимо, также служили монастырями.

Традиция пещерножительства в Киеве продолжалась и в послемонгольское время, когда возник целый ряд подземных монастырских комплексов.

Все киевские пещерные монастыри расположены практически в одинаковых топографических условиях: они выкопаны в лессовых породах способом горной проходки, имеют горизонтальное (иногда – в несколько ярусов) залегание. Достаточно устойчивая архитектура и параметры подземных сооружений варьируют в зависимости от функционального назначения того или иного сооружения.

Археологический материал, выявленный в подземных заполнениях, представлен предметами монашеского быта, хозяйственным инвентарем, культовыми аксессуарами в виде монашеской одежды, обуви, крестов-парамандов и поясов с тиснеными на них изображениями праздников. Особый интерес вызывают многочисленные граффити, оставленные на стенах подземных сооружений.

Устойчивость подземной архитектуры и археологического инвентаря киевских пещерных монастырей в течении тысячелетия свидетельствует о высоком уровне аскетизма жителей пещер и неизменности их монашеского быта на протяжении столетий.

Пещерножительство, возникшее в древнекиевской среде под влиянием общеправославного аскетизма, сформировавшееся и приобретшее самобытность в XI–XIII вв., позднее распространилось и в другие регионы восточнославянского мира.

Ю.М.Лесман (Санкт-Петербург)

МОТИВ КРЕСТА В ДЕКОРЕ ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЙ НОВГОРОДА XI–XIV ВВ.

Изучение символического языка древнего орнамента – весьма привлекательная для исследователей, но в то же время и весьма опасная тема, в рамках которой научное исследование подчас незаметно для самого автора подменяется околонушной спекуляцией. Основная трудность связана с тем, что археолог, лишенный синхронно зафиксированного в письменных источниках или сохраненного достоверной традицией словаря древнего знакового

языка, вынужден прибегать к аналогиям или собственным ассоциациям современного человека (знание закономерностей возникновения ассоциаций могло бы быть весьма полезно, но эта тема в рамках психологии пока почти не разработана). Подобный подход принципиально неприемлем при изучении древних знаковых систем, если язык этих систем умер. Ситуация со знаковой системой средневекового христианства с этой точки зрения кажется достаточно обнадеживающей. Христианская традиция может считаться в целом непрерывной и, в рамках православия, достаточно консервативной. Имеется значительный корпус письменных источников, раскрывающий символику тех или иных образов и знаков. Однако, применительно к русскому раннему средневековью, все обстоит не так просто как хотелось бы. Во-первых, тексты, хотя бы в какой-то мере объясняющие изобразительную и орнаментальную символику зафиксированы на Руси начиная лишь с развитого средневековья, и мы не знаем, в какой мере они применимы к предшествующему времени, во-вторых, нам совершенно неизвестен знаковый язык до (и вне-) христианской культуры, особенно знаковый язык древнерусского язычества. Последнее, вкуче с плохим знанием христианской (в том числе народно-христианской) символики, порождает массу спекулятивных интерпретаций тех или иных орнаментальных мотивов и изображений в качестве языческих (Рыбаков 1981; 1987 и др.). Если для предшествующих эпох в археологии существует дурная традиция объявлять все непонятные артефакты культовыми, то для древней Руси они объявляются языческими.

Язычество, в отличие от христианства, является открытой системой, поэтому языческой трактовке могут поддаваться любые мотивы и изображения, даже несомненно христианские. Однако, высокая степень закрытости христианства как религиозной системы еще не означает столь же высокой степени закрытости знакового языка. Многие несомненно языческие образы и мотивы (и эллинские, и восточные, и варварские) переосмыслились христианством и органично входили в его знаковый язык. Даже в православии традиционализм религиозной догматики несомненно сильнее традиционализма обрядовой практики, а последний, в свою очередь, сильнее традиционализма не связанных непосредственно с литургией аспектов знакового языка христианской культуры. Здесь остается достаточно широкое поле для инноваций. Все ска-

занное делает изучение символики декора сохранившихся древнерусских вещей весьма сложной а, подчас, и нерешаемой задачей. Даже для XV–XVI в. удачные примеры анализа символики декора произведений русского прикладного искусства редки (Чернецов 1985: 97-109 и др.) и касаются в первую очередь изобразительных мотивов. Все сказанное требует высочайшей осторожности при изучении символической нагрузки мотивов декора, даже такого казалось-бы простого и очевидного как крест, являющийся центральным символом христианства.

В коллекции, полученной в ходе многолетних раскопок в Новгороде Новгородской археологической экспедиции, насчитывается 188 ювелирных изделий (анализируются находки лишь из тех раскопок, стратиграфия и хронология которых к настоящему времени разработаны), в декоре которых присутствует мотив, который с той или иной степенью надежности можно рассматривать как крест или производные от него. В это число не включены изображения на крестах и иконках. Можно дополнить рассматриваемый материал еще 21 изделием, части которых могут трактоваться как имеющие форму креста. Очевидно, что на самом деле далеко не во всех случаях мы имеем собственно крест. С известной долей условности эти вещи можно подразделить на три группы: с достоверными крестами (73 экз. – рис. 1,1); с весьма вероятными крестами (47 экз. – рис. 1,2); с декором, который мог ассоциироваться с крестом (89 экз. – рис. 1,3). В последнюю группу включены как четырехлепестковые розетки, так и линии, перекрещивающиеся под прямым или близким к прямому углом. Пример сложности трактовки – изображение свастики, являющейся, с одной стороны, традиционным солярным символом, а с другой – формой креста. В Новгороде свастика зафиксирована на пяти изделиях, причем самое раннее из них относится к посл. четв. XII в. Столь позднее появление свастики (к тому же скорее всего в рамках западного влияния) делает трактовку ее как христианского креста существенно более предпочтительной. То же относится и к растительным мотивам, представляющим собой стилизованное, а иногда и деградировавшее до геометрического завитка изображение процветшего креста. Они также появляются в посл. четв. XII в., заменяя лучше проработанные изображения (процветший крест представлен в декоре с первой половины века), и знаменуя собой ту ситуацию, когда владельцу вещи было достаточно наме-

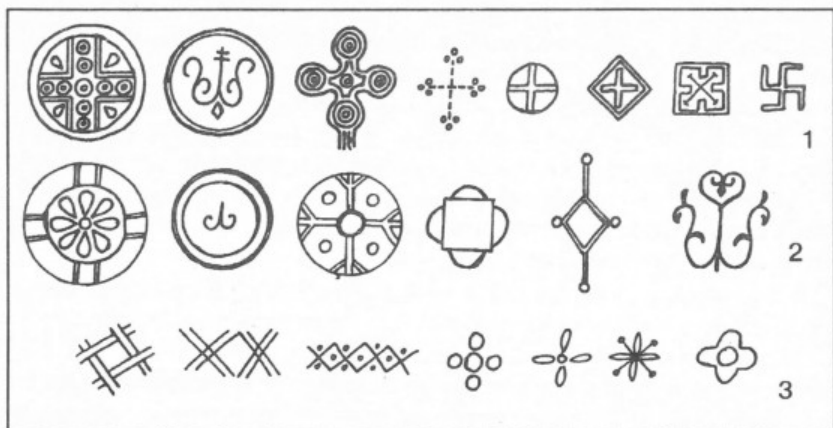

Рис.1. Мотив креста в декоре ювелирных изделий Новгорода и изделия в форме креста. 1 - достоверные изображения креста; 2 - мотивы, напоминающие крест; 3 - мотивы, которые могут ассоциироваться с крестом

ка, чтобы опознать в изображении “честное дерево”. С другой стороны, крестовидные навершия булавок, появляющиеся в Новгороде еще в перв. четв. XI в., могли и не осмысляться в качестве крестов.

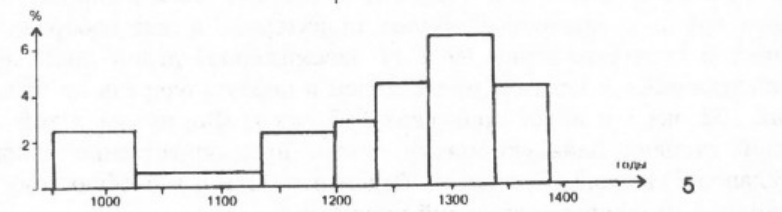
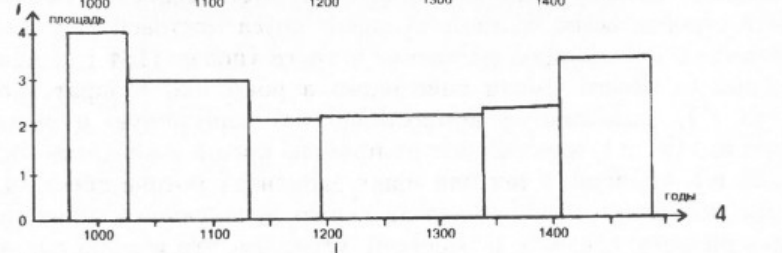
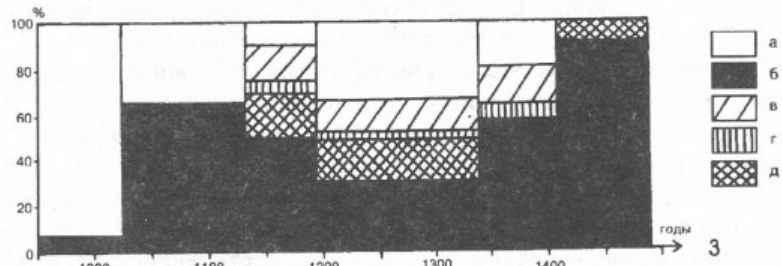
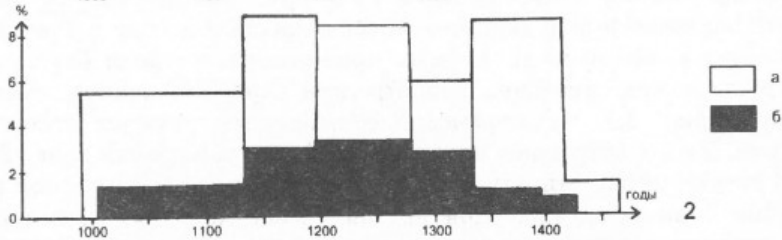
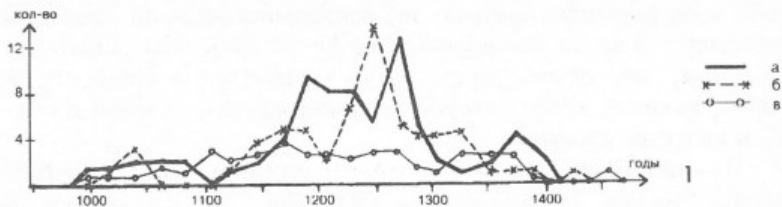
Как видим, даже с трактовкой изображения креста возникает немало проблем и принятие решения возможно лишь с той или иной вероятностью. Принципиально важен при этом общекультурный контекст находок, в первую очередь динамика бытования изображений.

Для приближения к пониманию мотивов креста в декоре рассмотрим распределение числа находок во времени (в абсолютных числах – рис. 2,1; в относительных к общему числу ювелирных изделий – рис. 2,2). Безусловный мотив креста распространяется начиная с 20 яруса Неревского раскопа (1116–1134 гг.) и более широко – с 19–18 ярусов (1134–1177 гг.), но особенно популярен он в сер. XIII в. Декор, напоминающий крест распространен почти непрерывно и колебания популярности его незначительны. Однако мотивы, которые могут лишь ассоциироваться с крестом дают более интересную картину. При наличии непрерывного фона,

они демонстрируют всплеск популярности в динамике аналогичный популярности крестов, но запаздывающий по сравнению с ними на 1–2 яруса (во времени на 30–50 лет). Это свидетельствует о том, что, скорее всего, значительная часть лишь отдаленно напоминающих крест мотивов воспринималась, начиная с кон. XII в., в качестве крестов.

Для понимания динамики христианизации, то есть глубинного проникновения христианства в культуру, показателен тот факт, что наивысшей популярности мотивы креста в декоре достигают в то время, когда среди шейных привесок падает доля безусловно христианских атрибутов и апотропеев (крестов, иконок, змеевиков) (рис. 2,3), одновременно сокращаются размеры крестиков (рис. 2,4) и возрастает число зооморфных украшений (рис. 2,5). В сочетании все эти явления свидетельствуют не о языческой реакции (или ренессансе, при другой оценке явления), как иногда полагают, а о конце периода неофитства и глубинной христианизации культуры в целом (подробнее см.: Лесман 1995).

Начиная с XII в. мотив креста не только становится популярным, а часто и центральным элементом декора ювелирных изделий, но и образует устойчивые композиции, которые могут служить в качестве датирующих типов (см., в частности: Лесман 1989). Отметим в этой связи композицию процветшего креста, в т.ч. и в его стилизованных вариантах (после 1116 г. – даты представляют собой условные рубежи, соответствующие условной же дате строительства соответствующего яруса мостовой Неревского раскопа), композицию из креста в круге (после 1134 г.), композицию из косоугольного креста вписанного в ромб или квадрат (после 1134 г.), аналогичную композицию, но переданную в рельефе (после 1177 г.), композицию из прямого креста в квадрате (после 1238 г.). Наличие в тех или иных вариантах мотива креста в декоре позволяет также выделить серию датирующих типов круглых шейных привесок и перстней. Отметим, что именно для этих двух групп украшений наиболее характерны четкие изображения крестов (соответственно 19 и 17 экземпляров) декор лишь ассоциирующийся с крестом представлен в первую очередь на браслетах (32 экз.) и иных привесках (15 экз.). Форму же в той или иной степени близкую кресту имели преимущественно головки булавок (11 экз.). Однако не будем вторгаться в особую тему семантики различных категорий украшений.

На протяжении сер.XIV-нач.XV вв. мотив креста и его рудименты почти совсем исчезают из декора ювелирных изделий, однако в это время резко сокращаются и общее число украшений, и их разнообразие, и их декорированность. Весь спектр металлических деталей убора ограничивается крестами и иконками, серьгами, перстнями (узкими пластинчатыми, аналогичными современным обручальным, и печатными), маленькими булавками, аналогичными современным французским, пуговицами и деталями ременного набора. Большинство этих изделий (кроме крестов, иконок и печатных перстней) либо лишено декора, либо орнаментировано простейшим линейным бордюром. В этих условиях кресты, принимая на себя нагрузку украшений, вновь увеличиваются в размерах. Изменения, произошедшие в сер.XIV-нач.XV в., знаменуют собой следующий этап внедрения христианской идеологии в народную культуру, когда в массы проникает церковная установка на аскетизм.

Лесман Ю.М. 1989. К датирующим возможностям декора Новгородских ювелирных изделий XI–XIV вв. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып.2. Новгород.

Лесман Ю.М. 1995. Новгородские привески – источник для реконструкции динамики христианизации. // Восточная Европа в древности и средневековье: язычество, христианство, церковь. Тезисы докладов. М.

Рыбаков Б.А. 1981. Язычество древних славян. М.

Рыбаков Б.А. 1987. Язычество древней Руси. М.

Чернецов А.В. 1985. О декоре купола Большого Сиона 1486 г. // СА № 3.

Рис.2 Распределение во времени ювелирных изделий Новгорода. 1 - количество ювелирных изделий с использованием в декоре достоверных изображений креста (*д*), мотивов, напоминающих крест (*б*) и мотивов, которые могли ассоциироваться с крестом (*а*); 2 - процент ювелирных изделий, декорированных изображениями креста (*б*) и мотивами, в той или иной степени напоминающими крест (*а*); 3 - процент среди шейных подвесок привесок, не несущих изображения креста (*а*), крестов, иконок, эмсевигов (*б*), привесок с декором, который мог ассоциироваться с крестом (*в*), привесок с декором, напоминающим крест (*г*), привесок с изображением креста (*д*); 4 - средняя площадь лицевой поверхности крестов-тельников; 5 - процент зооморфных украшений среди ювелирных изделий

ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА В КУЛЬТУРЕ РУСИ XIV В.

Троице-Сергиева Лавра, на протяжении более пяти веков игравшая заметную роль в культурной жизни России, была основана в 1340-е годы в 68 верстах от Москвы. Основатель монастыря, преподобный Сергей (в миру Варфоломей) происходил из семьи ростовских бояр. Он получил прекрасное образование, был знаком с достижениями русской и византийской культуры.

XIV в. – сложное для Руси время. Перед русским народом стояли две основные задачи – свержение монголо-татарского ига и объединение страны, возрождение ее культуры. Русская православная церковь не могла взять на себя идейную подготовку таких задач: иерархи смирились с существующим положением, моральный облик служителей культа не соответствовал их духовному званию – процветало мздоимство, разврат и пьянство, молитвы скорее бормотались, нежели читались. Люди искали опору вне официальной церкви. Именно в это время распространилось учение исихазма, одна из догм которого считала необходимостью совершенствования человека через “умную молитву”, через погружение во внутренний мир. Во 2-й пол. XIV в. на Северо-Западе широкое распространение получила ересь стригольников, отстаивавших право на самостоятельное осмысление религиозного учения. Во всех этих поисках наблюдается общая тенденция – ставить во главу угла человека и его внутренний мир.

Учение Сергия соединило в себе все популярные в то время идеи и определило основную задачу – пробуждение русской национальной гордости и борьба за восстановление независимости и могущества русского государства и его культурных традиций. В своем монастыре Сергей впервые вводит общежитийный устав. Постепенно Троицкий монастырь становится центром “школы благонравия”, основанной на умении всего себя отдавать общему делу. “Эта школа строилась на навыках усиленного труда, на привычках к строгому порядку в знаниях, помыслах и чувствах” (М.А.Ильин).

За свою жизнь Сергей основал 37 монастырей в необжитых местах страны, в основном – к северу от Москвы. Игуменами в этих монастырях становились наиболее одаренные его ученики.

Так шло распространение возникавших в Лавре идей, достижений отечественной и зарубежной культуры, поскольку в Лавре трудились греческие иконописцы, изографы, зодчие, певцы, сыгравшие значительную роль в формировании художественного вкуса монастырской братии. Сергей организовал в Лавре собрание и переписку рукописей, с этого времени ведет свое начало богатейшая библиотека монастыря. В это же время, вероятно, начинает развиваться иконописание, хотя вопрос о существовании в монастыре живописной мастерской остается предметом дискуссии. Художественная жизнь монастыря наложила отпечаток на жизнь окружающего его посада: там появляются иконописцы, ювелиры, резчики по дереву. Для многих художественные промыслы становятся основным занятием. Художественные традиции Лавры наложили отпечаток на московский период творчества Феофана Грека – выдающегося живописца XIV в. Но наиболее полно они проявились в творчестве его ученика, Андрея Рублева, который в 1420-е годы расписывал иконостас Троицкого собора Лавры.

Большое значение для древнерусской культуры явилось утверждение Сергием Радонежским культа Святой Троицы: единство Бога в трех лицах означало для русского народа объединение, прекращение междуусобиц. Именно идеи Сергия во многом подготовили победу русского оружия на Куликовом поле.

Во времена игуменства Сергия Радонежского Троицкий монастырь представлял собой небольшой, строго распланированный, обнесенный оградой деревянный городок, состоящий из прямоугольного каре келий, окружавших церковь и трапезную. В 1408 г. монастырь был сожжен во время нашествия на Москву войск хана Едигея. Премник Сергия, Никон Радонежский, был вынужден полностью восстанавливать монастырь. Задуманное им строительство каменного храма в похвалу Сергию вызвало сопротивление братии: такое строительство означало отказ от принятых в монастыре простоты, сдержанности и скромности во всем. Однако именно с этого времени в монастырь начинают поступать крупные денежные средства в виде вкладов как частных лиц, так и государственных деятелей. Троице-Сергиева лавра начинает играть все более заметную роль в политической жизни Руси. Сообразно с новым положением формируется и внешний облик монастыря – строительные и иные нужды монастыря теперь могли обеспечиваться лучшими силами страны.

Учитывая всю ту значимость Троице-Сергиевой Лавры, которую играл монастырь в позднейшее время, нельзя недооценивать его значения и в начальный период истории обители – в те десятилетия жизни монастыря, когда он был маленьким деревянным поселком, затеряным в глухих лесах северо-восточной Руси: именно на десятилетия жизни и деятельности преподобного Сергия Радонежского приходятся многие события, связанные с возрождением русской духовности и русской культуры.

Л.В.Столярова (Москва)

О ДАТЕ ПСКОВСКОГО АПОСТОЛА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIV В.

Единственной вкладной записью на книгах XIV в., содержащей в качестве части текста летописное свидетельство, является вкладная некоего Тарасия Онтоновича, давшего Апостол перв. четв. XIV в. “к Святому Воскресению” в Пскове (ГИМ, Син. №15, л.128, см.: Щепкина, Протасьева, Костюхина, Гольшенко 1965: 167). В записи замечено, что вклад был сделан в год, когда “бысть знамение в луне”. Вкладная запись Тарасия Онтоновича соседствует с выходной записью, составленной писцом Апостола, Максимом-Станимиром, сыном Павла – попа “Святого Воскресения”.

В именной части вкладной записи, открывающей ее, вкладчик сообщает о себе, что мирское имя его “Станимиров сын, староста Святого Вьскресения”. Выражение “староста Святого Вьскресения”, скорее всего, относится к Станимиру, сыном которого называет себя вкладчик. На основании этого упоминания А.А. Покровский (1916: 140) предположил, что Тарасий Онтонович – сын или близкий родственник писца Максима-Станимира. Учитывая близкие родственные отношения писца и вкладчика, допустимо предположить, что рукопись была переписана Максимом-Станимиром специально для пожертвования ее ц.Воскресения Христова от имени сына писца. Местом вклада Апостола была, скорее всего, ц.Воскресения Иисуса Христа в Домантовой стене (Лабутина 1985: 209).

Если сказанное справедливо, то вкладная и выходная записи

должны были быть составлены одновременно. О синхронности этих двух записей говорит их принадлежность писцу Апостола, Максиму-Станимиру. Не случайно вкладчик начал свою запись не с даты, как это было принято во вкладных записях XIV–XV вв., а с именной части, с оборота “Се аз, раб Божии Тарасии Онтоновиц ... дал”. Видимо, дата выходной и вкладной записей должны были совпадать.

Однако по какой-то причине дата, открывающая выходную запись Апостола, не была дописана до конца и выглядит следующим образом: “В лето 6000-ное [...] индикта в [...] месяца ноября в 19 день на память Святого Пророка Авдия dokonцаны быша книги си ...” Таким образом, мы располагаем только указанием на число тысяч в дате и день окончания работ по переписке кодекса – 19 ноября.

Традиционно рукопись датировалась 1309–1312 гг., поскольку в выходной записи упомянуты как здравствующие и архиепископ Давид, занявший кафедру 5 июня 1312 г., и посадник Борис, скончавшийся 1 июня 1312 г. (Щепкина, Протасьева, Костюхина, Гольщенко 1965: 167, примеч. 87). В записи названы также неизвестный по другим источникам псковский кн. Иван Федорович и новгородский кн. Михаил Ярославич Младший (1307–1318 гг.).

Уточнить датировку рукописи можно, обратившись к летописному свидетельству, помещенному во вкладной записи и совпадающему по времени с выходной: “В то же лето бысть знамение в луне”. По таблицам Д.О.Святского легко определить день месяца и год всех лунных затмений, бывших на Руси в период с 1309 по 1312 гг.; при этом необходимо учитывать показание выходной записи о том, что рукопись окончена 19 ноября: лунное затмение искомого года, таким образом, должно было произойти летом – осенью, то есть – незадолго до указанного в выходной записи дня.

По таблицам устанавливаются два лунных затмения, происшедших в указанное время года (лето – осень) в пределах 1309–1312 гг.: 21 августа 1309 г. и 11 августа 1310 г. (Святский 1915: 173, табл. IV, V). Судя по упоминанию в выходной записи архиепископа Давида, рукопись не могла быть переписана до 5 июня 1309 г., когда владыка принял сан. Поскольку лунное затмение 21 августа 1309 г. произошло вскоре после указанной даты, логично было бы предположить, что поставление нового архиепископа

должно было бы найти отражение в летописной записи рядом с упоминанием о затмении. Однако этого не видим. Скорее всего, в записи упоминается лунное затмение 11 августа 1310 г. Лунных затмений летом-осенью 1311–1312 гг. не было. Поэтому датировка рукописи 1309–1310 гг. представляется более оправданной.

На л.29 Апостола имеется молитвенная запись писца Максима-Станимира с обращением к “Святому Въскресению”: “О, Господи, Святое Въскресение, поспеси и милу (sic!) мень...” Как представляется, запись эта содержит косвенное указание на то, что Максим-Станимир занимался перепиской Апостола все в той же Воскресенской ц. Возможно, при этой духовной корпорации в нач. XIV в. в Пскове существовала книгописная мастерская.

Лабутина И.К. 1985. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М.

Покровский А.А. 1916. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. Обзорение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. М.

Святский Д.О. 1915. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. М.

Щепкина М.В., Протасьева Т.Н., Костюхина Л.М., Гольщенко В.С. 1965. Описание пергаменных рукописей Государственного Исторического музея. Ч.1. Русские рукописи // Археографический ежегодник за 1964 г. М.

А.А.Турилов (Москва)

ПСКОВСКИЕ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ МАКАРИЕВСКИХ КАНОНИЗАЦИОННЫХ СОБОРОВ

В небольшом собрании славянских рукописей в библиотеке Папского Института восточных исследований (Istituto Pontificio Orientale) в Риме, насчитывающем всего около 50 кодексов (по преимуществу – старообрядческие нотные рукописи XIX в.), под №Slavo-5 хранится рукопись, которую с полным правом можно назвать уникальной. Это Стишной пролог на март – август, написанный в два столбца на бумаге с несколькими разновидностями филиграни “голова быка под крестом со змеей”. Рукопись может быть датирована кон. XV или перв. тр. XVI в.

Стишная (или метрическая) редакция Пролога пришла на Русь со славянского Юга лишь в кон. XIV в. и старшие ее списки (вплоть до сер. XVI в.) весьма небогаты отечественным материа-

лом. Римский список Пролога (далее – Римский пролог) в этом отношении представляет неожиданное исключение. Хотя кодекс сохранился не полностью (утрачены начало и конец рукописи), а лишь в объеме с 9 марта по 25 августа, в нем помещены 22 русских Жития и Повести, большинство из которых неизвестно науке.

Запись писца о времени и месте создания рукописи не сохранилась. Если датировку кодекса можно уточнить по филиграммам (нижняя хронологическая граница кодекса или его протографа определяется по памяти перенесения мощей митрополитов Киприана, Фотия и Ионы – 27 мая, л. 113 б; и Петра – 28 августа, л. 240 г; соответственно – 1472 и 1479 гг.), то для определения происхождения рукописи необходимо обратиться к данным языка и состава группы русских житий. Римский пролог несомненно написан писцом, происходящим из зоны говоров, где смешиваются Ц и Ч, I и И (см. напр.: сестричиць – л.146в; по отцю преданию – л.183 об.). С этим согласуется и употребление формулы “Святыи Софей Премудрость Божья” (л.185 г), известной по новгородским, псковским и полоцким памятникам. Против смоленских и полоцких земель как места создания рукописи свидетельствует помещение в ней чисто московских (в широком смысле) святых и праздников – жития митрополита Ионы, память перенесения мощей трех митрополитов и митрополита Петра (совершенно немыслимо в рукописях Литовской Руси после раскола Киевской митрополии в сер. XV в.). Новгород неприемлем в силу слабого знакомства автора (или авторов) житий архиепископов с новгородскими реалиями, в частности – с биографическими сведениями, хотя само обилие житий новгородских владык говорит в пользу новгородской епархии. Наиболее вероятным представляется связь Римского пролога с Псковом. В пользу этого свидетельствует характерная оговорка писца: владыка Евфимий назван в заголовке жития архиепископом “Пьскова Великаго” (3 марта – л.3 г). О псковском происхождении Римского пролога косвенно свидетельствуют и элементы художественного оформления – крупные, пышные киноварные инициалы, известные по псковским памятникам вт. пол. XV – нач. XVI в.

Из числа особых памятников, неизвестных (по крайней мере, в такой редакции) по другим спискам, Римский пролог содержит следующие: жития архиепископа Евфимия II (3 марта – л. 3г-4а), митрополита Ионы (30 марта – л.34в), преподобного Евфи-

мия Суздальского (1 апреля – л.37а–б), виленских мучеников (13 апреля – л.53 об.), Никиты столпника Переславского (22 мая – л.107в–г), обретение мощей Леонтия Ростовского (23 мая – л.108б), перенесение мощей митрополитов Фотия, Киприана и Ионы (27 мая – л.113б), жития Игнатия Ростовского (28 мая – л.115а–б), архиепископа Иоанна II (18 июня – л.146в), Петра и Февронии Муромских (25 июня – л.156а), архиепископа Василия Калики (13 июля – л.166а), архиепископа Спиридона (19 июля – л.190в), архиепископа Иоанна I (23 июля – л.194г–195а), перенесение мощей митрополита Петра (23 августа – л.240г, без конца).

Столь необыкновенное обилие агиографического материала в Римском прологе явно свидетельствует о стремлении создания свода проложных житий всех русских святых, почитавшихся как повсеместно, так и в отдельных княжествах и землях. Факт этот тем более примечателен, что составление корпуса проводилось, по всей видимости, не при владычной кафедре, а по инициативе городского духовенства. Конечно, чрезвычайно важно было бы найти сентябрьскую половину кодекса, чтобы иметь представление обо всем материале в целом.

Историческое значение Римского пролога, безусловно, невелико: сплошные анахронизмы и ошибки в реалиях (Петр и Феврония оказываются матерью и сыном, время жизни архиепископа Евфимия II отнесено к годам правления князя Даниила Ивановича (sic!) Московского, митрополит Иона сменяет на кафедре Киприана, Иоанн II назван племянником (сестричичем) преподобного Зосимы, вероятно – Соловецкого, и преемником владыки Симеона и т.д.) заставляют с осторожностью относиться и к уникальным известиям памятника. Из-за малого объема текстов невелико и собственно литературное значение Римского пролога. Не вызывает сомнений, однако, культурно-исторический аспект. Житийные тексты Римского пролога наглядно освещают механизм творчества рядового книжника, поставленного перед задачей создать агиографический свод, располагая для этого весьма скудными данными. О многих из своих героев агиограф знал лишь то, что сообщал месяцеслов с тропарями и кондаками: день памяти, имя, лик, к которому святой причислен, да одно-два песнопения. Эти немногие книжные сведения соединялись с устными известиями (более обильными для Новгорода, скудными для других городов) и обрабатывались согласно житийному канону (отсюда,

вероятно, и необычные отношения муромских святых – явно под влиянием “исходной пары”: Константин и Елена). Опыт псковского книжника не увенчался успехом – тексты не получили распространения, не будучи, вероятно, одобрены при новгородском владычном дворе. Но сохранившиеся в списке Римского пролога, эти пробные тексты знакомят нас с неизвестной доселе ветхой в истории формирования всероссийского пантеона святых.

Е.К.Пиотровская (Санкт-Петербург)

ХРИСТИАНСКАЯ ТОПОГРАФИЯ КОЗЬМЫ ИНДИКОПЛОВА И СТАРЕЦ ЕЛЕАЗАРОВА МОНАСТЫРЯ ФИЛОФЕЙ

Общеизвестна высокая роль книжных монастырских центров в истории средневековой письменности и культуры. В истории же становления славяно-русской письменности и культуры, в развитии византийско-славяно-русских отношений особенно велика роль монастырей Синая и Афона. Славянские и древнерусские книжники, совершавшие хождения и на Святую Гору Афон, и в Святую Землю, посещали монастыри, знакомились с монастырскими и келейными библиотеками, принимали участие в переводах, копировании и оформлении различных кодексов, приносили с собой книги, полученные в дар, переписанные ими самими в обителях. В свою очередь, и на Русь приезжали и приходили многие грамотные люди из Царьграда, Святых мест, славянских земель: они также приносили и привозили с собой рукописи. А те, кто попадал на Русь в составе посольств и дипломатических миссий, приносили и искусно разукрашенные дары, и священные предметы.

Проблемы изучения средневековых книжных монастырских центров находятся в неразрывной связи с историей формирования и развития средневековой культуры. Однако степень изученности научных проблем и дошедших до нас источников неодинакова. Гораздо подробнее исследованы материалы Афонских монастырей и Синая, отдельных регионов на Балканах, а среди древнерусских книжных центров наибольшее внимание уделялось Кирилло-Белозерскому, Иосифо-Волоколамскому и Соловецкому монастырям.

Среди северных древнерусских монастырей в меньшей степени изучены книжные монастырские центры Новгорода и Пскова, последнего – в особенности. Однако, хорошо известно, что именно на северо-западных границах русского государства, в Елезаровском монастыре под Псковом жил старец Филофей – въедливый книжник, не лишенный публицистического дара, в своих посланиях обличавший порок (человеческую гордыню) и латинскую ересь. Именно он, используя литературные тропы полемического жанра, впервые в истории древнерусской письменности обосновывает идею незыблемости Московского царства – сравнивает Московское царство с вечным Римом и с христианским Константинополем, и тем самым подходит к логическому заключению о существовании символа православной твердыни – Москвы-Третьего Рима. Древнерусские книжники, обращавшиеся к чтению и копированию сочинений Филофея, вряд ли могли себе представить, какие далеко идущие последствия будет иметь в умах и трудах исследователей, философов, политологов этот литературный образ, какую пищу для ума и ортодоксов, и оригинальных концептуалистов даст он для на протяжении последующих веков.

В нач. XX в. В.Малинин, а в дальнейшем Н.Андреев, А.Л. Гольдберг, Ф.Кэмпфер, Я.С.Лурье, Н.А.Масленникова и др. подробно останавливались в своих исследованиях на истоках формирования идеи Филофея. Среди круга известных и, вероятно, использованных Филофеем источников для подтверждения философско-исторической идеи Москвы-Третьего Рима были и переводные византийские сочинения эсхатологического характера или их фрагменты, в которых описывались различные космогонические представления. К такого рода сочинениям можно отнести, например, “Послания апостола Павла”, “Шестоднев Иоанна, экзарха Болгарского”, “Толковую Палею”, “Откровения Мефодия Патарского”, “Христианскую Топографию Козьмы Индикоплова” и др. Однако степень их проникновения и источниковедческие связи с Посланиями Филофея изучены не в полной мере. Более того, проблемы влияния и взаимоотношения переводных сочинений и оригинальной древнерусской письменности и духовной культуры связаны, в свою очередь, с историко-текстологическими, лингвистическими и источниковедческими вопросами изучения конкретных памятников.

“Христианской Топографии Козьмы Индикоплова” среди пе-

речисленных сочинений принадлежит особое место. Так как наиболее яркие картины Послания Филофея, связанные с космогоническими представлениями, находят себе соответствия именно в сочинении Козьмы, необходимо установить их текстологические и источниковедческие связи, а также попытаться объяснить, каким образом старец Филофей мог быть знаком с сочинением Козьмы.

Козьма Индикоплов, византийский купец и путешественник, жил в VI в. и известен в истории средневековой письменности как автор сложного, эклектичного по жанру и содержанию сочинения "Христианская Топография". Топография включает в себя 12 "слов", из которых общей темой описания земли и мироздания объединены лишь первые пять, а остальные семь посвящены либо географическим и астрономическим темам, либо развивают и дополняют тематику первых пяти "слов", либо содержат выдержки из сочинений Отцов церкви, подтверждающие основную идею сочинения о Промысле Божиим. Топография была великолепно иллюминирована более чем 40 миниатюрами, иллюстрирующими события библейской истории, заход и восход солнца, небесные созвездия, экзотических зверей и растения. В работах Д.В.Айналова, Н.П.Кондакова, Е.К.Редина и К.В.Вейцмана подробно изучена иконография греческого оригинала и древнерусских копий этого сочинения. Греческая традиция сохранила лишь три списка IX–XI вв. и небольшое число фрагментов XVI–XVIII вв. В древнерусской традиции дошло приблизительно 100 списков (полных и в отрывках) XV–XIX вв.

Существуют разные точки зрения по вопросу о времени и месте перевода сочинения на древнеславянский язык, а также о времени появления списков сочинения на Руси. Популярность сочинения Козьмы на Руси, несмотря на его выраженную антиптолемеевскую систему описания земли, была чрезвычайно высока. Во многих рукописях Козьма изображен с нимбом святого (в греческих рукописях его портрет отсутствует), известна даже поздняя северная икона с изображением Козьмы. Возможно, это связано с тем, что свою жизнь автор "Христианской Топографии" завершил монахом на Синае, где и занимался написанием Топографии.

Среди дошедших древнерусских списков нам неизвестны рукописи, связанные с псковскими монастырями. Зато богаты списками сочинения Козьмы Кирилло-Белозерское, Софийское, Соловецкое и Иосифо-Волоколамское собрания. По-видимому, только

дальнейшее кодикологическое изучение сборников, в которых сохранились фрагменты разных "слов" Топографии позволит объяснить пути проникновения этого сочинения в Псковскую землю.

М.Е.Бычкова (Москва)

ИКОНА СИМОНА УШАКОВА И ИДЕЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Для средневекового общества характерны различные способы оформления идеи власти государя, происхождения государства. Значительную роль здесь играют литературные и художественные произведения, рассказывающие о происхождении династии и славных деяниях предков правителя. В христианском мире благородство происхождения доказывалось, в том числе, количеством святых и подвижников церкви среди членов семьи. В странах Западной Европы эта тенденция начала развиваться еще в XII-XIV вв.: в родословные таблицы вставлялись имена святых и чудотворцев, связанных родством с предками дома (Vaucher 1977: 397-400).

Аналогичное явление мы наблюдаем, обратившись к русским генеалогическим документам XVI в. В княжеских росписях, кроме упоминаний о первых святых князьях Борисе и Глебе появляются рассказы о черниговском великом князе Михаиле Всеволодиче; великие князья часто указывали степень своего родства с Александром Невским. Как и в других странах христианского мира, где почти каждый знатный род имел среди предков святых и преподобных, в России наличие таких имен в родословной придавало роду моральный авторитет. Особенно эта тенденция проявилась в кон.XVII в., когда шло массовое составление росписей и их представление в Разрядный приказ (Бычкова 1986: 39-43).

Среди других русских святых и чудотворцев в общественном сознании XVI-XVII вв. особое место отводилось московскому митрополиту Петру: сподвижник великого князя Ивана Калиты мыслился как духовный наставник московских великих князей. В официальных великокняжеских документах он выступал как иерарх, поддерживавший деятельность великого князя: еще в XVI в. в царской казне хранился крест, которым, по преданию, митрополит Петр благословил Ивана Калиту и его род на великое

княжение (Бычкова 1995). И в XVII в., когда сформировался достаточно широкий круг русских святых и преподобных, чья деятельность связывалась с основанием и укреплением царской власти, особое место в нем занимали митрополит Петр и Сергей Радонежский.

Наиболее ярко роль и место церкви в духовной жизни государства, на мой взгляд, проявились в композиции иконы "Богоматерь Владимирская или Насаждение древа Российского государства" (Антонова, Мнева 1963: 411-413, № 912, рис. 142-143), написанной Симоном Ушаковым в 1668 г. для алтаря ц.Троицы в Никитниках (Москва). Создание Российского государства представлено здесь в виде родословного древа. Подобные древа спиритуальной генеалогии известны в византийской и западноевропейской традиции. Еще в XV в. они были довольно широко распространены в различных сборниках, содержащих жизнеописания святых и преподобных католических монашеских орденов.

В России первая попытка создать родословное древо по законам западной генеалогии принадлежала не историку, а художнику. Живописец попытался в графической форме осмыслить происхождение Российского государства и использовал при этом традиционный набор средств европейской генеалогии: в корнях древа основатели государства, его родоначальники; на ветвях в медальонах помещены лики людей, много сделавших для развития государственности и духовной жизни русского общества (портреты иерархов церкви, наиболее почитаемых святых); "насаждают" древо великий князь Иван Калита и митрополит Петр.

Проанализировав состав лиц, помещенных на древе Российского государства, можно понять не только идейный смысл иконы Симона Ушакова, но также определить приоритеты исторического развития Русского государства и наиболее почитаемые моральные авторитеты из его прошлого, которые существовали во II пол. XVII в.

Антонова В.И., Мнева Н.Е. 1963. Каталог древнерусской живописи. Опыт историко-художественной классификации. Т.2, XVI - начало XVII века. М.

Бычкова М.Е. 1986. Состав класса феодалов России в XVI в. М.

Бычкова М.Е. 1995. Московские самодержцы. История возведения на престол. Обряды и регалии. М.

Vaucher A. 1977. "Beata strips": saintete et linage en Occident aux XIIIe et XIVe siecle // Famille et parente dans l'Occident Medieval. Rome.

ЦЕРКОВНЫЕ ОБИХОДНИКИ КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI В.

Церковный устав, которым руководствуется Русская Православная церковь, свой нынешний вид получил в XVI–XVII вв. Около 1,5 тыс. лет ушло на создание устава, в развитии которого принимала участие церковь различных эпох (Скабалланович 1910: 1–2). Русская церковь на первых порах своего существования пользовалась в богослужении уставом церкви Константинопольской (Лисицын 1911: 33). В 1062 г. в Киево-Печерском монастыре при игумене Феодосии появился ктиторийский Алексеевский устав, затем этот устав распространился и в других монастырях (Лисицын 1911: 163).

Церковный устав состоит из двух частей: богослужебной и дисциплинарной. Дисциплинарная часть содержится в уставах иноческих, основанных знаменитыми подвижниками или создателями (ктиторами) монастырей: царями, патриархами и др. Ктиториями в общем смысле называются и монастыри, основанные подвижниками (Сергий 1901: 136–137).

На Руси существовало две формы монашеской организации: общежитие и особножитие (Никольский 1907: 168; Никитский 1873; Казанский 1872: 790–792, 806–807). В Московской Руси организация общежительного монашества совпала с заменой монастырского дисциплинарного и богослужебного устава (Алексеевского) уставом Иерусалимским. Но так как в Иерусалимском уставе дисциплинарная часть была развита слабо, то это, во-первых, открывало доступ непосредственному влиянию Номоканона, творений Василия Великого, Иоанна Лествичника и др., во-вторых, делало необходимым подражание уже существовавшему монастырскому строю, а, в третьих, усиливало значение местных условий жизни (Никольский 1907: 155).

Время основания Кирилло-Белозерского монастыря (1397) совпало с эпохой смены уставов. Но сведения о богослужении в Кирилло-Белозерском монастыре с кон. XIV до сер. XVI вв. до нас дошли отрывочные и мало определенные (СПбФА РАН, ф.247, оп.1, д.37: 1). На протяжении XV–XVII вв. И.Д.Мансвентов насчитывает шесть редакций Иерусалимского устава, среди

которых большой известностью и распространением пользовалась III-я редакция 1401 г., известная под названием "Око церковное"; автором "Ока" был Афанасий Высотский (Дмитриевский 1884: 271–281). Н.К.Никольский считает, что в Кирилло-Белозерском монастыре в нач. XV в. была в употреблении Сербская или Святогорская (Афонская) редакция Иерусалимского устава а, позднее, может быть – редакция Афанасия Высотского (СПбФА РАН, ф.247, оп.1, д.37: 6).

Более определенные сведения об общественном богослужении в Кирилло-Белозерском монастыре относятся лишь к сер. XVI в. – ко времени появления церковных Обиходников, то есть – местно-русских церковных уставов. Появление Обиходников характерно для всех крупных монастырей этого периода (Дмитриевский 1884: 145, сл.).

Церковные Обиходники – "это краткие богослужебные уставы, действовавшие в Кирилловом монастыре. Они не заменяли собою устава, на который нередко ссылались, а только дополняли его". Появление кирилловских Обиходников обуславливалось, вероятно, необходимостью и желанием упорядочить писанными правилами разные отрасли внутренней жизни обители; это желание, вероятно, возникло вместе с быстрым возрастанием монастырских богатств. В сер. XVI в. Кириллов монастырь располагал богато украшенными храмами с многими колоколами и церковными сосудами, имел роскошную ризницу. Чтобы пользоваться всем этим для благолепия и стройности в богослужении, обычай и память еkkлесиархов должны были оказаться недостаточными тем более, что к сер. XVI в. русская богослужебная практика уже имела отличия от предписаний Типика (СПбФА РАН, ф.247, оп.1, д.37: 7).

На протяжении вт. пол. XVI в. Кирилловские Обиходники имели три редакции, различавшиеся, главным образом, по полноте своего состава. Но все три редакции одинаково свидетельствуют о том, что еще в нач. XVII в. богослужение в Кирилловом монастыре подчинялось Иерусалимскому уставу того типа, который был в общем близок к употребляемому ныне церковному уставу (Там же, л.9). Особенности богослужения в Кирилло-Белозерском монастыре по Обиходникам касались вопросов: в какое время, как долго и в какие колокола звонить к богослужению; кто совершал богослужение (игумен или кто-то другой); в каких ри-

зах служить; давались указания на изменения в пище, которые допускались для братии в праздники, а не в кормовые дни; отмечались дни, когда монастырские люди "не делают" и проч. Другая особенность состояла в способе изменения к тем же условиям богослужебных предписаний русской церковной власти о богослужебном чествовании праздников и новых памятей (Там же, л.10, 11). Сущность особенностей не затрагивала литургической стороны Иерусалимского устава. Эти особенности выделились из общерусской богослужебной практики и как местный отголосок судьбы нашего Синаксаря в XV–XVI вв. (Там же, л.11).

Дмитриевский А.А. 1884. Богослужение в русской церкви в XVI в. Казань.

Казанский П. 1872. Общий очерк жизни иноков египетских в IV и V веках // Творения святых отцов, кн.3, М.

Лисицын М. 1911. Первоначальный славяно-русский Типикон. Историко-археологическое исследование. СПб.

Мансветов И.Д. 1855. Церковный устав (Типик), его образование и судьба в греческой и русской церкви. М.

Никитский А. 1873. Очерк внутренней истории Пскова. СПб.

Никольский Н.К. 1907. Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре в XV и XVI веках, и в начале XVII в. // Христианское чтение, т.224, август.

Сергий, архиеп. 1901. Полный месяцеслов Востока. Т.1, Владимир.

Скабалланович М.С. 1910. Толковый Типикон. Вып. 1, Киев.

А.А.Купранис (Санкт-Петербург)

ПЕЧАТИ ИЕРАРХОВ РУССКОЙ ЦЕРКВИ XII В.

Попытка выявить хронологические закономерности оформления печатей иерархов русской православной церкви основана прежде всего на представлении о том, что элементы оформления сфрагистических типов не появлялись спонтанно, а, напротив, в подавляющем большинстве случаев носили осознанный характер подражания или заимствования.

На византийское происхождение ранних типов печатей русского духовенства обращал внимание еще Н.П.Лихачев (1930: 1). В.Л.Янин считал, что "печати поначалу, нужно думать, изготовлялись в Византии" (Янин 1970: 156). Он же обратил внимание на изначальную подражательность новгородских владычных булл киевским митрополичьим (Янин 1970: 57). Детальное сопоставле-

ние владычных печатей позволяет утверждать, что хаотичность и непостоянство элементов оформления сфрагистических типов, отмечавшееся в литературе, это только кажущееся явление, по крайней мере – для XII в.

На рубеже XI–XII вв. появляются митрополичьи печати, несущие новый, не встречающийся на печатях митрополитов XI в. тип легенды, начинающейся со слова "СФРАГИС" ("Печать"). Владельцы этих печатей не включают в формулу легенды титул "митрополит", вместо этого на печатях читаются титулы "проедр", "епископ", "архипастыр". Аверс нового сфрагистического типа занимает погрудное изображение Богоматери.

Старейшей оформленной подобным образом митрополичьей печатью является печать №45 (здесь и далее – номера печатей в тексте и на рисунках приведены в соответствии с Корпусом актов печатей древней Руси В.Л.Янина, см.: Янин 1970), принадлежавшая киевскому митрополиту Николаю (Янин 1970: 48). К сожалению, фотография этой печати до сих пор не опубликована, хотя упоминание о ней имелось еще в своде Г.Шлюмберже (1884: 740). Легенда титулует владельца "проедром России". В течение всего домонгольского периода имя Николай лишь однажды встречается в списках киевских митрополитов. Это обстоятельство позволяет надежно связать печать с митрополитом Николаем, занимавшим киевскую кафедру на рубеже XI–XII вв.

М.Д.Приселков, опираясь на факт поставления в 1096 г. епископом в Новгород Никиты, предполагал присутствие в Киеве митрополита Николая, по крайней мере, начиная с этого года (Приселков 1913: 285). Концом святительства Николая условно считается 1104 г., когда на киевской кафедре появился его преемник Никифор I.

Легенда печатей №46 и 47, которые принадлежали Никифору I (Янин 1970: 48–49), занимавшего киевскую кафедру по 1121 г., начинается словами "АГНИ СКЕПОІС МЕ..." ("Пресвятая, воззри на меня..."). Этот элемент оформления выделяет печати Никифора I среди митрополичьих печатей перв. пол. XII в. Другой примечательной особенностью печатей является применение сильно сокращенного титула владельца ("российский"). Несмотря на эпизодичность использования легенды типа "АГНИ..." в митрополичьей сфрагистике, именно печати с этим типом легенды послужили образцом при формировании епископских печатей

перв. пол. XII в. с греческой легендой, что, кстати, подтверждает правильность атрибуции печатей именно митрополиту Никифору I, а не Никифору II (1182 – ок. 1198 гг.).

На печатях №59 и 59а, принадлежавших современнику митрополита Никифора I – новгородскому епископу Ивану Попьяну (Янин 1970: 177; 1978: 47; Laurent 1972: 24, №788), занимавшему Софийскую кафедру с 1110 по 1130 гг., помещена легенда, принципы построения которой несомненно заимствованы с митрополичьего сфрагистического типа. Однако, несмотря на наличие легенды, называющей владельца печати "пастырем Новгородским", эти печати анонимны, поскольку легенда не содержит имени владельца и принадлежность печатей определяется исходя из соображения тезоименности владельца печати Св. Иоанну, изображенному на аверсе. Предшественники Ивана Попьяна использовали какие-то иные, вероятно, анонимные типы печати, иначе трудно объяснить отсутствие печатей, уверенно атрибутированных новгородским владыкам, занимавшим кафедру до 1110 г. (при том что печати епископов, занимавших кафедру после 1110 г., представлены достаточно полно). В.Л.Янин предположил, что анонимные печати с погрудным изображением Св. Феодора на одной стороне и процветшего креста на другой, возможно, принадлежали епископу Феодору (Янин 1970: 152, 224, №324–325), находившемуся на новгородской кафедре с 1069 по 1077 гг, допустив, таким образом, возможность существования ранних анонимных владычных печатей с изображением тезоименного святого. Дополнительным аргументом в пользу существования таких сфрагистических типов может служить анонимная печать игумена с погрудным изображением архангела Михаила и греческой легендой (Коваленко, Молчанов 1993: 212, №9), а так же печать, приписываемая современнику Ивана Попьяна – черниговскому епископу Феоктисту (1113–1123 гг.): на одной стороне изображение Богоматери в типе "Оранта", а на другой – изображение Св. Феоктиста; оба изображения в рост (Коваленко, Молчанов 1993: 212, №9). Поэтому представляется вероятным, что на печатях предшественников Ивана Попьяна могли помещаться изображения тезоименных святых.

Именные печати (№54, 55) епископа Нифонта (Янин 1970: 53–54), находившегося на новгородской кафедре с 1131 по 1156 гг., по существу представляют собой развитие сфрагистичес-

кого типа Ивана Попьяна. Используя тот же тип легенды, Нифонт отказывается от анонимности сфрагистической регалии и применяет неполный титул – "новгородский". На аверсе появляется погрудное изображение Богоматери "Знамение". В греческих надписях печатей Нифонта впервые фиксируется закрытая форма "B", что позволяет датировать печати, надписи которых содержат открытую форму "R", по крайней мере, не позднее чем первой половиной XII в.

Существует еще одна печать (№56), по своему оформлению занимающая промежуточное положение между печатями Ивана Попьяна и Нифонта: ее аверс оттиснут матрицей аверса печати Нифонта с изображением Богоматери, а на реверсе помещена легенда, слово в слово совпадающая с легендой печатей Иоанна (Янин 1970: 54). Палеографические особенности надписей печати полностью совпадают с особенностями надписей печатей Нифонта. Анонимность печати не позволяет выяснить имени ее владельца; по особенностям оформления, она могла относиться либо к заключительному периоду деятельности епископа Иоанна, либо к начальному периоду деятельности Нифонта. Первое кажется более вероятным.

Еще одну группу печатей, похожих по оформлению на печати Нифонта, образуют печати №65 и 66 галицкого епископа Козьмы (Янин 1970: 58), занимавшего кафедру с 1157 по 1165 гг. Легенда этих печатей "МИТЕР ΘΕΟΥ ΣΚΕΠΟΙΣ ΜΕ..." ("Богоматерь, возри на меня..."), по существу эквивалентна легенде "ΑΓΝΙ ΣΚΕΠΟΙΣ ΜΕ...", точно так же используется и неполное титулование владельца. На аверсе помещено погрудное изображение Богоматери "Знамение".

Преемник Никифора I митрополит Никита, занявший киевскую кафедру в 1122 г. и умерший в 1126 г., вернулся к использованию легенды типа "СФРАΓΙΣ...": на аверсе принадлежавшей ему печати (№47а) помещено погрудное изображение Богоматери "Знамение", а реверс занят четырехстрочной греческой надписью "СФΡΑΓΙ/ΝΙΚΗΤΑ/ΡΩΣΙΑΣ/ΕΠΙΣΚΟΠΟΥ" ("Печать Никиты российского епископа", см.: Zacos 1984: 645, pl. 64, №645). Изображение Богоматери на печати Никиты настолько сходно с изображением на печатях Никифора I, что можно предположить если и не руку одного мастера, то, по крайней мере, одну и ту же мас-

терскую. По крайней мере, хронологическая близость печатей Никифора и Никиты несомненна. Претендовать на обладание печатью "российского епископа" Никиты, казалось, мог бы и белгородский епископ Никита, поставленный на кафедру в 1113 г. Однако, как справедливо отмечал В.Л.Янин, топоним "российский" вряд ли мог использоваться для обозначения какой либо отдельной епархии (Янин 1970: 58), к тому же на владычных печатях перв. пол. XII в. не отмечено случаев использования титула "епископ" для указания сана владельца.

Печать №48 митрополита Михаила (Янин 1970: 48) прибывшего в 1131 г. и оставившего киевскую кафедру в 1147 г., оформлены так же, как и печати его предшественника: на аверсе помещено погрудное изображение Богоматери "Знамение", на реверсе — легенда типа "СФРАГИС...", титулюющая владельца "архипастырем России".

Печать №49 митрополита Константина I (Янин 1970: 49), занявшего киевскую кафедру в 1156 г. и умершего в 1159 г., продолжает традицию использования легенды типа "СФРАГИС...". Легенда титулует владельца "проедром России", на аверсе помещено погрудное изображение Богоматери.

Единственный оформленный подобным образом тип епископской печати (№64) принадлежит полоцкому епископу Дионисию (Янин 1970: 57–58), умершему в 1183 г. Год поставления его на кафедру не известен, однако Е.Е.Голубинский (1901: 682) предполагал, что это произошло не позднее 1169 г. Если принять гипотезу о том, что предшественник Дионисия — полоцкий епископ Козьма, поставленный на кафедру в 1143 г., и епископ Козьма, занимавший галицкую кафедру в 1157 г., являются одним и тем же лицом (Янин 1970: 58), то получится, что Дионисий занял полоцкую кафедру не позже 1157 г. Такая реконструкция событий позволяет объяснить, почему полоцкий епископ Дионисий, занимавший кафедру вплоть до начала 80-х годов XII в., пользовался сфрагистическим типом сер. XII в.: печать Дионисия сформировалась в начальный период его святительства в подражание сфрагистическому типу митрополита Константина I, современником которого был Дионисий. Легенда печати Дионисия титулует владельца "епископом", что ни разу не зафиксировано на более ранних владычных сфрагистических типах. Предположение о перемещении полоцкого епископа Козьмы на галицкую кафедру по-

зволяет так же объяснить и особенности оформления его печатей: сфрагистический тип Козьмы мог сформироваться еще во время пребывания владыки на Полоцкой кафедре, то есть – между 1143 и 1157 гг. В любом случае, несомненно, что он сформировался под влиянием печатей епископа Нифонта, занимавшего новгородскую кафедру вплоть до 1156 г.

Владычные печати, тяготеющие ко вт. пол. XII, отличаются, прежде всего, использованием типа легенды, начинающегося с имени владельца печати в именительном падеже; формула легенды титулуется владельцев "митрополитами" и "епископами". Наиболее ранние владычные печати с использованием этого типа легенды (№63) принадлежат смоленскому епископу Мануилу (Янин 1970: 57), поставленному на кафедру при ее учреждении в 1137 г. В 1147 г. Мануил участвовал в поставлении митрополитом Клима Смолятича, затем, поссорившись с ним, вынужден был оставить кафедру и вернулся на смоленскую кафедру лишь в 1156 г. Его дальнейшая судьба не ясна, известно лишь, что он оставался смоленским епископом в 1167 г., а в 1180 г. смоленскую кафедру уже занимал епископ Константин. На аверсе печатей Мануила помещено погрудное изображение Богоматери "Знамение", в легенде владыка титулован "смоленским епископом". Печати Мануила не находят себе аналогов ни в митрополичьей, ни в епископской сфрагистике перв. пол. XII в., что позволяет относить буллы ко второму периоду святительства Мануила (1156–1180).

Аналогичный тип легенды появляется и на печати (№56а) новгородского епископа Аркадия (Янин 1970: 230), избранного новгородцами в 1156 г. и умершего в 1163 г. На аверсе печати Аркадия впервые появляется изображение Богоматери "Знамение" в полный рост, на долгие годы ставшее характерным элементом оформления печатей новгородских владык. Лишь однажды, на архиепископской печати (№58) Или (1165–1186), обладающей, по мнению В. Л. Янина (1970: 55), заметной претенциозностью, помещено погрудное изображение Богоматери. Легенда печати Аркадия титулуется его "новгородским епископом".

Аркадий впервые в практике оформления владычных печатей Руси использовал для написания легенды русский язык. После Аркадия все новгородские владыки пользовались сфрагистической регалией, легенда на которой содержала титул "епископ" или "архиепископ", начиналась с имени владельца в именительном па-

деже и была написана по-русски.

На печатях киевских митрополитов тип легенды, начинающийся с имени владельца, появился, предположительно, еще во времена митрополита Феодора. Вероятно, именно в подражание митрополичьей печати оформили свои сфрагистические регалии его современники – новгородский епископ Аркадий и смоленский епископ Мануил.

Именно такой тип легенды имеет печать №51, атрибуированная Константину II (Янин 1970: 49), занимавшему киевскую кафедру с 1167 г. и остававшемуся на ней, по крайней мере, до 1174 г. Легенда печати титулуется владельца "митрополитом всея России". На аверсе печати вместо обязательного для митрополичьих печатей перв. пол. XII в. погрудного изображения Богоматери помещено изображение Богоматери, сидящей на троне.

На печати №52, атрибуированной Никифору II (Янин 1970: 48–49), поставленному на киевскую кафедру в 1182 г. и упоминаемому еще в 1198 г., легенда занимает обе стороны, так что изображение отсутствует. Формула легенды начинается с имени владельца в родительном падеже. Она лишь формально может быть поставлена в один ряд с легендами на печатях митрополитов Константина II и Кирилла I. По существу, эта легенда представляет собой более распространенный вариант легенды типа "АГНИ СКЕПОИС МЕ...", помещенной на печатях Никифора I. К тому же, легенда печати называет своего владельца "архипастырь всея России", не называя его митрополитом, что тоже характерно для митрополичьих печатей перв. пол. XII в. Н.П.Лихачев (1930: 4) считал, что "по типу" эта печать может быть отнесена и ко времени Никифора I, и ко времени Никифора II. Нужно полагать, что решающим доводом в пользу отнесения печати Никифору II явился факт существования печатей "Никифора российского", более соответствовавших по оформлению перв. пол. XII в. Однако, Н.П.Лихачев отмечал возможность существования различных типов печатей: печатей для личной переписки с неполным титулом владельца и печатей для привешивания к официальным документам. Таким образом, от отнесения этой печати к перв. пол. XII в. и, соответственно, от атрибуции буллы Никифору I удерживает лишь употребление в легенде не свойственного для этого времени титулования, включающего формулу "всея России", а также необычайно большая и массивная для печатей перв. пол. XII в. заго-

товка печати. Все это, строго говоря, не является достаточно веским аргументом в пользу бесспорного отнесения печати ко вт. пол. XII в. Гораздо важнее то, что до сих пор не обнаружено различных сфрагистических типов владык, чьи имена лишь однажды упоминаются в митрополичьих списках. В любом случае, эта печать №52 отличается от ныне известных митрополичьих печатей вт. пол. XII в. отсутствием изображения и особенностями построения легенды.

Кириллу I, занявшему киевскую кафедру в 1225 г. и умершему в 1233 г., приписываются печати №53), два экз. которой найдены на городище Княжая Гора, прекратившем свое существование в результате монгольского нашествия; это и позволяет связать буллы именно с Кириллом I, а не с более поздним одноименным митрополитом (Янин 1970: 49–50; Сотникова 1987: 161, №7). Легенда печатей Кирилла I титулует владельца "монах, архиепископ митрополии России"; на аверсе помещено изображение Богоматери "Знамение" в рост.

Относительно печати №50, предположительно атрибуированной Иоанну IV (Янин 1970: 50–51), занимавшему киевскую кафедру с 1164 по 1166 гг., автор уже высказывался (Купранис 1994а: 205–212; 1994б: 127–130). По своему оформлению эта печать не похожа на печати митрополитов Константина I и Константина II – предшественника и преемника Иоанна IV на киевской кафедре. Это обстоятельство не позволяет определять время деятельности владельца печати в пределах вт. пол. XII в.: его следует искать среди митрополитов XI – перв. пол. XII вв. Это мог быть либо Иоанн I, по свидетельствам некоторых источников, занявший киевскую кафедру в 1007 г. и пребывающий на ней, по крайней мере, в начальный период киевского княжения Ярослава Мудрого; либо Иоанн II, поставленный на киевскую кафедру, вероятно, около 1077 г. и умерший в 1089 г.; либо, наконец, Иоанн III, сменивший на кафедре Иоанна II и занимавший ее около года. Выбирая наиболее вероятную среди перечисленных атрибуций, я считаю полагал возможным опираться на мнение В. Лорана, датировавшего печать кон. X – нач. XI вв. и категорически отрицавшего возможность датировки печати 70–80-ми годами XI в. (Янин 1970: 51). Экземпляр печати, которым располагал В. Лоран, к сожалению, крайне плохо сохранился, что ослабляет степень однозначности вывода. В то же время из известных на се-

годняшний день печатей киевских митрополитов XI в. наиболее близкими печати митрополита Иоанна по элементам оформления сфрагистического типа являются печать предшественника Иоанна II митрополита Георгия (Янин 1970: 47–48, №43), с одной стороны, и печать митрополита Николая, с другой. Печать митрополита Иоанна по оформлению занимает между ними промежуточное положение, так что вполне вероятно и хронологическая близость этих печатей. Иными словами, печать Иоанна могла принадлежать либо Иоанну II, либо Иоанну III.

Таким образом, рассмотренные печати связаны друг с другом одинаковыми элементами оформления. Это могут быть иконографический тип аверса, формула легенды, особенности титулования, палеографические особенности надписей, декоративные элементы оформления поля, размеры и тип используемой заготовки.

Тип изображения. Начиная с рубежа XI–XII вв. на митрополичьих и епископских печатях помещается погрудное изображение Богоматери. Единственным исключением являются печати новгородского епископа Ивана Попьяна, на которых зафиксировано погрудное изображение тезоименного святого. Со вт. пол. 50-х гг. XII в. на печатях новгородских владык появляется изображение Богоматери в рост. Вероятно, приблизительно в это же время отказываются от использования погрудного изображения Богоматери и киевские митрополиты. Однако, галицкий, полоцкий и смоленский владыки в XII и даже в XIII вв. продолжали помещать на своих печатях погрудное изображение Богоматери.

Тип легенды. Надписи на печатях представляют собой формулы, имеющие, как правило, ограниченное количество вариантов. На рубеже XI–XII вв. впервые появляются митрополичьи печати, несущие новую формулу легенды, начинающуюся со слова "СФРАГИС...". Такой тип легенды помещался на митрополичьих печатях вплоть до начала 60-х гг. XII в. (возможно этот промежуток времени должен быть расширен за счет времени святительства полоцкого епископа Дионисия). Лишь однажды, на печатях киевского митрополита Никифора I (1104–1121 гг.) был использован тип легенды, начинающийся словами "АГНИ СКЕПОИС МЕ..." ("Пресвятая, воззри на меня..."). Несмотря на эпизодичность использования легенды типа "АГНИ..." в митрополичьей сфрагистике, именно печати с этим типом легенды послужили образцом при оформлении епископских печатей перв. пол. XII в.

Аналогичная формула легенды фиксируется на печатях новгородских епископов Ивана Попьяна и Нифонта; по существу, такой же тип легенды использовал и галицкий епископ Козьма. Владычные печати вт. пол. XII в. несут легенду, начинающийся с имени владельца печати: именно так оформлены печати митрополитов Константина II, Никифора II, Кирилла I, все печати новгородских владык, начиная с Аркадия, и печати смоленских епископов.

Титулование. Отличительной чертой митрополичьих печатей перв. пол. XII в. (по конец 60-х гг. включительно) является отсутствие в их легендах титула "митрополит". Аналогичным образом, на епископских печатях этого периода отсутствует титул "епископ". Лишь со вт. пол. XII в. церковные иерархи начинают пользоваться печатями, содержащими в легенде титулы.

Палеография. На печатях новгородского епископа Нифонта (1131–1156 гг.) впервые фиксируется закрытая форма "В", что позволяет датировать печати, в надписях которых встречается открытая форма "R", по крайней мере, не позднее чем перв. пол. XII, а возможно, и перв. тр. XII в. В. Л. Янин признает такое написание "весьма архаичным даже для начала XII в." (Янин 1978: 51).

Размеры. Митрополичьи печати перв. пол. XII в. оттиснуты на заготовках, диаметры которых колеблются ок. 20 мм. Со вт. пол. XII в. отмечается увеличение митрополичьей буллы, достигающей к нач. XIII в. 40 мм. Из епископских печатей нач. XII в. известны только печати новгородского владыки Ивана Попьяна, оттиснутые на несколько более крупных заготовках, чем современные им митрополичьи печати. Прочие владычные печати перв. пол. XII в. (печати Нифонта новгородского) имеют диаметр ок. 20 мм. Со вт. пол. XII в. владычные печати оттискивались на заготовках диаметром ок. 25 мм. Исключение составляют печати смоленского епископа Мануила, диаметр которых – ок. 20 мм.

Тип заготовки. К сожалению, в публикациях редко указывают технологические особенности заготовки на которой оттиснута печать. Это не позволяет проследить эволюцию типов заготовок. Но можно констатировать использование в перв. пол. XII в. заготовок в виде цилиндра, диаметр которого много больше его высоты (толщины печати). Для печатей новгородских владык с 90-х гг. XII в. фиксируется употребление чечевицеобразной заготовки.

46

47

47a

48

49

51

52

53

54

55

56

56a

57

58

59

За рамками рассмотрения осталась печать, недавно опубликованная В.Л.Яниным (Янин 1994: 5–18). На аверсе помещено изображение Богоматери "Оранты" в рост, реверс занимает пятистрочная греческая надпись. В.Л.Янин датировал буллу вт. пол. XII в. и атрибуировал ее ростовскому епископу Леонтию II. Благодаря любезности П.Г.Гайдукова, печать удалось осмотреть. Как будто бы есть основание уточнить прочтение отдельных букв легенды. Предпоследняя буква в первой строке – R, а последняя

буква в четвертой строке – W. Таким образом легенда печати выглядит следующим образом: ΘKERΘ/ΛΕΟΝΤΙΩ/ΑΧΕΠΙC/ΚΟΠ WPW/ΣΤΑΥΛΩ. В.Л.Янин предлагает следующее прочтение легенды: "Θ(εοτο)κε β(οη)θ(ει) Λεοντιω α(ρ)χ(ι)επισκοπω Ροστ(οβο υ) δουλω (σου)", т.е. "Богородица, помоги Леонтию архиепископу Ростова, рабу своему". Однако, прочтение легенды не так однозначно: сокращение "ΑΧ" в византийской сфрагистике часто раскрывается как "μοναχωζ", т.е. "монах". Если принять такое прочтение, то легенда печати должна быть переведена следующим образом: "Богородица, помоги Леонтию монаху, епископу Ростова, рабу своему". Заметим, что летописные источники не знают архиепископов на ростовской кафедре. Существует и еще один, хотя и маловероятный, вариант прочтения: "Θ (εοτο)κε β(οη)θ(ει) Λεοντι ω α(ρ)χ(ι)επισκοπω Ρωσ(ιαζ) τ(ω) δουλω (σου)", т.е. "Богородица, помоги Леонтию, архиепископу России, рабу твоему". В любом случае, такой тип легенды в пределах XII в. на владычных печатях до сих пор не был зафиксирован. Достаточно необычно видеть на владычной печати вт. пол. XII в. и выражение "рабу своему", зафиксированное лишь на печати (№44) митрополита Иоанна (Янин 1970: 50–51), несомненно не выходящей за пределы XI в. Палеографические особенности надписей, в частности открытая форма "R" так же, кажется, говорят о более раннем времени, по крайней мере, не позднее перв. пол. XII в. Близкое изображение Богородицы в типе "Оранта" фиксируется, в частности, на печатях нач. XII в., атрибуированных черниговскому епископу Феоктисту (Коваленко, Молчанов 1993: 212, №7).

Таким образом, печать Леонтия совершенно не обязательно должна датироваться вт. пол. XII в. Хотя до сих пор были не известны именые епископские печати XI в. со строчными легендами, логично было бы не выносить эту печать за пределы XI в. Владельцем печати мог, в таком случае, быть ростовский епископ Леонтий (тр. четв. XI в.).

Голубинский Е. 1901. История русской церкви. Т.1, 1-я пол. М.

Коваленко В.П., Молчанов А.А. 1993. Древнерусские сфрагистические памятники домонгольского времени из Чернигова // РА, №4.

Купралис А.А. 1994а. Печать Иоанна, митрополита России // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород.

Купралис А.А. 1994б. Печать Иоанна, митрополита России // Памятники

средневековой культуры. Открытия и версии. СПб.

Лихачев Н.П. 1930. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып.2. Л.

Приселков М.Д. 1913. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. СПб.

Сотникова М.П. 1987. Новые сфрагистические материалы XI–XV вв. в собрании Эрмитажа // Нумизматика в Эрмитаже. Л.

Янин В.Л. 1970. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т.1. М.

Янин В.Л. 1978. Печать повгородского епископа Ивана Попяяна (1110–1130) // ВИД, т. IX. Л.

Янин В.Л. 1994. Моливдовул ростовского епископа Леонтия // ВИД, т. XXV. М.

Laurent V. 1965. Le corpus des sceaux de l'Empire Byzantin, t.V: L'Eglise. Premiere partie. 1. L'Eglise de Constantinople. A. La Hierarchie. Planches. Paris.

Laurent V. 1972. Le corpus des sceaux de l'Empire Byzantin, t.V,3: L'Eglise. Supplement. Paris.

Schlumberger G. 1884. Sigillographie de l'Empire Byzantin. Paris.

С.В.Белецкий (Санкт-Петербург)

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПСКОВСКО-НОВГОРОДСКО- МОСКОВСКИХ ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В 30–40-Е ГОДЫ XV В.

Одним из поворотных моментов в истории взаимоотношений Пскова и Новгорода стали события середины 1430-х годов. Избранный в 1428 г. на Софийскую кафедру Евфимий Вяжищский был рукоположен в сан только в 1434 г. Псков владыка посетил в 1435 г. “ни в свой подъезд, ни в свою череду” и начал знакомство с псковской паствой с попытки отменить существовавший порядок назначения псковских владычных наместника и печатника из числа псковичей. После отказа псковичей исполнить требование разгневанный владыка покинул Псков, отказавшись соборовать. С дороги Евфимия II вернуло псковское посольство, однако согласие псковичей выполнить требование владыки ни к чему не привело: за “неправым судом” назначенного Евфимием наместника последовало открытое столкновение псковичей с софьянами, и владыка со своей свитой вновь покинули город.

Размирье псковичей с Евфимием II продолжалось и в последующие годы. В 1437 г. Евфимий ездил в Москву к только что прибывшему из Константинополя митрополиту Исидору. В том

же году Исидор посетил Псков. Митрополит прибыл в Псков из Новгорода, по дороге на Флорентийский собор. В Пскове Исидор пробыл семь недель, служил в Троицком соборе. Митрополит лишил новгородского архиепископа прав на псковские пошлыны и передал их назначенному в Псков архим. Геласию. В 1440 г., после возвращения из Флоренции в Москву, Исидор отозвал из Пскова Геласия, а вскоре прислал на его место архим. Григория. Последний оставался в Пскове по крайней мере до бегства Исидора из Москвы, а, возможно, и какое-то время после этого. Во всяком случае, в 1442 г. он упоминается в летописи вместе с псковскими князем и посадником в качестве строителя обетной ц. Похвалы Богородицы.

Изменения в отношениях между псковичами и Софийской кафедрой происходят ранее 1449 г. В том году Евфимий II приезжает в Псков в свой подъезд, и псковичи принимают его с “великой честью”. Владычные подъезды в Псков с этого времени вновь становятся регулярными.

В литературе существуют различные оценки ситуации, сложившейся в псковско-новгородско-московских церковных отношениях в годы святительства митрополита Исидора. А.С.Хорошев, в частности, полагает, что обмен визитами между Евфимием II и Исидором был связан с желанием нового митрополита заручиться поддержкой “могущественного новгородского владыки” (Хорошев 1980: 90). Однако вся история с лишением новгородского архиепископа прав на псковские пошлыны свидетельствует о желании Исидора ослабить “могущество” новгородского архиепископа. А.И.Плигузов и Г.В.Семенченко привели важные аргументы в пользу такого заключения, показав, что акту лишения новгородского архиепископа псковских пошлын предшествовала специально проведенная по распоряжению митрополита подготовительная работа (Плигузов, Семенченко 1986: 11), так что назначение в Псков архимандрита из Москвы было продуманным действием, а вовсе не результатом переговоров Исидора с псковичами в дни пребывания митрополита в Пскове в 1437 г.

В период до 1437 г. и после 1449 г. церковное судопроизводство и право в Пскове находились в руках наместника новгородского архиепископа. В промежутке между этими датами ситуация не вполне ясна. А.И.Никитский полагал, что в 1437 г. Исидор создал в Пскове особое церковно-административное образование,

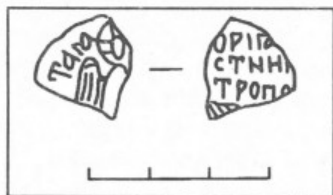

Рис.1. Печать "Григория, наместника митрополита из Пскова"

архимандритию, входившую в юрисдикцию непосредственно московской митрополичьей канцелярии, минуя Новгород (Никитский 1883: 319). Теоретически это не исключено, поскольку оба представителя Исидора – и Геласий, и сменивший его Григорий – были архимандритами. Но остается неясным – как и когда произошло восстановление в Пскове владычного наместничества, существование которого в сер. – вт. пол. XV – нач. XVI вв. сомнений не вызывает.

Решению вопроса способствуют сфрагистические находки. Прежде всего, речь идет о найденном в 1995 г. в Пскове фрагменте печати, поступившей через антикварный рынок в одну из частных коллекций Санкт-Петербурга (рис. 1). *Аверс*: изображение Ветхозаветной Троицы. На обломке печати сохранилось изображение центрального ангела в крещатом нимбе. Крылья развернуты, опущены. Над правым крылом надпись (с)тага. *Реверс*: многострочная надпись "...орига / ...стник / ...тропо / ...". Диаметр буллы не менее 28–30 мм, вес фрагмента 1,71 г (не менее 8,5–9 г).

Несмотря на то, что от буллы сохранилась приблизительно пятая часть, надпись на реверсе может быть частично восстановлена: "(Григ)ория (наме)стник(а ми)тропо(лита)..." Размещение на аверсе печати изображения Троицы позволяет уверенно связывать буллу с делопроизводством наместничьей канцелярии Пскова, поскольку именно в этой канцелярии с начала XIV в. (Белецкий С. 1994: 82-85) и вплоть до "падения Пскова" в 1510 г. (Белецкий В., Белецкий С. 1983: 13-14; 1985: 11-15) использовались печати с изображением Троицы, символизировавшей, как это показал еще Н.П.Лихачев, главную святыню Пскова – собор Св. Троицы (Лихачев 1960).

Из реконструированной формулы легенды следует, что владелец печати по имени Григорий являлся наместником митрополита, а не новгородского архиепископа. Единственный случай прямого подчинения псковской церкви митрополиту, зафиксированный ле-

тописями – это деятельность в Пскове в 1437–1442 гг. архимандритов, назначавшихся сюда митрополитом Исидором. Поэтому можно с большой степенью уверенности отождествлять владельца печати с архимандритом Григорием, управлявшим делами псковской церкви в 1441–1442 гг.

Новонайденная печать дает, на мой взгляд, серьезные основания считать архимандритов, назначавшихся в Псков Исидором не самостоятельными иерархами, а лишь псковскими наместниками московского митрополита. Иными словами, Исидор не создал в Псковской земле особую епархию с кафедрой в Пскове, а лишь вывел псковское наместничество из юрисдикции Софийской кафедры и, сохранив его статус, подчинил наместничество непосредственно московской митрополичьей канцелярии.

Ситуация, сложившаяся после бегства митрополита Исидора из Москвы (15 сентября 1441 г.), остается не вполне ясной. Митрополичья кафедра в Москве оставалась вакантной вплоть до декабря 1448 г., а примирение псковичей с Евфимием II зафиксировано летописью только под 1449 г. Отчасти прояснить ситуацию позволяет печать с изображением Троицы и легендой, содержащей имя и титул Евфимия II, известная уже в пяти экземплярах (Лихачев 1960: 234; Янин 1960: 256; Белецкий В. 1968: 7; Белецкий В., Белецкий С., Марков 1989). Печать, как было установлено еще Н.П.Лихачевым (1960), принадлежала не самому новгородскому владыке, а его псковским наместникам. Именно на этой печати впервые в истории псковской наместничьей канцелярии появляется титул новгородского владыки, включающий не только упоминание Новгорода, но также и упоминание Пскова. Судя по актовым источникам, титулование новгородского владыки “архиепископом Великого Новгорода и Пскова” началось только при Евфимии II, причем – не ранее весны – лета 1448 г.

Новое титулование новгородского владыки, материализовавшееся печатью псковской наместничьей канцелярии времен Евфимия II, уже привлекало внимание исследователей. В.Л.Янин, в частности, полагал, что включение в титул Евфимия упоминания Пскова свидетельствует об укреплении позиций владыки в Пскове. Полагаю, однако, что все обстояло как раз наоборот. Включение в титул новгородского архиепископа упоминания Пскова, на мой взгляд, явилось крупным достижением псковичей в борьбе за автономию церковного управления: упоминание Пскова в титуле

“на равных” с Новгородом как бы ставило знак равенства между городами, то есть – конституировало особое положение Пскова и Псковской земли в составе новгородской епархии. Это подтверждается и титулованием новгородского архиепископа Ионы Отенского, сменившего Евфимия II на Софийской кафедре: в периоды “размирья” с псковичами Иона титуловался “архиепископом Великого Новгорода”, а в периоды примирения – “архиепископом Великого Новгорода и Пскова”, хотя Псков все время продолжал оставаться в юрисдикции Софийской кафедры.

Особенностью наместничьей печати с именем и титулом Евфимия II является составной характер комплекта матриц: матрица реверса была специально изготовлена для данной печати, а матрица аверса наследовалась от печати более раннего времени. Полагая, что эта более ранняя печать также принадлежала наместникам новгородского архиепископа в Пскове, можно думать, что восстановление status quo в церковных взаимоотношениях Пскова и Новгорода приходится на период более ранний, чем весна-лето 1448 г. Возможно, что возвращение псковского наместничества в состав новгородской епархии произошло вскоре после потери архимандритом Григорием статуса наместника митрополита, то есть – вскоре после 1442 г. Не исключено, впрочем, что восстановление прав новгородского архиепископа на псковские пошлыны произошло несколько позднее – напр., в 1447 г., когда между Псковом и Новгородом был заключен “мир по старине”. Однако последняя датировка менее вероятна: принимая ее, мы вынуждены констатировать, что между 1442 и 1447 гг. правовой статус псковской церкви остается неопределенным.

Белецкий В.Д. 1968. Древний Псков по материалам археологических раскопок экспедиции Государственного Эрмитажа // СГЭ, вып. XXIX, Л.

Белецкий В.Д., Белецкий С.В., Марков Д.Б. 1989. Именная владычная печать XV в. из Пскова. Судьба памятника // АИП, вып.10, Псков.

Белецкий В.Д., Белецкий С.В. 1983. Именные владычные печати Пскова // АИП, вып.3, Псков.

Белецкий В.Д., Белецкий С.В. 1985. Изображения Троицы на актовых печатях Пскова (к иконографии композиции) // АИП, вып.5, Псков.

Белецкий С.В. 1994. Сфрагистические данные о взаимоотношениях Пскова и Софийской кафедры в 14-начале 15 вв. // Древний Псков. Исследования средневекового города. СПб.

Лихачев Н.П. 1960. Печати Пскова // СА, 1960, №3.

Плигузов А.И., Семенченко Г.В. 1986. Новгородско-псковские отношения во

второй половине 1430-х годов и формулярник митрополита Исидора // Проблемы истории Новгорода и Новгородской земли XV в. Новгород.

Хорошев А.С. 1980. Церковь в социально-политической истории Новгородской феодальной республики. М.

Янин В.Л. 1960. Вислые печати Пскова // СА, 1960, №3.

А.Г.Бобров (Санкт-Петербург)

ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПСКОВА С НОВГОРОДОМ И ФЛОРЕНТИЙСКАЯ УНИЯ

Псков, как известно, в церковном отношении был наместничеством новгородского архиепископа. Источники не сохранили упоминаний новгородских владычных наместников в Пскове до XIV в. Известны "печати архиепископа новгородского", которые по сфрагистическому типу отнесены к XIV–XV вв., а по месту находок – только к Пскову. Их считают принадлежащими новгородским владычным наместникам в Пскове (Янин 1960). Наиболее ранний моливдовул среди известных наместничьих печатей Пскова датируется нач. XIV в. и имеет надпись "Плесковъшкаг намешник(а)" (Белецкий 1994: 82–83). Сфрагистические данные свидетельствуют о то большей, то меньшей степени подчиненности наместника новгородскому владыке (Белецкий 1994: 84–85), но постоянные попытки псковичей добиться церковной независимости от Новгорода не имели успеха вплоть до 1437 г., когда, как отмечает Новгородская Первая летопись Младшего извода, митрополит Исидор по дороге на Флорентийский собор проезжал Псков и "постави имъ анхимандрита Геласья и дасть ему суд владычнь и вси пошлины" (Н1Л: 419), то есть вывел псковскую церковную организацию из-под юрисдикции новгородского архиепископа. Несомненно, Исидор этим ослабил позиции новгородской архиепископии, существенно урезал ее доходы. Почему митрополит решился на такую акцию накануне Флорентийского собора, когда, казалось бы, ему незачем было портить отношения с самым влиятельным русским иерархом? Анализ источников позволяет предположить, что к декабрю 1437 г., когда Исидор, находясь во Пскове, поставил архим. Геласия, между ним и главой новгородской архиепископии Евфимием II уже произошел непоправимый разрыв.

Первая встреча Исидора и Евфимия состоялась в Москве летом 1437 г., вскоре после прибытия митрополита на Русь. Очевидно, эта встреча была в определенном смысле значимой для Евфимия – известием о его отъезде в Москву 7 июля завершается текст Новгородской 4 летописи первой редакции (Новороссийский и Голицинский списки). Уже 7 или 9 октября того же года посольство во главе с Исидором на пути в Италию остановилось в Новгороде. "Летописец епископа Павла" упоминает, что суздальский епископ Авраамий, а, следовательно, и остальные суздальцы – участники поездки прибыли вместе с митрополитом ("Приехал в Новгород митрополит Сидор, владыка Суздальский" – БАН, Собр. Доброхотова, №18, л.47 об.). Об этом же свидетельствует и автор "Хождения на Флорентийский собор" (Казакова 1970: 62). Судя по тому, что, согласно псковским летописям, делегация прибыла в Псков только "на память святого отца Николы, в Рождественное говение" (6 декабря), в Новгороде она пробыла не "семь дней", как утверждает автор "Хождения на Флорентийский собор", а семь недель. Хотя пребывание Исидора в Новгороде описывается летописцем как бесконфликтное ("и почестиша его владыка и посадники и бояре и купчи и весь Великий Новъград" – НЛ: 419), последующие события заставляют усомниться в его искренности. Сначала Исидор отбирает у Новгорода псковские церковные пошлины. Потом участник русского посольства иеромонах Симеон Суздальский, принявший сторону противников Флорентийской унии, уже после ее подписания, во время остановки в Венеции 9 декабря 1439 г. бежит из "крепости" и весной 1440 г. прибывает в Новгород, где проводит лето при дворе Евфимия II. Очевидно, отношение архиепископа к готовившейся унии Симеон мог понять еще при встречах в Новгороде осенью 1437 г. Известие о провозглашении унии (6 июня 1439 г.) должно было достичь Новгорода к началу осени, и реакция на него последовала незамедлительно. Согласно Житию Иоанна Новгородского, 4 октября 1439 г. в паперти Софийского собора "камень ... отпаде от верхние стены" и разбил надгробную плиту. Под плитой был обнаружен некий архиепископ в нетленных ризах, который по молитве Евфимия II явился ему (это и был Иоанн) и повелел установить в этот день память по преставившимся князьям и архиепископам Новгородским "и всем православным христианомъ" (о датировке чуда см.: Бобров 1993: 14). К этой же дате (4 октя-

бря 1439 г.) следует относить и "Видение пономаря Аарона", которому явились "преже отшедшая архиепископы", и Евфимий, узнав об этом, "гробъ позлати князя Владимира..., и матери его гробъ подписа...и память им управи творити на всяко лето месяца октября 4". После чудесных событий осени 1439 г. Евфимий II уже по собственной инициативе в 1440 г. освидетельствовал мощи Варлаама Хутынского, а с 1441 г. начинается ряд летописных известий о воссоздании им церковей XI–XII вв. "на старой основе". Создание культа новгородской "старины" Евфимием II начинается только с осени 1439 г., а до этого он, выходец из общежительного Лисицкого монастыря, занимал иную, "общеправославную" позицию (Бобров 1993: 11–15). Впрочем, по сути дела он ей и не изменил – вовсе не "новгородский сепаратизм", а неприятие унии определяло его действия.

Возвращение Исидора из Италии было отмечено псковским летописцем вполне благожелательно: "Того же (6949) лета на осень приеха митрополить киевский Сидоръ, на Покровъ святей Богородицы, из собора от Риму, из Флорентея града... и присла во Псковъ свое благословение и грамоты" (П1Л: 45). Я.С. Лурье выдвинул на основании упоминания Исидора как "отца нашего, митрополита Киевского и всея Руси" в договоре между Василием II и тверским великим князем Борисом (1440–1441 г.) интересную гипотезу о том, что после возвращения из Италии митрополит некоторое время рассматривался в Москве не как отступник, а как законный глава русской церкви (Лурье 1994: 107). Свидетельство псковской летописи о приезде Исидора следует понимать именно как подтверждение гипотезы Я.С.Лурье. Дата 1 октября 6949 г., несомненно, соответствует 1440 г., так как здесь применено сентябрьское летосчисление (в предыдущей годовой статье последняя точная дата – 29 августа, а первая в анализируемой – 5 сентября). Хотя летописец не говорит прямо, куда именно прибыл Исидор, известно, что уже в августе 1440 г. он был на территории собственной митрополии (Карташев 1991: 354). Действительно, в дальнейшем Псковская 1-я летопись утверждает, что Исидор весной 1441 г., "в вербную неделю", прибывает в Москву из Литвы, а Псковские 2-я и 3-я летописи прямо уточняют, что "на Покров" 1440 г. он прибыл именно в Литву (П2Л: 46; П3Л: 134), откуда, очевидно, и осуществлял руководство своей митрополией: "позва свего наместника Галасея псковьскаго архимарита; онъ же поеха

изо Пъскова на Николинъ день на осеннии; и по томъ присла митрополит инога архимарита во Псковъ Григориа по Петрове дни зимнем" (НІЛ: 45). Новгородский летописец, правда, считает, что Исидор "той же зиме приеха ... на Русь из Рима" (НІЛ: 421), но для него иногда что не Новгород – то и Русь (ср.: "бысть пожар в Руси: погоре город Москва, Вологда, Витебско" – НІЛ: 346). Возможно, подобно своему предшественнику Герасиму, Исидор обосновался в Смоленске, куда, кстати, его сторонник кн. Юрий Лугвеньевич обманом вызвал из Новгорода иеромонаха Симеона Суздальского, и где противник унии просидел всю зиму 1440/1441 г. "в железех".

В отличие от своего псковского коллеги, новгородский летописец говорит об Исидоре с явным осуждением (НІЛ: 421). Позиция же Москвы вскоре проясняется: зимой 1440/1441 г. без всяких видимых причин Василий II "възверже нелюбье на Новъгород Великий, присла грамоту розметную и повоева волостей новгородских много" (НІЛ: 421). Псковичи выступают заодно с москвичами, и псковский летописец сразу за известиями о приезде Исидора и сношениях с ним помещает подробный отчет о военных действиях. Насколько летописцы дружно молчат о причинах этой "странной войны", настолько теряются в догадках исследователи, предполагавшие, что либо Василий II просто "искал ... добавочных доходов" (Бернадский 1961: 247), либо совершал "карательный поход" за заключение новгородско-литовского мирного договора (Зимин 1991: 90) – но такой же договор с Литвой в разгар боевых действий 30 декабря 1440 г. заключили союзники Василия II – псковичи (ГВНП: 321–322, №335). После того, как псковские отряды повоевали на порубежных землях и дошли до Порхова, как Василий II в Деревской пятине подступил к Демону, а новгородские воеводы "с заволочаны" повоевали великокняжеские земли, возле города Демона состоялась встреча "на высшем уровне" между великим князем и новгородским архиепископом, и был заключен не менее "странный" мир, чем сама война. Новгородский летописец пишет только следующее: "докончаша с ним (Василием II – А.Б.) миръ по старине, и даша ему 8000 рубль" (НІЛ: 421). Пскович хотя и более подробно излагает ход переговоров, но избегает называть вещи своими именами: "...Еуфимии и с посадники новгородскими биша челомъ много князю великому, и князь великий Василии Василиевичъ челоби-

тие новгородское приять, владычня ради благословения и богомоления; и мирь dokonъчаша князь великий с новгородцы, како за себе, тако и за пскович; и даша новгородцы князю великому ... осмь тысящъ рублевъ за свою вину" (П1Л: 45). Удивляет тот факт, что, не сдав ни одного города и не проиграв ни одного сражения, новгородцы заплатили "окуп" за неведомую "вину", равный выплаченному в 1386 г., когда был осажден Новгород и сожжены все пригородные монастыри, и лишь на 2 тысячи меньший, чем в 1456 г., когда они были полностью разгромлены, потеряли Старую Руссу и другие города. Особенно впечатляет сумма в 8000 рублей, если вспомнить, что когда Исидор приехал во Псков в 1437 г. и вывел его из церковного подчинения Новгороду, ему дали 20 рублей при приезде и 100 рублей на дорогу (Казакова 1970: 63). Демонский мир был заключен, как можно судить по косвенным свидетельствам источников, в конце зимы 1441 г., а в начале весны (19 марта) того же года ничего не подозревавший Исидор (5 февраля 1441 г. он был в Киеве – см. АИ: 488, №259) наконец прибыл в Москву. Судьба Флорентийской унии на Руси, однако, уже была решена в неизвестной деревушке возле Демона, и Василий II "внезапно" обнаружил, что митрополит во время литургии первым поминает папу, а не патриарха...

АИ - Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссіею. Т.1, СПб., 1841.

Белецкий С.В. 1994. Сфрагистические данные о взаимоотношениях Пскова и Софийской кафедры в 14 – начале 15 вв. // Древний Псков: Исследования средневекового города. СПб.

Бернадский В.Н. 1961. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.-Л.

Бобров А.Г. 1993. Из истории летоисчисления первой половины XV в. // ТОДРЛ, Т.46. СПб.

ГВНП - Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949.

Зимин А.А. 1991. Витязь на распутье: Феодалная война в России XV в. М.

Казакова Н.А. 1970. Первоначальная редакция "Хождения на Флорентийский собор" // ТОДРЛ, Т.25. М.-Л.

Карташев А.В. 1991. Очерки по истории русской церкви. Т.1. М.

Лурье Я.С. 1994. Две истории Руси XV века. СПб.

Н1Л - Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов. М.-Л., 1950.

П1Л - Псковская Первая летопись. // ПЛ, вып.1. М.-Л.

П2Л - Псковская Вторая летопись. // ПЛ, вып.2. М.

П3Л - Псковская Третья летопись // ПЛ, вып.2. М.

Янин В.Л. 1960. Вислые печати Пскова // СА, № 3.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИКОНА “ТРОИЦА” (“ГОСТЕПРИИМСТВО АВРААМА”) В СОБРАНИИ ЭРМИТАЖА

В Эрмитаже хранится икона “Троицы” с изображением трех ангелов за трапезой, Авраама и Сарры. Сюжет основан на библейском тексте о явлении Аврааму Бога в виде трех странников (Бытие, 18, 1–8). Иконографический тип назван в литературе “Троица Ветхозаветная” или “Гостеприимство Авраама”.

Иконографические судьбы изображения Ветхозаветной Троицы были необыкновенно сложными, поскольку в восточнохристианском искусстве догматические сюжеты, преподносимые в виде библейской сцены, достаточно редки. В каждом изображении Троицы совмещаются два уровня содержания: повествовательный и догматический. Различные соотношения этих уровней определяли композиционное разнообразие. В отличие от Западной Европы, где с XI в. преобладают мистико-аллегорические композиции, в восточно-христианском искусстве в XI–XV вв. получает развитие библейско-историческая иконография, в рамках которой дается сложное и разнообразное истолкование.

В византийском палеологовском искусстве наблюдается тенденция к истолкованию трех ангелов, явившихся Аврааму, как трех лиц Св. Троицы. Именно эта тенденция отражена в эрмитажной иконе. Левый ангел изображен в хитоне с клавом, и его, следовательно, можно рассматривать как изображение Иисуса Христа. Средний ангел, выделяющийся размерами, разворотом крыльев, возвышенным положением, стоящей перед ним евхаристической чашей, может расцениваться в качестве изображения Бога-Отца; правый ангел изображает, т.о., Духа Святого.

Другим аспектом истолкования темы являются позы ангелов в интерпретации их отношения к праотцам, которых в данном случае представляет Авраам. Известные в настоящее время изображения Ветхозаветной Троицы могут быть разделены на три основных варианта. Эрмитажная икона относится к третьему варианту: первый ангел обращен к трапезе и изображен симметрично третьему, а второй изображен в развороте, склоняя голову вправо, словно обращаясь к стоящему рядом Аврааму. Подобный тип

изображений известен преимущественно по произведениям XIV–XV вв.

Классификация иконных изображений Троицы может быть сделана по формальному, но не менее важному признаку – формату и пропорциям. Выделяются два типа икон: горизонтальный (ширина преобладает над высотой) и вертикальный. Первый вариант известен по небольшим иконам, второй в основном представлен крупными местными или пристолпными иконами. Такое разделение связано с константинопольским культом почитания библейской трапезы, во время которой Авраам угощал странников. Русский паломник Антоний Новгородец, посетивший Константинополь ок. 1200 г., отмечает, описывая храм Св. Софии: “В малом же олтари за святою трапезою покрыта трапеза, на ней же Авраам со Святою Троицею ел”. В паломнической литературе кон. XIII – XIV вв., то есть – после восстановления Византийской империи, трапеза Авраама упоминается уже в центральном объеме храма: перед иконой Св. Троицы на правую сторону от алтаря. Именно здесь ее видели новгородец Григорий Калика, Игнатий Смольнянин, дьякон Зосима. Перемещение реликвии из малого алтаря в центральный объем храма сопровождалось, вероятно, появлением пристолпной иконы, которая находилась непосредственно над реликвией. Видимо, именно эта икона легла в основу вертикального типа крупных местных икон. Ранним примером подобной иконы является “Троица” XIV в. в монастыре Ватопед на Афоне, а также иконы на о. Корфу и в Византийском музее в Афинах. К этому же типу относится ряд русских икон кон. XIV – XV вв., а, с определенными оговорками, и знаменитая “Троица” Андрея Рублева.

Эрмитажная икона (36,1x54,2x3 см) принадлежит к горизонтальному типу. Такой формат напоминал форму самой святой реликвии – библейской трапезы. В различных музеях и храмах мира сохранилось довольно много икон данного типа. Обычно они датируются XV–XVII вв. Иконы данных пропорций размещались в иконостасе над входом в жертвенник, реже – над алтарными воротами. Кроме изображений Св. Троицы подобные пропорции имели иконы с изображением Успения, Плакивания, Положения во Гроб, Тайной Вечери, то есть – так или иначе связанные с темой евхаристической жертвы. Таким образом, и вытянутая по горизонтали форма, напоминающая библейскую трапезу, и разме-

щение в темплоне подчеркивали евхаристическим смысл изображений Св. Троицы.

Независимо от формата и функционального назначения в иконах разного типа нередко использовался один и тот же иконографический извод. Так, эрмитажная "Троица" иконографически, а, отчасти, и стилистически близка монументальной иконе Византийского музея в Афинах и небольшим иконам из музеев в Нарбонне (Франция) и Бенаки (Греция). Среди этих аналогий эрмитажная икона является наиболее ранним и наиболее византийским памятником. Поэтому правомочной представляется ее датировка перв. пол. XV в. и отнесение к одной из местных школ, в частности – к искусству Мистры, где наблюдается сильная столичная струя в художественно-эстетической культуре.

В связи с анализом эрмитажной иконы наше внимание привлекла монументальная икона "Троица Ветхозаветная", хранящаяся в Успенском соборе Московского Кремля. Она лишь фрагментарно раскрыта от записей XVIII в. (лик ангела и Сарры). Однако даже эти фрагменты подлинной живописи дают основание связывать икону с культурой Пскова. Ряд косвенных данных позволяет высказать предположение о том, что икона являлась храмовым образом Троицкого собора Пскова и была вывезена в Москву в XVI в. По формату икона из Успенского собора относится к вертикальному типу и может рассматриваться как одна из реплик византийского образа, находившегося в храме Св. Софии. Стилистические особенности связывают икону из Успенского собора с группой псковских византинизирующих произведений нач. – сер. XIV в., таких как "Иоанн Предтеча" из византийской коллекции Эрмитажа и "Деисус" из ц.Николы от Кож, хранящейся в Императорском Русском музее; последнюю икону В.Н.Лазарев датировал XIII в.

ИКОНОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИЦИИ “СТРАШНЫЙ СУД” В РОСПИСЯХ СОБОРА РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ СНЕТОГОРСКОГО МОНАСТЫРЯ.

В росписях собора Снетогорского монастыря (1313) выделяются несколько повествовательных циклов, среди которых “Страшный Суд” занимает одно из центральных мест. Само наличие этого цикла в росписях собора указывает на несомненную ориентацию художников на образцы домонгольского периода, поскольку в древнерусских росписях XIV–XV вв. этот сюжет отсутствует. Единственным исключением является роспись Андрея Рублева в Успенском соборе Владимира (1408), однако она повторяет существовавшую здесь стенопись XII в.

Сюжеты “Страшного Суда” занимают западную ветвь подкупольного креста собора. Отметим, что композиция включает не только традиционные и обязательные сюжеты, но также изображения чрезвычайно редкие и даже уникальные, не находящие аналогий в искусстве византийского мира XIV в. Главная сцена “Страшного Суда” – изображение восседающего на троне Христа в окружении Богоматери, Иоанна Предтечи и 12 апостолов – обычно располагающаяся в центре композиции, в снетогорской росписи отнесена на северный склон западного свода. Под ней размещены частично утраченные сцены – “Праведники в ожидании Суда”, “Коленопреклоненные Адам и Ева”, сцены “Рая” и “Шествие праведных в Рай”. К группе традиционных сюжетов также следует отнести некоторые сцены, размещенные в люнете западной стены – “Ангел, сворачивающий небо”, и “Ангел трубящий”, а также сюжеты “Земля и Море отдают мертвых” на южной стене рукава. Остальные сцены “Страшного Суда” отличаются редчайшей иконографией.

Одним из иконографических новшеств является сцена, размещенная в южной части люнета: здесь представлен молодой пророк, обращающийся с обличением к группе иудеев в характерных фарисейских головных уборах. Л.А.Мацулевич, обнаруживший эту фреску, определил пророка как Св. Захарию (младшего). Однако иконографический анализ позволяет утверждать, что изображен пророк Моисей, представленный в облике юноши. Этот

сюжет для искусства XIV–XV вв. уникален: он появляется только в сер. XVI в., причем – исключительно в русской иконографии. В основе сюжета лежит текст “Жития Василия Нового”, написанный в X в. и ставший одним из основных литературных источников иконографии “Страшного Суда”.

К этому же источнику восходит и обновленная иконография еще одной сцены – изображения “Ада”. Композиционное построение традиционно – Сатана с душой Иуды, сидящий на двуглавом чудовище, а также богач из евангельской притчи “О богатом и Лазаре”. Редкие аналогии можно указать и для фигуры ангела, поражающего еретиков. Уникальным являются многочисленные тексты-комментарии, сопровождающие каждое изображение. Эти тексты, известные и ранее, в большинстве своем были расшифрованы в ходе последних реставрационных работ. Они содержат имена еретиков и неправедных царей, среди которых названы Арий, Несторий, Македоний, Ориген, Апполинарий, Диоклетиан, Ирод, Иродиада, Саломея, а также Святополк Окаянный; за исключением последнего все перечисленные персонажи приведены в описании этого сюжета в “Житии Василия Нового”.

Другой традиционный источник иконографии “Страшного Суда” – “Видение пророка Даниила”. В снетогорской росписи он также получает расширенную повествовательную интерпретацию: появляются сюжеты, никогда ранее в композицию не включавшиеся – восседающий на троне Иисус Христос Ветхий Деньми в окружении ангелов и престолов, возносящийся Христос, сопровождаемый Богородицею и ангелами с орудиями страстей, фигуры спящего Даниила и склоненного над ним ангела, четыре зверя-символа земных царств. Эти сюжеты, известные византийской иконографии данной эпохи (встречаются крайне редко, см. напр. росписи жертвенника собора Двенадцати апостолов в Пече, ок. 1260), именно в снетогорской композиции объединяются вместе и становятся составной частью “Страшного Суда”. Примечательно, что в дальнейшем эти сцены вновь появляются в русской иконографии только в сер. XVI в.

Иконографические особенности “Страшного Суда” в стенописи собора Снетогорского монастыря чрезвычайно характерны для искусства Пскова с его особым интересом к усложненной иконографии и повествовательности, вниманием к точному следованию литературным источникам изображения. В то же время, снетогор-

ская фреска обнаруживает поразительную связь с русским искусством эпохи Ивана Грозного. Как представляется, этому есть объяснение.

В 1547 г. после опустошительного пожара, уничтожившего убрранство храмов Московского Кремля, митрополит Макарий развернул обширные иконописные работы, послужившие толчком для распространения на Руси многочисленных иконных сюжетов в усложненной или расширенной иконографии. Среди икон, заказанных Макарием, был и “Страшный Суд”, включавший, судя по сохранившимся документам, и изображение “Видения пророка Даниила” расширенной редакции. Именно в памятниках “макарьевского круга” находит прямые реплики “Страшный Суд” собора Снетогорского монастыря. Объясняется это, по-видимому, следующим обстоятельством. Известно, что митрополит Макарий пригласил для участия в иконописных работах для соборов Московского кремля новгородских и псковских иконописцев. Возможно, именно фреска “Страшный Суд” из Снетогорского монастыря послужила прямым образцом для новой иконографии композиции, ставшей в XVI–XVII вв. одним из наиболее популярных сюжетов в русской живописи.

А.А.Медынцева (Москва)

ДРЕВНЕРУССКИЙ КРЕСТ-МОЩЕВИК ИЗ ХИЛЬДСЕГЕЙМА

Наперсный крест, хранящийся в ризнице кафедрального собора в г.Хильдсегейма (Нижняя Саксония, ФРГ), известен достаточно хорошо. Русскому читателю он знаком с нач. XX в. по публикации И.А.Шляпкина. В настоящее время описание креста включается почти в каждую обобщающую работу, выходящую на Западе и посвященную средневековому русскому искусству. Но до сих пор остаются спорными многие вопросы относительно происхождения креста, его датировки и прочтения надписей.

Благодаря любезности доктора Р.Штихеля (ФРГ), приславшего прекрасные фотографии креста, и И.А.Стерлиговой (Россия), передавшей эти фотографии в мое распоряжение, появилась возможность по-новому осветить некоторые вопросы атрибуции

креста, его датировки и прочтения неясных мест надписи. Согласно надписи на листке пергамента, вложенном в крест, он был в соборе уже в 1680 г., что не исключает его появления там и в более раннее время. В описи 1438 г. упоминается “серебряный вызолоченный крест с шелковым шнурком; на нем вырезано Распятие; его вешают священнику на шею, когда идут со святынями”.

Двустворчатый наперсный крест из Хильдсегейма имеет облик квадрифолия с углами. Створки соединены шарниром и замыкаются тремя вставляющимися в петли скрепами. Оглавие в виде боченкообразной бусины крепится к тому же шарниру, который соединяет створки. Поверхность оглавия украшена геометрическим узором из мелкой зерни. Архаичный облик бусины позволяет предположить, что более древняя бусина и цепочка были использованы при реставрации креста.

На лицевой и оборотной сторонах креста размещены изображения, выполненные в технике гравировки и наведенные чернью. Лицевая сторона: в центре – изображение Распятия с предстоящими Богоматерью и Иоанном Богословом, в рост; в лепестках квадрифолия – поясные фигуры архангелов Гавриила, Рафаила и Уриила. При изображениях надписи. Обратная сторона: в центре изображение Св. Илии, по сторонам – Св. Василий и Св. Евпатий, в рост; в лепестках квадрифолия – погрудные изображения апостолов Петра, Павла, Иоанна и Матфея. При изображениях надписи. На внутренней стороне задней створки центральное место занимает наведенное чернью по тонкой резьбе изображение святых Константина и Елены по сторонам большого восьмиконечного креста. Возле креста надписи **ІС ХСЪ НИ К(А)**; по сторонам от изображений – колончатые именные надписи. Все остальное пространство занято черневыми надписями, называющимися святыни, первоначально хранившиеся в ячейках передней крышки.

По ободу верхней и нижней створки креста чернью наведена вкладная надпись, в прочтении которой до сих пор имеются разногласия. Впервые надпись была прочитана И.А. Шляпкиным (1914: 36–45, илл. между с. 36 и 37), который разобрал следующие слова по ободу лицевой створки: “Господи, помози рабу своему Илии, стяжавшему крест сий во сий век и в будущий... помощниче ... всем христианам. Аминь”. Шляпкин датировал крест XII в. и предположил, что он был заказан для реликвий, вывезенных из Константинополя.

женных из Святых мест русским паломником. Заказчика “Илию” он отождествил с новгородским архиепископом Ильей-Иоанном (1163–1185).

Попытка уточнения прочтения, датировки и атрибуции памятника принадлежит В.Н.Мясоедову (1918: 7–22, табл. III–IV). Согласившись с чтением первой фразы, исследователь предложил свое уточнение неясного места – “всечастный, непрестанный людогощинам помощниче [и] всем христианам”. Людогощане, упоминаемые по мнению исследователя, в тексте надписи – это жители Людогощей улицы Новгорода, известной по летописям с 1230 г. Прочтение Мясоедова прочно вошла в научную литературу, особенно русскую, и до сих пор оказывает влияние на атрибуцию креста из Хильдсегейма. Между тем, сомнения в прочтении слова “людогощином” в надписи уже высказывались. Автор наиболее полного исследования о “иерусалимском” кресте Г.Людат (1956) предложил новый вариант оценки памятника, хотя оставил спорное место надписи без прочтения.

Если учитывать особенности исполнения надписи (в технике черни), то спорное место можно прочесть как “всечестный прогонителю демонам”. Таким образом, во второй части вкладной надписи записан один из вариантов молитвы “Похвала кресту”. Полностью надпись на боковых поверхностях реликвария читается так: “Господи, помози рабу своему Илии, стяжавшему крест сий в сий век и в будущий. Всечестный прогонителю демонам, помощниче всем христианам. Аминь”.

Исследования В.К.Мясоедова дали обоснование для сравнительно поздней датировки памятника. И хотя прочтение “людогощином” подвергалось сомнению, версия о новгородском происхождении реликвария оказалась, тем не менее, достаточно жизнеспособной. Датировка креста колеблется в работах разных исследователей от XI–XII вв. до XIII–XIV и даже кон. XIV в. Наблюдения над палеографией надписей, техническими особенностями чернения и стилистическими приемами передачи изображений дают, как кажется, основание датировать крест-реликварий из ризницы собора в Хильдсегейме кон. XIII или рубежом XIII–XIV вв. Тем самым этот памятник является почти единственным произведением такого рода, относящимся к указанному времени.

Мясоедов В. 1918. “Иерусалимский крест” в ризнице собора в Гильдсегейме

В.Б.Перхавко (Москва)

ДРЕВНЕРУССКИЕ БРОНЗОВЫЕ КРЕСТЫ-ЭНКОЛПИОНЫ В СОПРЕДЕЛЬНЫХ С РУСЬЮ СТРАНАХ ЕВРОПЫ

Нагрудные кресты-складни (энколпионы, реликварии) – один из самых распространенных предметов христианского культа в эпоху средневековья. В первое время после крещения бронзовые энколпионы поступали на Русь из Византии. Однако со вт. пол. XI в. в Киеве уже было налажено собственное производство литых крестов-складней. Находки их встречаются далеко за пределами территории древней Руси и представляют интерес не только как произведения прикладного искусства, но и как важный источник по истории внешних связей Руси, в том числе – связей церковных.

К настоящему времени в музейных собраниях стран Центральной и Юго-Восточной Европы выявлено 114 целых и фрагментированных энколпионов, изготовленных на Руси: Болгария (25 экз.), Венгрия (24), Германия (2), Польша (16), Румыния (35), Сербия (6), Хорватия (1), Чехия (5). Прежде чем привлекать эти кресты в качестве одного из свидетельств контактов Руси с европейскими странами необходимо установить происхождение крестов и обстоятельства их поступления в музей. Часть энколпионов попала за рубеж в XIX-XX вв. Так, один из энколпионов, хранящихся в Венгерском национальном музее в Будапеште поступил сюда в годы Второй мировой войны с оккупированной территории СССР. В 1907 г. Королевский музей в Берлине купил у антиквара энколпион, привезенный из Южной России. Энколпион, хранящийся в Замковом музее немецкого г. Готы, происходит из частной коллекции Д.Стилианопулоса (Турция). Древнерусский крест-складень из Национальной галереи в Праге поступил сюда либо из Археологического института им. Н.П. Кондакова, либо от кого-то из российских эмигрантов. Около десятка бесспорных энколпионов хранится в музеях Болгарии, Венгрии, Румынии,

Сербии. Аналогичные находки из юго-восточных районов современной Польши объясняются вхождением этих территорий (летописный Дрогичин, Перемышль, Червен и др.) в XI–XIII вв. в состав Руси.

87 документированных древнерусских крестов-складней распределяются среди 78 мест находок в странах Центральной и Юго-Восточной Европы следующим образом: Болгария – 21 экз./из 19 пунктов; Венгрия – 20/20; Польша – 6/6; Румыния – 32/25; Сербия – 3/3; Чехия – 4/4; Хорватия – 1 экз.

Наибольший интерес среди перечисленных предметов вызывают немногочисленные находки, сделанные во время археологических раскопок. Судя по этим находкам (прежде всего из закрытых комплексов) кресты, изготовленные на Руси до XIII в., передавались из поколения в поколение и продолжали использоваться в XIV–XV вв. (напр., Нетези и Пятра Нямец, Румыния). Лишь в Болгарии и Румынии из нескольких мест происходит более одного экз.: Велико-Тырново, Пэкуйул луи-Соаре, Силиста (по две находки), Исакча (7 экз.). Наряду с качественными экземплярами, изготовленными в каменных формах и подправленными резцом, в зарубежных собраниях имеются переотливки энколпионов, полученных путем отгиска оригинала в глине то ли на Руси, то ли в тех землях, где эти кресты были найдены.

Любопытно распределение зарубежных находок древнерусских энколпионов по сюжетам и разновидностям изображений. Кресты с рельефными изображениями Св. Бориса и Св. Глеба, отливавшиеся в Киеве с посл. тр. XI и до сер. XII вв. встречены на территории Болгарии (Велико-Тырново, Преслав), Венгрии (Веспрем, Топонар), Румынии (Исакча). Однако такие находки за пределами Руси достаточно редки. Более широкое распространение получили энколпионы с изображениями Распятия и Богоматери, изготавливавшиеся киевскими ремесленниками со вт. пол. XI до кон. XII вв. Эти кресты выполнены в технике высокого рельефа, начало округленных окончаний ветвей с изображениями святых в медальонах у них подчеркнуто выступами-слезками, Около 50 экз. этой серии происходит из Болгарии (Блысково, Велико-Тырново, Видин, Карвуна, Кованлык, Пилашево, Созопол, Шумен и др.), Венгрии (Ракошпалата, Сегед, Секешфехервар, Эгер, Яздожа-Каполнахалом и др.), Польши (Спорвины), Румынии (Белчешти, Ботошани, Брэдэтел, Ворничени, Ибэнеш-

ти, Кодэешти и др.), Хорватии (Книн), Сербии (Белград, Брестовик), Чехии (Вацлавице, Држевице, Прага-Град). Единичными экземплярами представлены складни такой же формы, с инкрустированными черневыми изображениями святых на концах креста или в средокрестии: Исакча (Румыния), Крушуна (Болгария).

Следующая серия представлена 30 энколпионами перв. тр. XIII в. с изображениями Богоматери, Распятия и святых в медальонах на четырех круглых концах, выполненными в технике мелкого уплощенного рельефа. Выступы перед медальонами у них более отчетливо выражены и смещены к средокрестию. Значительная часть этих энколпионов (особенно энколпионы с зеркальной надписью "Святая Богородица, помогай"), по-видимому, после монгольского нашествия вместе с выходцами из Восточной Европы распространилась по территории современных Болгарии (Враца, Красен, Силистра, Чирпан и др.), Венгрии (Чут, Эстергом, Яздожа-Недьсаллаш и др.), Польши (Гнезно, Замосць, Кросно), Румынии (Исакча, Кэбешти, Кындешти, Пэкуйул луи-Соаре, Сучава и Трифешти и др.). Хотя, разумеется, нельзя исключать и других путей распространения.

Крайне редко за пределами Руси встречаются небольшие энколпионы с прямоугольными концами и черневыми инкрустированными изображениями простых и сложных крестов в средокрестии (Силистра в Болгарии, Обровец в Польше, неизвестное местонахождение в Сербии). К числу единичных зарубежных находок относятся створка бронзового позолоченного энколпиона с перегородчатой эмалью из Сексарда (Венгрия), прямоугольный крестик-складень с инкрустированными изображениями Распятия и Богоматери из Пустимержа (Моравия).

Причины и обстоятельства проникновения крестов-складней X–XIII вв. из Руси в Центральную и Юго-Восточную Европу могли быть самыми разными. Чаще всего они, вероятно, перемещались в качестве личных культовых вещей вместе со своими владельцами – дипломатами, воинами, купцами, представителями духовенства, русскими княгинями, выданными замуж в соседние страны. Связи такого рода в политической, торговой, военной, церковной и культурной сферах частично засвидетельствованы в средневековых письменных источниках. Привлечение в качестве дополнительного источника зарубежных находок древнерусских энколпионов домонгольской эпохи позволяет значительно расши-

рить наши представления об интенсивности взаимосвязей и их территориальном охвате.

Можно предположить, что массовые серии однотипных крестов вывозились из Руси купцами в Болгарию, Венгрию, в междуречье Нижнего Дуная и Прута в качестве своеобразных сопутствующих товаров в дополнение к основным статьям восточноевропейского экспорта (пушнине, воску и др.). Очевидно, кресты-складни находили спрос не только среди православных жителей Юго-Восточной Европы, но и среди католического населения Средней Европы: об этом, возможно, свидетельствуют находки с территории Венгрии (здесь, впрочем, длительное время сохранялась византийская церковная традиция), Польши, Чехии. По крайней мере в XI–XIII вв. и после окончательного раскола католикам явно не возбранялось пользоваться православными культовыми предметами с кириллическими надписями. Один из древнерусских энколпионов был обнаружен в погребении под полом кафедрального собора в Гнезно (Польша), второй хранился в сокровищнице Святovitского храма на Пражском Граде. Позднее отношения между двумя ветвями христианства стали более нетерпимыми и острыми, что, возможно, сказалось на уменьшении числа русских крестов XIV–XV вв. в соседних с Русью католических странах: Венгрия (4), Польша (2), Чехия (1). Впрочем, аналогичная традиция прослеживается и в православных землях: в Болгарии найдены всего два русских креста-складни XIV–XV вв., в Румынии – три. Не исключено, что причины могли быть и иными – сокращение производства энколпионов на Руси или менее интенсивные контакты.

Н.Г.Недошивина (Москва)

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ КРЕСТЫ-ТЕЛЬНИКИ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

В археологических памятниках древней Руси нередко встречаются подвески в виде небольших крестиков, которые одинаково часто находят как на поселениях, так и в погребениях. Первые публикации крестиков появились еще в XIX в. и были посвящены предметам христианского культа, найденным, преимущественно, в

Киеве и его окрестностях (Р.Леопардов и Н.Чернев, Б.И. и В.Н.Ханенко, Н.Ф.Беляшевский). Публикация материалов продолжается и в настоящее время – в монографиях, посвященных исследованиям древнерусских городов, поселений и многочисленных погребальных памятников. В последнее время появился ряд статей, посвященных анализу крестов по отдельным регионам (Д.А.Беленькая, В.П.Даркевич, В.Г.Пуцко, Н.А. Макаров, а также некоторым типам крестовидных подвесок (М.В.Фехнер, В.А.Мальм, В.В.Седов, Н.Г.Недошивина).

В основу настоящей классификации положено ок. 750 металлических крестов-тельников домонгольской Руси. Они разделяются на 14 групп, которые, в свою очередь, делятся на типы и варианты. Анализ всей массы находок позволяет наметить сложную картину постепенного и медленного проникновения христианства в среду древнерусского населения.

Выясняется, что с кон. X в. в погребальных памятниках древней Руси получили распространение тельники, сделанные из серебра и бронзы в технике литья или же вырезанные из металлической пластины или монеты. Тогда же появляются и крестики с Распятием (в их северном варианте), которые бытуют весь XI в. и за его пределы не выходят. Аналогии этим крестикам известны на севере Восточной Европы, откуда они, по-видимому, и попадали на Русь (возможно – вместе с носителями). С этим типом крестов генетически связаны небольшие энколпионы с инкрустированными изображениями Распятия, появившиеся также в кон. X в. и иногда служившие тельниками.

Ранними следует считать и некоторые варианты больших серебряных подвесок “скандинавского” типа. Появившись в кон. X в., они продолжали бытовать и в перв. пол. XI в. Количество находок этих крестиков невелико, и они, вероятно, являлись привозными. Таким образом, форма самых ранних крестиков на Руси представляется заимствованной, а собственно русских форм крестов-тельников для X в. мы пока не знаем.

Начиная со вт. пол. XI в. на Руси наблюдается многообразие типов крестовидных подвесок. В это время появляются варианты крестов “скандинавского” типа. Это литые из бронзы серийные подвески, имеющие стандартные формы – первые крестики, о которых можно с уверенностью говорить, что они изготовлены на Руси. Часть из появившихся в XI в. крестов-тельников (“скан-

динавского" типа круглоконечные) бытует в течение одного столетия, большинство же подвесок, появившись в XI в., продолжает бытовать и в XII, а частично даже в XIII в. (с дугами в средокрестии, некоторые типы с профилированными концами, с эмалью, трехлопастноконечные).

В XII в. появляются новые типы крестиков: с перекладчатыми концами и кружковым орнаментом на них, с ложной зернью, криноконечные, ажурные и др. Если учесть, что продолжал бытовать ряд типов крестиков, появившихся еще в XI в., то в XII–XIII вв. разнообразие форм крестовидных подвесок достигает своего расцвета.

Упрощение формы крестов (напр., крестики с прямыми концами, завершающимися шариками), многообразие этих форм, массовые находки литейных форм в городских слоях, а также находки бракованных изделий – все это позволяет говорить о местном производстве тельников в XII–XIII вв.

Крестовидные подвески с момента появления на Руси являлись, безусловно, ритуальными предметами и были связаны с проникновением христианства. Об этом свидетельствуют, прежде всего, крестовидные подвески Гнездова и Тимерева, специально вырезанные для погребений из серебряной пластины или монеты. Крестик из листового серебра, найденный в камерной гробнице Гнездова (975 г.) – первая и достаточно убедительная археологическая иллюстрация к летописным рассказам о проникновении христианства на Русь до 988 г.

Находки крестов-тельников в погребениях не дают достаточных оснований для того, чтобы отделить христианские погребения от языческих: для раннего периода истории Руси это вообще сделать достаточно сложно. Тем не менее, ритуальная роль крестов-тельников как в составе погребального инвентаря, так и в одной связке с языческими амулетами бесспорна. Лишь к XII в. можно отнести повсеместное распространение на территории Руси христианства.

НАТЕЛЬНЫЕ КРЕСТЫ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (XI–XVI ВВ.)

Среди проблем, связанных с историей погребального обряда средневековой Руси, вопрос об использовании нательных крестов в ритуале захоронения относится к наименее изученным. Встречающиеся в литературе утверждения о том, что христианина на Руси всегда хоронили с нательным крестом, не подкрепляются сведениями письменных источников. Решение проблемы целиком зависит от имеющегося археологического материала.

Основой для предлагаемых ниже наблюдений явились материалы более 4 тысяч археологически изученных погребений в средневековых русских городских некрополях. В это число вошли как сведения о находках крестов в погребениях, раскопанных в кон. XIX – нач. XX вв., так и материалы квалифицированных раскопок сер. – вт. пол. XX в. Среди исследованных погребений преобладают захоронения светских лиц.

Анализ инвентаря из погребений домонгольского времени позволяет утверждать, что в это время хоронили без нательного креста – находки символа христианства в могилах крайне редки. Даже в Киевской и Новгородской землях – двух регионах, первыми подвергнутых христианизации – находки крестов в погребениях представителей разных социальных групп населения составляют единичные случаи на кладбищах в несколько десятков и даже сотен могил. Немногочисленные кресты, найденные в погребениях, изготовлены как из камня, так и из дерева, металла и янтаря.

Такое же положение сохраняется и в городских захоронениях вт. пол. XIII – XV вв. Правда, кладбища этого периода исследованы значительно меньше. Кресты в погребениях из Гродно и Переяславля-Залесского изготовлены из камня и металла.

Некоторые количественные изменения происходят во вт. пол. XVI – XVII вв. На кладбищах этого времени число погребений с нательными крестами составляет от $1/5$ до $1/3$ всех исследованных захоронений (материалы раскопок в Суздале и Пскове). Но в ряде некрополей (напр., в Вознесенском соборе Московского Кремля) в погребениях XV – сер. XVIII вв. нательные кресты не

обнаружены вовсе.

В последние десятилетия были получены новые данные о характере погребений духовенства (в том числе – высшего) средневековой Руси. Установлено, что инвентарь погребений епископов, архиепископов и митрополитов XII–XV вв. (Киев, Новгород, Владимир) дает картину, аналогичную картине, зафиксированной по материалам погребений светских лиц: в этот период кресты в захоронениях иерархов русской церкви встречаются крайне редко. И только в некрополях XVI – нач. XX вв. в Рязани (4 погр. из 18) и в Вологде (3 из 8) до трети могил содержали захоронения с крестами.

Заметно отличается от описанной картина, зафиксированная захоронениями монахов. Все кресты в погребениях монашествовавшей братии изготовлены из узких полосок кожи: верхний и нижний концы искусно сплетенного креста соединены длинными плетеными шнурами, служившими для ношения креста на шее. Иногда такие шнуры соединяли конструкцию из двух или четырех плетеных крестов. Монашеские кресты, а также другие атрибуты погребального инвентаря (кожаные пояса с тисненными изображениями двенадцатых праздников и аналогично оформленный параманд) известны по находкам в Киево-Печорской лавре, Звенином монастыре в Киеве, Юрьеве и Аркаже монастырях в Новгороде, в Спасо-Преображенском монастыре и Вознесенском соборе Москвы, в памятниках Старой Рязани, Минска, Смоленска; исследованные погребения датируются XI – перв. пол. XVI вв. В более позднее время плетеные кресты в захоронениях монахов отсутствуют, не встречены также и тисненые пояса и параманды.

Существенно, что в погребальных комплексах XI–XIV вв., исследованных в других регионах христианского мира (в частности – на Балканах), наблюдается аналогичная картина: нательные кресты в захоронениях крайне редки. Это подтверждает вывод о том, что важнейший символ христианской религии – крест – практически не использовался в обряде захоронения городского населения Руси в период с XI по XVI вв.

ПРИВЕСКИ С ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКОЙ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ СЕВЕРО-ЗАПАДА НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Изучение древнерусских погребальных памятников на территории Водской и Шелонской пятин Новгородской земли было начато более ста лет назад. За прошедшее время накоплен огромный вещевой материал, который лишь изредка рассматривался исследователями как единый пласт древностей. Наибольшее внимание уделялось обычно этнокультурным определениям и возможным реконструкциям процесса христианизации. Специальные попытки обобщить предметы с изображениями христианской символики в качестве элемента традиционного костюма и убора не предпринимались.

Привески с изображениями христианской символики можно разделить на четыре группы: кресты-тельники, привески-иконки, монетовидные привески и змевики. Наиболее ранние находки крестов-тельников в пределах рассматриваемого региона происходят из камерного погр. 2 в мог. Удрай-II (XI в.) и погр. 2 кург. 5 в мог. Которск-XI (1055–1076 гг.). Тем же временем датируется и кург. 5 мог. Которск-III, из которого происходит привеска-иконка с погрудным изображением святого (Св. Фома, см.: Седова 1981: 62) – наиболее ранняя из известных привесок-иконок на территории Новгородской земли.

Массовое распространение привесок с христианской символикой приходится на тр. четв. – кон. XII в. В это время значительно возрастает количество известных монетовидных привесок и привесок-иконок, в погребениях появляются змевики (Сварец, Лихарева Горка) и подражания им (Которск-III). Односторонняя отливка, происходящая из кург. 10 в мог. Которск-III, сходна с тремя змеевиками, с изображением Архангела Михаила, происходящими из Неревского раскопа в Новгороде (Седова 1981: 66-69) и отлитыми в одной форме; возможно, в Которске обнаружена продукция местного мастера, выполненная в подражание работе городских ювелиров.

Изображения на монетовидных привесках разделяются на две большие группы: изображения процветшего креста или других

крестовидных композиций и привески-иконки с различными сюжетами. Особый интерес представляют два практически одинаковых ожерелья, включавших фиолетовые, голубые и бесцветные прозрачные стеклянные бусы, 12 круторогих лунниц и две круглые привески-иконки с изображением Успения Богоматери: одно происходит из бассейна Верхней Луги (Раглицы, кург. 26), другое – из бассейна Верхней Плюссы (Которск-III, кург. 8).

С нач. XIII в. наблюдается заметный спад числа привесок с христианской символикой, совпадающий с общим обеднением металлических деталей убора. Единственными предметами христианского культа начиная с этого времени становятся спорадически встречающиеся в погребениях бронзовые кресты (зачастую – единственные предметы, найденные в погребениях).

Все встреченные в погребениях (за исключением нательных крестов) предметы с христианской символикой выполняют функции украшений: практически все они обнаружены в составе бусинных ожерелий. Для составительниц ожерелий, очевидно, не имели существенного значения форма и семантика привесок: на протяжении всего рассматриваемого времени существуют стереотипные схемы ожерелий – если привеска единична, то она во всех документированных случаях размещена в центре ожерелья, являясь как бы центром композиции, но никогда не подвешивается на особой нитке или шнурке. При этом привески с христианской символикой могут чередоваться в составе ожерелья с лунницами или решетчатыми привесками.

Таким образом, первые единичные предметы, связанные с христианским культом, появляются на северо-западе Новгородской земли одновременно с появлением погребений по обряду ингумации (Удрай, Которск), а заметное увеличение числа погребений с предметами, несущими христианскую символику, приходится только на тр. четв. – кон. XII в. Кресты-тельники и в это, и в последующее время отличаются по своим функциям от привесок. В уборе не делается заметной разницы между иконками-привесками, привесками с изображением креста и прорезными привесками с крестовидными композициями: все эти типы привесок могут встречаться в составе одного ожерелья как друг с другом, так и с привесками, не имеющими отношения к христианству. Сюжеты иконок достаточно случайны и не отражают преимущественного почитания какого-либо конкретного святого или

праздника, практически все иконки представлены одним-двумя экземплярами из одного погребения.

Наибольшее распространение иконок-привесок и монетовидных привесок с изображением креста приходится на то время, когда женский погребальный костюм достигает наибольшей пышности и, в то же время – наибольшей унифицированности. Последовавшее за этим резкое обеднение убора сказалось и на распространении предметов с христианской символикой: круглые привески, являвшиеся, прежде всего, украшениями, выходят из моды. Единственным типом представленных в более позднее время культовых христианских предметов в захоронениях остаются бронзовые и медные кресты-тельники. Их сравнительную редкость в погребениях уместно связать не с недостатком благочестия, а с дороговизной бронзовых изделий в условиях экономической ситуации XIII–XV вв. Не исключено, что основная масса населения в это время носила деревянные нательные кресты.

Седова М.В. 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М.

Т.И.Макарова (Москва)

ОБЛАЧЕНИЕ МИТРОПОЛИТА АЛЕКСИЯ – МНОГОСЛОЙНЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ РАННЕЙ МОСКВЫ

Облачение митрополита Алексия – ключевой памятник прикладного искусства XIV в. Созданное в 1364 г., оно несет на себе следы разных исторических периодов. Архаичность придает облачению, состоящему из саккоса, поручей и епитрахили, множество драгостекольных с перегородчатой эмалью. По прочно утвердившемуся в науке мнению, эта техника перестала существовать после разгрома ее основных центров во время татаро-монгольского нашествия (Б.А.Рыбаков). Высказывалось мнение, что производство вещей с перегородчатой эмалью угасло даже раньше – уже в кон. XII в. (Г.Ф.Корзухина). Присутствие эмалевого декора привело к тому, что в исследованиях прикладного искусства Московского государства облачению митрополита Алексия не уделялось должного внимания – оно воспринималось для XIV в. анахронизмом

(Т.В.Николаева).

Автор этих строк допускала мысль о том, что мастерство перегородчатой эмали не исчезло полностью в трагических событиях сер. XIII в., а кое-где продолжалось и во второй половине столетия. В настоящее время, в связи с реставрацией облачения, принятой в музее-заповеднике "Московский Кремль", к исследованию памятника обратились сразу несколько исследователей. Реставраторы и искусствоведы (Ю.А.Осипов, А.В.Рындина) пришли к согласному мнению о том, что металлический декор облачения в древнейшей своей части (эмаль, чернь, гравировка) принадлежит вт. пол. XIV в. Таким образом, облачение (прежде всего, главная его часть – саккос) представляется исследователям произведением единым во всех своих частях (за исключением позднейших доделок).

Такая точка зрения нуждается в корректировке. Из древних дробниц только дробницы с чернью и гравировкой могут быть отнесены к изделиям дружины ювелиров Москвы времени создания облачения и специально для него. Их серийность, технологическое и стилистическое единство несомненно.

Дробницы с эмалью такого единства не представляют. Напротив, их можно выстроить в эволюционный ряд с признаками угасающего ремесла, они имеют следы многократного использования (вероятно, на каких-то старинных и обветшавших одеждах). Хронологически в начало эволюционного ряда надо поставить серии дробниц, явно следующие домонгольским традициям искусства перегородчатой эмали. Элементы упадка, потери навыков здесь уже есть, но это еще живое ремесло, которым владели ученики эмальеров эпохи расцвета искусства (времен Лазаря Богши).

Следующей во времени является серия дробниц, сделанных умелыми мастерами, но с явным отходом от важнейших принципов технологии эмальерного дела. Однако орнаментальный строй и цветовая гамма еще не претерпели кардинальных изменений. Стилистическая связь с эмалями, которые датируются кануном татаро-монгольского нашествия, очевидна.

Наконец, угасание эмальерного дела демонстрируют серии примитивных по технологии дробниц, фиксирующие следы "умирания" финифтяного орнамента. Бедность цветовой гаммы говорит и о потере сырьевой базы. Абсолютная датировка этих дробниц невозможна, но относительная укладывается в рамки

всего XIII и XIV в. (до 1364 г.).

Столь разные дробницы не могли быть сделаны одновременно и в одном месте. Скорее эмалевый комплекс можно рассматривать как запас, которым располагали создатели облачения. Его дополнили дробницами, сделанными в эпоху почти полной утраты традиций эмальерного ремесла. Все сказанное позволяет считать облачение митрополита Алексия далеко не однородным даже в его древнейшей части.

В.Г.Пуцко (Калуга)

СЮЖЕТЫ НОВГОРОДСКИХ КАМЕННЫХ ИКОН

Русская сюжетная каменная резьба малых форм XIII–XV вв. представлена, по-преимуществу, произведениями новгородских резчиков. Их изделия не только являются образцом средневековой мелкой пластики, но также служат важным источником, отражающим давно утраченные иконописные оригиналы. Именно поэтому важно учитывать тематический состав каменных икон и его наиболее существенные особенности.

Составленный Т.В.Николаевой (1983) свод охватывает большую часть сохранившихся произведений, однако некоторые новгородские каменные иконы в этом своде отнесены к продукции иных художественных центров. Многие образцы каменной резьбы стали предметом рассмотрения в книге А.В.Рындиной (1978). Статистическое соотношение сюжетов древнерусских каменных икон явилось предметом рассмотрения в статье Н.Г.Порфиридова (1972): исследователь зарегистрировал 423 сюжета, из которых 303 единоличные и 120 – многофигурные; он же объяснил причины популярности изображений Христа, Богородицы и Св. Николая. Т.В.Николаева среди продукции новгородских ремесленников выделяла в особые группы иконы с изображениями воинов и архангелов, Гроба Господня и святых, с символическими и патрональными изображениями, с конными святыми воинами, с композициями праздников.

Продолжая исследование материала, можно было бы пойти по пути классификации сюжетов применительно к Новгороду и в итоге получить новые количественные соотношения тематики и

сюжетов. Однако более важным представляется в первую очередь остановить внимание на определенных иконографических схемах, наиболее показательных для новгородской каменной резьбы малых форм, особенно – ее раннего периода.

Оригинальная иконография “Гроба Господня” может быть прослежена в своем историческом развитии по каменным иконам XIII–XV вв., общее число которых более 40. Иконографическая схема отличается большой вариативностью, касающейся числа и расположения действующих лиц и характера архитектурного фона. В одних случаях схема близка византийской композиции “Мироносицы у Гроба”, в других – построена вокруг саркофага с кувуклием (иногда трактованным как престол с киворием). Истоки иконографии восходят к раннему средневековью – времени производства палестинских свинцовых ампул. Но непосредственной аналогией могли послужить евлогии времен крестовых походов. Многие каменные иконы с рассматриваемым сюжетом – двусторонние. При этом изображения на оборотной стороне весьма разнообразные. В двух случаях среди них представлены святые всадники, едущие попутно. Эта тема, прослеживаемая еще на двух резных образках, в XIII в. появляется в творчестве византийских иконописцев, обслуживавших крестоносцев, а столетием позже находит отклик в новгородской каменной резьбе и двух иконах, изображающих Св. Бориса и Глеба.

В новгородских каменных иконах XIV в. в ряде случаев явно воспроизведены живописные образцы, имевшие значение реликвий. Отсюда своеобразная “серийность”, построенная на незначительном варьировании основного иконографического мотива. Это хорошо видно на примере изображений Деисуса, Богоматери Умиление, Св. Николая, в ряде случаев представленного в окружении семи спящих отроков эфесских. Выявление живописных параллелей позволяет сделать интересные наблюдения. Так, тронный Спас, представленный на фрагментарно сохранившейся двусторонней каменной иконе в Ростове Великом (Николаева 1983: №297), соответствует варианту, отличающему краснофонную икону вт. пол. XIII в. из Крестцов и выходную миниатюру Хроники Георгия Амартола рубежа XIII–XIV вв. Все эти изображения явно восходят к общему источнику, локализуемому в Новгороде и пользовавшемуся известностью уже в XIII в. Возможно, что это была деисусная композиция (по типу псковской иконы

перв. пол. XIV в. из ц.Николы от Кожи; последняя идентична по схеме каменному резному образку, отличаясь лишь соотношением фигур).

Художественная резьба по камню позволяет иногда выделить индивидуальные манеры мастеров, в том числе – свидетельствующие о греческом происхождении ремесленников. Но такие случаи весьма редки, тогда как общий процесс характеризуется широкой локальной адаптацией в Новгороде греческих образцов. Наиболее наглядно это представляют каменные иконы кон. XIV в. с циклами праздников; пространство этих икон плотно заполнено большеголовыми выразительными фигурами. Если новгородской по своему происхождению является двусторонняя икона с изображением Покрова (ошибочно определенного как Вознесение) и Св. Никиты избивающего беса (Николаева 1983: №217), то приходится говорить о некотором консерватизме пластики: в XIV в. в Новгороде древняя схема Покрова, зафиксированная в резьбе, активно вытесняется новой схемой, разработанной на местной почве. То же явление дает повод отметить двусторонняя икона XV в. с изображениями Деисуса в рост и избранных святых (Николаева 1983: №223), схема которой восходит к живописным образцам XIII в., связанным с крестonosцами. Отголоски более ранних моделей можно иногда обнаружить и в типе обрамлений (Николаева 1983: №107, 209).

Иконографические сюжеты каменных икон, выполненных в Новгороде, в целом соответствуют иконографии, известной по византийским произведениям. Однако в ряде случаев новгородские иконы исполнены в “романской” интерпретации, по существу оказывающейся фольклорным истолкованием схемы (Николаева 1983: №71, 72, 140, 143, 176, 186, 187, 193). Отличить ее от стилизованных закономерностей западной пластики в целом не представляет больших затруднений. Это вовсе не означает, что а priori следует исключить какие-либо проникновения заимствований, особенно там, где речь может идти о круге греко-латинских памятников. Примеры отчетливо обнаруживаются в новгородской миниатюре рубежа XIII–XIV вв.

Иконографическое изучение новгородских каменных икон может быть плодотворным только в широком художественном контексте. Едва ли не самой удобной формой является цикл детальных разысканий, позволяющих уделить внимание каждому ре-

льефу. Пока материал лишь прошел каталогизацию, которая должна существенно облегчить атрибуцию конкретных икон. Их сюжеты большей частью оказываются ориентированы на живописные оригиналы. Популярность последних закономерно находила отголосок в резьбе по камню, что можно проследить, например, на привлечении пластических воспроизведений иконы Богоматерь Знамение, выполненных в XV в. (Николаева 1983: №222, 236, 238). В новгородской каменной резьбе представлено изображение тронной Богоматери Умиление (Николаева 1983: №250), скорее всего, навеянное итало-критской моделью из числа получивших в это время известность в Московской Руси. Для более поздних памятников можно опознать и воздействие гравюры (Николаева 1983: №254, 255). Каменная икона с изображением Сошествия во ад (XVI в.), возможно, послужила моделью для бронзового литья (Николаева 1983: №257).

Сюжеты новгородских каменных икон включают в свой перечень изображения особо почитаемых либо патрональных для заказчиков святых. Изображения Св. Бориса и Глеба во всех известных случаях восходят к оригиналам, формальные черты которых не позволяют датировать их ранее нач. XIII в. (Николаева 1983: №75, 176, 177). Не исключено, что именно в этот период происходит само становление художественной резьбы по камню в Новгороде, достигшее в XIV в. своего развития. В данной области пластического искусства этот культурный центр тогда являлся почти монополистом на Руси. По крайней мере, среднерусские изделия представляются малочисленными и разрозненными вплоть до сер. XV в.

Николаева Т.В. 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI-XV вв. // САИ, вып. Е, 1-60. М.

Порфиридов Н.Г. Древнерусская мелкая каменная пластика и ее сюжеты // СА, № 3.

Рындина А.В. 1978. Древнерусская мелкая пластика. Новгород и Центральная Русь XIV-XV вв. М.

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ И АТРИБУЦИИ НЕКОТОРЫХ ПАМЯТНИКОВ ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА ДРЕВНЕЙ РУСИ

Анонимность значительной части памятников художественного литья, рассеянных по многочисленным музейным коллекциям и не имеющих сведений об условиях и месте находки, приводит к тому, что основой при исследовании становится иконографический и стилистический анализ. Исследования, посвященные древнерусским энколпионам (как массовых типов, так и типов редко встречающихся) привели к выводу о том, что многие типы появились уже в XI в., а позднее тиражировались литьем по оттискам в глине древних экземпляров. Исключением являются энколпионы с “обратными” надписями – их появление относят к перв. пол. XIII в.

Выделение среди памятников культового литья XI–XIII вв. древнейших экземпляров XI в., послуживших исходными моделями при тиражировании, – это чрезвычайно трудная задача. Дошедшие до нас подлинные памятники XI в. пока насчитываются единицами. Значительно пополнил список таких предметов В.Г.Пуцко, опубликовавший путевую иконку из собрания ГТГ и передатировавший стилистически близкие к ней иконки XIII в. с Княжей Горы (Пуцко 1983: 199–206). С новыми датами эти памятники вошли в свод древнерусской мелкой пластики из камня (Николаева 1983: табл.4, №23, 25). Позднее В.Г.Пуцко включил в группу стилистически близких памятников сюжетной пластики сер. – вт. пол. XI в. отдельные экземпляры прямоконечных энколпионов с изображениями Этимасии и символов евангелистов (Пуцко 1987: 62–75). Признавая убедительным стилистическое единство выделяемой Пуцко группы предметов культовой пластики, я считаю возможным и необходимым расширить ее за счет еще одной группы энколпионов, требующей вернуться к проблеме датировки названных памятников.

Основная серия находок прямоконечных энколпионов с изображением Этимасии и символов евангелистов насчитывает около 20 экз.: 5 связаны с районом Канева, 3 – с Галичем, по одной находке происходит из Киева, Изяславля Вольнского и Райковецкого городища, остальные находки беспаспортные. В средокрес-

тии лицевой створки помещено изображение Этимасии, в боковых ветвях креста – погрудные изображения святых, обращенных к центру (возможно – предстоящие Богоматерь и Св. Иоанн Предтеча), вверху и внизу – погрудные фронтальные изображения святых. На оборотной створке в средокрестии помещено поясное изображение Богоматери в типе Оранта, а в ветвях креста – символы евангелистов.

Помимо основной серии существует (в единственном экземпляре) вариант энколпиона, на оборотной створке которого центральным изображением является не Оранта, а Христос-Пантократор, на лицевой же створке в центре помещено изображение Распятия, а в рукавах креста – имена евангелистов в соответствии с их изображениями на оборотной створке. Принято считать, что створка с Распятием является древней же заменой (по В.Г. Пуцко – XIII в.) утраченной створки. Г.Ф. Корзухина отмечала, что ей удалось найти тот экземпляр Распятия, по оттиску которого отливалась данная створка (РА ИИМК РАН, ф.77, №17, л.65). Скорее всего, имелся в виду крест с Распятием, найденный на Княжей Горе (Ханенко Б., Ханенко В. 1900: табл. XXII, 260). Какова была первоначальная створка – неизвестно.

По композиционному решению вариант энколпиона с изображением Пантократора в окружении символов евангелистов должен быть исходным – задуманным и выполненным мастером, ориентировавшимся на устойчивую схему книжной миниатюры, либо на образцы романской пластики. Эта композиция, сложившаяся как прямая иллюстрация пролога четвероевангелия, характерна как для латинских, так и для греческих рукописей (Galavaris 1979). В романском искусстве она стала одной из центральных, украшающих и порталы католических храмов, и многочисленные предметы церковного обихода, в том числе – драгоценные процессионные кресты-реликварии. В средокрестии их изображался Агнец Божий.

В восточнохристианском искусстве рассматриваемая композиция редко наблюдается за пределами книжной миниатюры; более характерной является композиция, включающая Оранту и погрудные изображения евангелистов. Такая композиция представлена и на редких византийских крестах с эмальями, и на многочисленных бронзовых рельефных (так называемых “сирийских”) энколпионах. На территории древней Руси найдено 5 энколпионов дан-

ного типа: 2 в районе Канева (Княжа Гора, Девич Гора), 2 на Галичине и 1 на Черниговщине. Иными словами, они происходят, по преимуществу, из района бытования прямоконечных энколпионов с символами евангелистов. Не исключено, что замена изображения Пантократора изображением Оранты на крестах с символами евангелистов была вызвана воздействием композиционной схемы “сирийских крестов” и стремлением мастера оформить новое изделие в привычном для восприятия виде.

Изображение Этимасии в верхней части креста известно по памятникам другого стилистического направления, но найденным также в местах бытования рассмотренной группы энколпионов: это фрагменты тождественных киотных крестов с Княжей Горы и из Изяславля Волынского, а также энколпион, найденный между Княжей и Марьиной Горами.

Иконография изображений Этимасии и Оранты на прямоконечных энколпионах, безусловно, восходит к византийским и русским образцам XI в., что уже не раз отмечалось исследователями (Пуцко 1987: 71–73; Гнутова 1989: 129–133). Однако образ Пантократора ближе к изображениям на памятниках кон. XII – нач. XIII вв., таким как изображения на фреске в скиту Св. Неофита на Кипре и на бронзовой иконке из Херсонеса (Банк 1978: рис. 52), на одном из рельефных медальонов на крышке кацеи из Изяславля Волынского (Эрмитаж). Изображения символов евангелистов не имеют аналогий ни в книжной миниатюре, ни в романской пластике: они самым причудливым образом сочетают в себе западные и восточные элементы. Так, в передаче крыльев быка и льва просматриваются черты, схожие с рельефами надгробия Фридриха II в Сицилии (после 1250 г.), а крыло орла выполнено в типичной византино-русской манере: точно такие же крылья у ангелов на иконке с Распятием с Княжей Горы (Ханенко Б., Ханенко В. 1900: табл. XXVII, №308), у архангела Михаила на путевой иконке, у архангелов на Богородичных энколпионах типа, опубликованного Ханенко (1899: табл. II, №39–40). Перечисленные памятники близки друг другу стилистически, а отдельные их элементы почти идентичны, что позволяет думать о принадлежности всех предметов к продукции одной мастерской, в которой одни и те же модели использовались для отливки элементов различных изделий.

По стилистическим признакам (непропорциональные фигуры

с большими головами и кистями рук, крупные черты лиц) и характеру рельефа энколпионам с символами евангелистов чрезвычайно близки богородичные энколпионы с краткими углубленными надписями. На лицевой створке этих энколпионов помещено изображение Богоматери Оранта с ладонями, раскрытыми перед грудью, в медальонах – погрудные изображения евангелистов; это напоминает композицию “сирийских” энколпионов. На оборотной створке Богородичных энколпионов в центре размещено Распятие, в боковых медальонах – предстоящие, вверху и внизу – архангелы. Сопроводительные углубленные надписи в виде монограмм Христа и Богоматери и отдельных букв около изображений предстоящих сделаны с ошибками и перестановкой букв. Лики в медальонах, характер передачи крыльев у архангелов в несколько упрощенной и обобщенной форме повторяют, с одной стороны, все основные черты изображений на путевой иконке, а, с другой стороны – лики изображенных святых в ветвях прямоконечных энколпионов с Этимасией. По форме и размерам рассматриваемые кресты почти абсолютно совпадают с энколпионами с обратными надписями. Сближает их и помещение образа Богоматери на лицевую створку, что дает основание усматривать прямое подражание и датировать этот тип крестов временем не ранее перв. пол. XIII в. Ареал распространения энколпионов данного типа практически совпадает с ареалом распространения энколпионов с символами евангелистов: 4 найдены в районе Канева, 5 – в порубежных крепостях (Райковецкое городище, Колодяжин, Изяславль), 1 – в Галиче. За пределами древней Руси найдено 5 таких энколпионов. В Изяславле обнаружен обломок литейной формы для отливки креста с аналогичным композиционным решением. Одну из хрестоматийных литейных форм Киева, как будто бы, предназначенных для отливки Богородичных энколпионов с рельефными надписями, по-видимому, также следует связывать с рассматриваемым типом крестов, но не в прямую, а лишь как подражание последним.

Картирование примерно половины всех находок выделенной стилистически единой группы памятников прикладного искусства обнаруживает три района их бытования: Каневское Поднепровье, порубежные крепости на границах Волынской и Киевской земель, а также Галич и его округа. Такое распространение однотипных и одностилевых изделий косвенно указывает на время бытования предметов – не ранее 1160-х гг., когда Канев и другие погранич-

ные города перешли под контроль волынских князей. Вероятнее всего, речь может идти о еще более узком отрезке времени – о конце 90-х гг. XII в., когда Роман Мстиславич объединил Галицкую и Волынскую земли. О месте нахождения мастерской, из которой происходят рассмотренные памятники – район Канева или Галич – пока судить рано.

Банк А.В. 1978. Прикладное искусство Византии IX–XII вв. М.

Гнутова С.В. 1989. Кресты-энколпионы домонгольской Руси // Православие в древней Руси. Л.

Николаева Т.В. 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. // САИ, вып.Е 1–60. М.

Пуцко В.Г. 1983. Русская путевая икона X в. // Памятники культуры. Новые открытия. Л.

Пуцко В.Г. 1987. Древнейшие типы киевских крестов-энколпионов // Труды V МКСА, т. III, вып. 26. М.

Ханенко Б.И., Ханенко В.Н. 1899–1900. Древности русские. Кресты и образки. Вып. 1–2. Киев.

Galavaris G. 1979. The illustrations of the Prefaces in Byzantine gospels // Byzantina Vindobonensia, XI. Vien.

К.В.Федюшев (Санкт-Петербург)

НОВЫЕ НАХОДКИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИКОНОК-ПРИВЕСОК ИЗ НОВГОРОДА

Русские средневековые нательные иконки-привески не принадлежат к числу хорошо изученных культовых памятников. Сводных работ, посвященных им, пока нет: публикуются отдельные экземпляры или их группы, объединенные либо общим происхождением, либо хронологически.

В Новгороде на конец 1970-х гг. М.В.Седова зафиксировала 11 таких предметов XII–XV вв. и отметила, что “привески-иконки встречаются довольно редко” (Седова 1981: 62). Это справедливое замечание – по сравнению с нательными крестами и даже крестами-мощехранителями иконки-привески сравнительно немногочисленны. Однако представляется, что круг дошедших до нас памятников может быть расширен не только в результате новых археологических раскопок, но также при обращении к материалам частных коллекций. Нам удалось осмотреть 8 неизвестных ранее иконок-привесок, хранящихся в одной из коллекций в Санкт-Петербурге; по сведениям

ям владельца коллекции все предметы найдены в Новгороде и поступили в коллекцию через новгородский антикварный рынок. Ниже приведены их описания и размеры (в мм.):

1. Бронзовая округлая, разм. 20x15 (фрагм., не менее 20x18), ушко 4. Отливка нечеткая. Центральную часть поля занимает изображение Св. Андрея Первозванного (?) в рост с крестом в правой руке и свитком (?) в левой. Слева колончатая надпись **АГЮ**. Ближайшей аналогией изображению можно считать изображения на печатях №293 и 294 (Янин 1970), датированные XII – нач. XIII вв. Сходство настолько велико, что есть основание предполагать использование в качестве модели для иконки печати, сходной с печатями №293 и 294.

2. Овальная, из свинцово-оловянистого сплава, разм. 19x17, ушко обломано. Поясное изображение Св. Николая в крещатых ризах. По сторонам надпись **Н И-К(В)**. Ободок фигурный. Аналогии не известны. Стилистически можно отнести к XIV в.

3. Круглая, из свинцово-оловянистого сплава, разм. 18x19, по краям – ободок из отверстий. Ушко отсутствует. Возможно использовалась в качестве нашивной бляшки (?). В центральной части погрудные изображения двух святителей, по сторонам плохо читаемые буквы (**И?**; **НК?**). Аналогии не известны. Стилистически сходна с иконкой, изданной в своде М.В.Седовой (1981: № 20:7) и датированной кон. XIV – нач. XV вв.

4. Круглая, из свинцово-оловянистого сплава, разм. 16x15, ушко 6. В центральной части погрудные изображения двух святителей (?). Аналогии не известны. Определенное сходство с №3 не исключает и хронологическую близость памятников.

5. Бронзовая, арковидная, разм. 16x17, ушко 4. В центральной части конный копеец влево, поражающий змия. Близка иконке, опубликованной Б.И. и В.Н.Ханенко (1900: №282) в качестве памятника XII–XIII вв. С этим трудно согласиться: стилистически скорее следовало бы говорить о более позднем времени (XIV–XV вв.?).

6. Бронзовая, каплевидная, разм. 15x17, ушко 4. В центральной части 7-конечный голгофский крест со страстями, над крестом и по сторонам от него монограммы **ЦР**; **ИС-ХС** зеркально. Аналогии не известны. Вероятная датировка – XIV–XVI вв.

7. Овальная, из свинцово-оловянистого сплава, разм. 15x17,

ушко отсутствует. В центральной части конный копейщик влево, поражающий змия. Стилистически и технически близка №6.

8. Каплевидная, из свинцово-оловянистого сплава, разм. 15x17, ушко 6, граненое. В центре – конный копейщик влево, поражающий змия. Сходная иконка, опубликованная М.В.Седовой (1981: №20: 4), датирована исследовательницей сер. XV в.

Седова М.В. 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М. Хапенко Б.И., Хапенко В.Н. 1900. Древности русские. Вып.2. Кисв. Янин В.Л. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т.1. М.

А.В.Подосинов (Москва)

К ВОПРОСУ ОБ ОРИЕНТАЦИИ ДРЕВНЕРУССКИХ ЦЕРКВЕЙ

Дохристианские, языческие представления древних славян о мире и их ориентационные принципы и навыки предполагали восток и юг в качестве наиболее сакральных стран света, касалось ли это устройства капищ, ориентации жилищ или погребений, поведения во время обрядов, церемоний и иных культовых действий (Подосинов 1995: 64-68). С приходом на Русь христианства в кон. X в. ориентационные принципы, присущие последнему и связанные с почитанием востока (что отразилось в культовой практике, в храмостроительстве, ориентации умерших и проч.) достаточно легко наложились на древнерусскую обрядовую практику. Восточная ориентация языческих славянских погребений (= “западная ориентировка” археологов) не нуждалась в адаптации и перемене, поскольку христианские каноны требовали такой же. Древнерусские церкви в своей ориентации алтарем (апсидой) на восток следовали общехристианской традиции, которая не столь уж отличалась от ориентационных принципов языческого храмостроительства древних славян и других индоевропейских народов.

Однако, на Руси, точно так же, как в западноевропейском и в византийском христианском храмостроительстве, реальная ось храмов не всегда была направлена на точный астрономический восток (равноденствие), а допускала существенные (особенно в средние века) отклонения на север или юг. В историографии существуют различные толкования этого явления: его объясняли

или безразличием к точной ориентации, или тем, что ось определялась не в равноденствие, а в летнее солнцестояние, или колебаниями магнитной стрелки, с помощью которой предположительно могли определять ось церкви, или, наконец, ориентацией по точке восхода солнца в день святого – патрона закладываемой или освящаемой церкви (Nissen 1906: 400-456).

По-видимому, все эти объяснения в разных случаях могут приниматься во внимание в зависимости от конкретной ситуации, и все они оказываются действительными и для Руси. Так, П.А.Раппопорт (1974: 43-48) и Б.А.Рыбаков (1987: 267-268) отмечали для древнейшего периода русского храмостроительства (X-XIII вв.) совпадение ориентаций ряда церквей с азимутом восхода солнца в тот день, когда отмечался соответствующий праздник (напр., Благовещение) или день святого – патрона храма (в этот день происходила закладка храма). Если П.А.Раппопорт при этом отмечает большое число храмов, ориентация которых не совпадает не только с восходом солнца в день святого патрона, но и с восходом солнца в день закладки, то Б.А.Рыбаков, как кажется, считает существование такой ориентации непререкаемым законом закладки любой церкви и надеется в каждом случае по фундаменту неизвестной церкви определить ее патрона.

Тем не менее, работы последних десятилетий показали, что существует множество обстоятельств, препятствующих признанию теории Г.Ниссена в качестве универсальной и всеобъемлющей. Это, прежде всего, большое количество исключений и несогласованности между днем святого и осью посвященного ему храма. Кроме того, настораживает отсутствие у древних авторов сведений о подобной практике основания храма; вместо этого во вт.пол.XIII в. Вильгельм Дурадус прямо отмечал, что церковь следует ориентировать по равноденственному востоку – *versus ortum solis aequinoctialem... et non versus solstitialem, ut faciunt quidem* (Rat. div. off. I.1.8). Против теории Г.Ниссена говорит и нередкая смена патрона уже построенной церкви, а также строительство новых церквей на старых фундаментах (иногда – на месте языческих храмов).

Все эти факторы действительно и для древнерусского храмового зодчества, как показал (правда – без ссылки на Г.Ниссена) Р.М.Гаряев (1978: 40-44). Согласно его подсчетам, из 287 московских храмов 201 (70%) имел северо-восточную ориентацию, 35

(12%) – строго восточную и 51 (18%) – юго-восточную. Такое преобладание северо-восточной ориентации Р.М.Гаряев связывает с ориентацией по весеннему восходу солнца, когда обычно и начиналось строительство на Руси (апрель или май). П.А.Раппопорт (1974: 47) на примере храмов X-XIII вв. также приходит к выводу, что “в подавляющем большинстве церкви ориентированы апсидами на северо-восток, т.е. на летний восток”.

В то же время, в Новгороде мы видим прямо противоположную картину: из 80 рассмотренных Р.М.Гаряевым храмов на северо-восток были ориентированы только 15 (18%), на восток – 5 (6%), а на юго-восток – 60 храмов. “Таким образом, большая часть (75%) новгородских церквей была ориентирована в сторону зимних восходов, вопреки уверениям летописцев в том, что их закладывали весной и в начале лета” (Гаряев 1978: 42). Так, Софийский собор в Новгороде, заложенный, согласно настенной записи, 24 мая 1045 г., ориентирован не на 43° азимута солнца, а на 119°, то есть – боком к восходу солнца в этот день. Еще большие отклонения, но теперь уже на север, имеет группа церквей в Вологде. При самом северном восходе солнца на этой широте по азимуту 37°, вологодские храмы (Софийский собор, ц.Николая Чудотворца, теплый и холодный храмы Дмитрия Прилуцкого, ц. Иоанна Златоуста, Воскресенский собор) обращены, соответственно, на 35°, 32°, 26°, 24° и 23°, то есть – гораздо севернее, чем к восходу солнца при его самой низкой эклиптике (Гаряев 1978: 43). Причины таких трудно объяснимых отклонений от церковного канона Р.М.Гаряев видит в неизвестности в ряде случаев оснований для той или иной постановки храма по отношению к странам света, в нередком строительстве храмов на фундаментах предшествующих сооружений, в несовпадении иногда даты начала строительства с его торжественной закладкой, в стремлении вписать храм в существующую градостроительную структуру (Гаряев 1978: 44).

Все эти факторы и мешали воплотить в жизнь канон, который еще в нач.XIX в. гласил: “По религии нашей, алтари церквей должны быть обращены непременно к Востоку. А так как между летним и зимним восхождением солнца заключается несколько градусов, то дозволяется между сими только пределами соображаться в обращении церкви с улицею или какими-либо строениями” (Руководство 1883: 43-44).

Указанные выше неясности и противоречия в ориентировании

древнерусских церквей и их интерпретации свидетельствуют о том, что назрела необходимость провести полное обследование древнерусских храмов и их осей. Картографирование ориентации храмовой оси на всей территории Древней Руси с учетом диахронии, эволюции ландшафта и изменения движения солнца за прошедшие столетия, поможет понять принципы ориентации оси храма в разные периоды истории и в разных регионах.

Гаряев Р.М. 1978. К вопросу об ориентации русских церквей // КСИА, № 155.

Подосинов А.В. 1995. Страны света в дохристианской картине мира восточных славян // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество, христианство, церковь. М.

Рапопорт П.А. 1974. Ориентация древнерусских церквей // КСИА, № 139.

Руководство к архитектуре для студентов Горного института, составленное архитектором Свиязвым. Вып.2, СПб., 1883.

Рыбаков Б.А. 1987. Язычество древней Руси. М.

Nissen H. 1906. Orientation. Studien zur Geschichte der Religion. Berlin.

Г.Ю.Ивакин (Киев)

ХРАМЫ ДРЕВНЕКИЕВСКОГО ПОДОЛА

Древнейшим храмом Киева и всей Руси, известным по письменным источникам (944), является ц.Св.Ильи, стоявшая на Подоле "над Ручаем". Судьба храма не известна, как не известен и материал, из которого храм был возведен. Традиционно его принято локализовать в районе Ильинской церкви XII в.

По летописям известны еще три храма XII в., размещавшиеся на Подоле: ц.Успения Богородицы Пирогощей, Борисоглебская (Туровская) и Михайловская (Новгородская) божницы. Две последние упоминаются в связи с событиями 1146 г. Вслед за М.К.Каргером, их отождествляют, обычно, с остатками построек, обнаруженных в 1955 г. на ул.Борисоглебская,11 и ул. Волошская,11. Однако размеры плинфы говорят скорее о кон. XII в.

При наблюдении за земляными работами и во время археологических раскопок обнаружены еще три каменные постройки XII в., однако они не были полностью раскрыты и исследованы. В 1980 г. на ул.Волошская,21 выявлены остатки двух сооружений, составлявших, вероятно, единый комплекс. Фрагмент упавшей стены храма открыт раскопками 1984 г. на усадьбе по ул.Андре-

евская, 7, однако основная часть постройки осталась за пределами раскопа. В 1993 г. неизвестный храм обнаружен раскопками по ул. Юрковская, 3; судя по фрагментам фресковой росписи и поливным плиткам пола, он был богато декорирован.

Наиболее известен по письменным источникам и результатам археологических исследований храм Успения Богородицы Пирогощей, стоявший на Торговище – главной торговой и вечевой площади города. Храм был заложен Мстиславом Великим в 1131 г., а завершен после смерти князя, в 1135 г. Судя по упоминанию в “Слове о полку Игореве”, эта церковь пользовалась популярностью на Руси. Именно к ней едет в финале поэмы князь Игорь. В храме находилась известная икона “Пирогоща”, привезенная в “едином корабле” с другой известной иконой, хранившейся первоначально в Вышгороде и называющейся сейчас Богоматерью Владимирской.

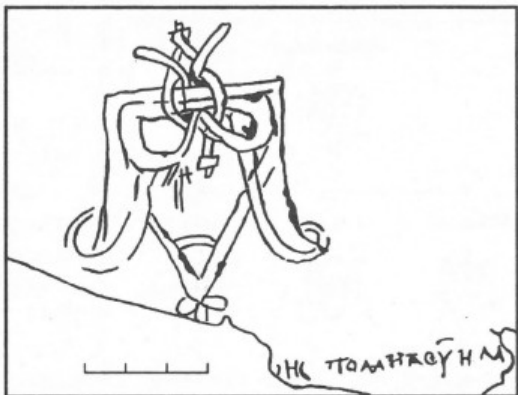
Храм Успения Богородицы дожил практически до нашего времени – он был взорван в год 800-летия своего освящения (1935). Археологически постройка исследована в 1976-1980 гг. Это был трехнефный шестистолпный храм размерами 25x17 м. Мощные фундаменты превышают 4 м. Фасады храма были украшены лопатками в виде полуколонок. Церковь была одной из первых построек на Руси, возведенных в новой, порядовой технике кладки. При строительстве храма использован строительный материал от более ранней церкви X-XI вв.

С.В.Белецкий (Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ СТРОИТЕЛЬСТВА СОФИЙСКОГО СОБОРА В КИЕВЕ

Строительная история Софийского собора в Киеве остается предметом дискуссии. Сведения письменных источников достаточно противоречивы: закладка храма зафиксирована в летописях под 1017 и под 1037 г., освящение храма – под 1037 г., повторное освящение относят к 1050-1060-м годам. О существовании храма ранее 1037 г. свидетельствует Хроника Титмара, но сведения есть и в Повести Временных лет. П.А.Раппопорт (1982: 11-13), подводя итоги дискуссии по строительной истории храма, отмечал: “Неясность сведений письменных источников о времени

Рис.1. Граффито № 75 из Софийского собора в Киеве (по С.А.Высоцкому).

постройки Софийского собора привела к сложению двух различных точек зрения...: некоторые исследователи считают, что собор был заложен в 1017 г. и закончен в 1031-1032 или 1037 г.;

другие полагают, что он был заложен в 1037 г., а закончен в 40-х годах XI в. Долго существовало представление, что наружные галереи и башни пристроены к зданию позже, видимо в конце XI в. В настоящее время доказано, что все здание возведено единовременно, без существенных перерывов в строительстве". Сам П. А. Раппопорт связывал начало строительства собора с 1037 г. (Раппопорт 1982: 13; 1993: 33-38). Этой же точки зрения придерживался В.Н.Лазарев (1973: 22).

Г.Н.Логвин (1977: 170-186), напротив, достаточно обстоятельно аргументировал раннюю дату начала строительства Софийского собора – 1017 г. Ко времени более раннему, чем 1037 г., относит возведение собора и С.А.Высоцкий (1966; 1976), опирающийся на сведения надписей-граффити № 1, 2 и 99 на стенах храма (правда, предложенное Высоцким прочтение этих граффити принято не всеми специалистами); исследователь полагает, что закладка храма состоялась в 1017 г., а сами строительные работы начались в 1024 или 1026 г. (Высоцкий 1976: 251).

Как представляется, косвенным аргументом в пользу версии о строительстве Софийского собора в Киеве ранее 1037 г. является граффито № 75, изображающее княжеский знак в форме трезубца, обращенного зубцами вниз (рис. 1). Анализ особенностей тамги (рис. 2) дает основание связывать ее с князем Брячиславом Изяславичем, внуком Владимира Святого, занявшим княжеский стол Полоцка после смерти своего отца, Изяслава Владимировича

Рис.2. Генсологическая схема княжеских знаков на Руси XI в.

(+ 1001) и скончавшимся в 1044 г.

Знак обнаружен “во Владимирском приделе на одном из столбов южной стены, которая до последующих перестроек была внешней северной стеной собора. Рисунок нацарапан в нижней части фрески” (Высоцкий 1966: 110). Предполагая, что знак был нанесен на фреску при жизни князя (или, во всяком случае, вскоре после его смерти), следует признать, что фресковое убранство северной галереи со-

бора к 1044 г. уже существовало. Если же принять версию В.Н.Лазарева, согласно которой живописное убранство галерей создавалось несколько позднее, чем живописное убранство центрального нефа, трансепта, хоров и боковых кораблей (Лазарев 1973: 22), то окажется, что к 1044 г. фрески Софийского собора могли существовать только в том случае, если храм был возведен ранее 1037 г. Если же считать 1037 г. годом закладки собора, мы неизбежно должны признать то, что живописное убранство храма вряд ли могло быть завершено ранее вт. пол. 1140-х годов.

Высоцкий С.А. 1966. Древнерусские надписи Софии Киевской XI-XIV вв. Киев.

Высоцкий С.А. 1976. Средневековые надписи Софии Киевской. (По материалам граффити XI-XVII вв.). Киев.

Лазарев В.Н. 1973. Древнерусские мозаики и фрески XI-XV вв. М.

Логвин Г.Н. 1977. К истории сооружения Софийского собора в Киеве // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1977. М.

Раппопорт П.А. 1982. Русская архитектура X-XIII вв. Каталог памятников / САИ, вып.Е, I-47. Л.

Раппопорт П.А. 1993. Древнерусская архитектура. СПб

ХРАМ В ЛОО

На протяжении X–XVIII вв. история православия на Северном Кавказе представляет собой книгу с вырванными листами. То в материалах Ватиканского архива, то на страницах русских летописей промелькнет тот или иной князь, епископ или священник и все – без малейшей связи. Поражает одно – как в такой ситуации приверженцы христианства сумели сохранить свою веру, нашедшую отражение в некогда выстроенных культовых сооружениях. Именно их развалины напоминают сегодня о прошлом христианства в землях Северного Кавказа и о мастерстве средневековых зодчих.

К числу памятников церковной архитектуры Северного Кавказа относится культовый комплекс на вершине холма в 2 км от берега Черного моря близ пос. Лоо (Лазаревский р-н, г.Сочи). Памятник был открыт и впервые описан во 2-м пол. XIX в., неоднократно упоминается в литературе (Н.В.Анфимов, Ю.Н.Воронов). С 1987 г. он стал объектом раскопок экспедиции Уральского государственного университета.

Храм в Лоо представляет собой трехнефное, трехапсидное, вероятно – купольное (фрагменты купола не сохранились) сооружение. План постройки, наличие облицовки внешней стороны стен, имитирующей блоки, позволяет фиксировать влияние провинциальной архитектурной традиции Византии и относить памятник к храмам типа “вписанный крест”, поскольку в центре его симметрично расположены четыре свободно стоящих столба – опоры купола. Для провинциальной крестово-купольной архитектуры, как известно, характерен в основном “простой” вариант креста. У храма в Лоо средняя апсида несколько удлинена при помощи короткой бемы и соединена с боковыми апсидами проемами. Столбы не являются самостоятельными частями архитектурной конструкции, и высота их, скорее всего, совпадает с высотой алтарной преграды, которая располагалась по хорде центральной апсиды. Размеры храма: длина 21 м, ширина 12,25 м, толщина стен 1,1 м. Внутреннее пространство максимально слито в единое целое: нартекса как такового не существует, поскольку западная

часть помещения отделена от основной не стеной, а парой столбов. Центральный неф от боковых отделен колонадой с пилястрами, выступающими из массива стен храма; они входили в конструкцию свода. Отмечу, что одной из особенностей храма в Лоо является расчлененность фасадов южной, северной и западной стен такими пилястрами, которые порой переходят в арочные полукружия. Подобная трактовка фасадов, не свойственна другим памятникам Западного Кавказа, однако она широко распространена в других регионах христианского мира с XI–XII вв. Обращает на себя внимание пятигранная центральная апсида в сочетании с полукруглыми боковыми: такое сочетание в культовых постройках представлено многочисленными примерами в восточных областях Византийской империи, в Крыму, на Кавказе, на Руси.

Техника кладки стен, применявшаяся при строительстве храма в Лоо, в средневековье была распространена достаточно широко: гладко тесаные камни, тщательно сложенные в качестве облицовки, составляли только внешний панцирь стен, внутренний же состоял из тонких плит, уложенных торцом к поверхности стен. Подобную технику, вероятно, следует отнести к местным традициям, хотя она и не встречается в других памятниках Черноморского побережья, оба панциря стен у которых сложены тесаными блоками. Для освещения сооружения использовались узкие оконные проемы с арочным обрамлением, с включением пористого камня (туф) и облицовочных блоков в кладке. С внешней стороны храма у южного и западного входов сохранились остатки строительных конструкций, примыкавших к зданию.

Археологический материал, полученный при раскопках храма, отличается фрагментарностью и недостаточной выразительностью: обломки черепицы, пифосов и амфор, большинство которых использовалось как строительный материал в забутовке стен. Отмечу, что храм в Лоо неоднократно подвергался перестройкам и достройкам: об этом свидетельствуют строительные и архитектурные конструкции, выявленные при раскопках храма. Сравнивая храм в Лоо с культовыми постройками эпохи средневековья в Херсонесе, Грузии, провинциальной Византии можно определить относительную дату его строительства – не ранее XI в., а, скорее, в пределах перв. пол. XII в. Аналогичную датировку позволяет установить и проведенный В.А.Галибиным анализ стекла, обнаруженного при раскопках храма – X–XII вв.

О ДАТИРОВКЕ ПРИДЕЛА СВ. ПАНТЕЛЕЙМОНА ВЛАДИМИРСКОГО УСПЕНСКОГО СОБОРА

Вплоть до 1864 г. в юго-западном углу всеволодовых галерей Успенского собора г. Владимира существовал кирпичный придел Св. Пантелеймона. Придел был образован путем закладки арок галерей с северной стороны, выкладки восточной и северо-западной стен и свода на уровне хор. Вход в придел находился в юго-западном портале.

Впервые Пантелеймоновский придел упоминается в летописях под 1305 г. в связи с погребением в нем митрополита Максима. В 1774 г. при освящении соборного храма после его возобновления еп. Иеронимом придел Св. Пантелеймона был обращен в храм Св. кн. Георгия Всеволодича. Видимо, в нач. XIX в. было устроено отопление, и он стал выполнять роль теплого храма. В 1858 г. с северной стороны Успенского собора был возведен новый теплый храм Св. Георгия; в связи с этим надобность в кирпичном приделе отпала. Еп. Феофан, усмотрев, "что внутри соборного храма малый теплый Георгиевских храм, как устроенный из кирпича в белокаменном здании, не составляет первоначального построения, распорядился уничтожить этот, стеснявший собор, храм" (Виноградов 1891: 74, 88). В 1859 г. храм был зафиксирован Ф.Солнцевым на его обмерном плане Успенского собора, хранящемся в Рукописном архиве ИИМК РАН.

Н.Н.Воронин датировал придел Св. Пантелеймона кон. XIII – нач. XIV вв. и предполагал, что он был построен по инициативе митрополита Максима (Воронин 1962: 132). Исследователь не исключал, что придел мог выполнять функции крещальни, которая располагалась, обычно, в юго-западном углу храма (Воронин 1961: 356). Основанием для датировки послужило, прежде всего, отсутствие упоминаний о приделе ранее 1305 г.

Полагаю, что существующая датировка Пантелеймоновского придела может быть пересмотрена. В северо-восточной Руси со вт. четв. XIII и вплоть до сер. XV в. не было кирпичных построек, в то время как источники однозначно указывают на возведение придела из кирпича. Вероятность того, что придел был построен мастерами, пришедшими из юго-западной или северо-за-

падной Руси (из районов активного кирпичного строительства в это время) невелика: объем работ по возведению придела был слишком невелик для того, чтобы приглашать издалека строительную артель; кроме того, в источниках отсутствуют сведения о тесных контактах Максима с названными строительными центрами, строительная деятельность самого митрополита также не зафиксирована.

Существуют следующие варианты датировки Пантелеймоновского придела:

1. Кирпичный придел мог быть возведен в ходе ремонта собора в 1770-е гг., а упомянутый в летописях придел был возведен из дерева или был белокаменным; против этой версии говорит хорошая документированность всех ремонтных работ XVIII в. в Успенском соборе и отсутствие в источниках сведений о перестройке придела;

2. Придел мог быть построен в перв. пол. XIII в., если он изначально был кирпичным (под кирпичом А.Виноградов мог подразумевать и плинфу).

К концу XIII в., т.е. – ко времени погребения в Пантелеймоновском приделе митр. Максима, здесь уже захоронили владимирских епископов – Митрофана (+1237), Симона (+1227), Луку и Федора (+1189 и 1287), Серапиона (+1275). Иными словами, к моменту переезда во Владимир митр. Максима (1299) придел Св. Пантелеймона уже существовал: он выполнял функции не крещальни, а усыпальницы владык. Кстати, гробница митр. Максима, погребение которого в Пантелеймоновском храме зафиксировано летописью, в XIX в. находилась за его пределами – у юго-западного столба Успенского собора.

В 1239 г. в Успенском соборе был погребен в. кн. Георгий Всеволодич. Летописи не называют конкретно место захоронения, однако вплоть до 1645 г. тело князя покоилось в приделе Св. Пантелеймона (отсюда останки князя были перенесены в собор). На раке князя, сделанный в честь этого события, указано, что в 1239 г. тело Георгия Всеволодича “положиша ... в соборной церкви Пресвятыя Богородицы в приделе южном” (Доброхотов 1849: 18). Эта надпись косвенно свидетельствует о том, что придел Св. Пантелеймона был возведен ранее кон. XIII в.

Напомню, что в северо-восточной Руси кирпичное строительство активно велось в перв. пол. XIII в. (Успенский сбор Княги-

нина мон., Спасский и Успенский соборы и ц. Входа в Иерусалим в Ярославле, ц. Бориса и Глеба в Ростове и др.). Вероятно, именно в контексте этого строительства и следует рассматривать возведение придела Св. Пантелеймона во Владимирском Успенском соборе. Не исключено, что уже с 1227 г. (погребение еп. Симона) придел начал выполнять функции епископской гробницы. Впрочем, полностью исключать возможность того, что первоначальный придел перв. пол. XIII в. был в XVIII в. перестроен пока также не приходится.

Виноградов А. 1891. История кафедрального Успенского собора в губернском городе Владимире. Владимир.

Ворошии Н.Н. 1961. Зодчество северо-восточной Руси XII–XV вв. Т. 1, М.

Ворошии Н.Н. 1962. Зодчество северо-восточной Руси XII–XV вв. Т. 2, М.

Доброхотов В. 1849. Памятники древности во Владимире Кляземском. М.

А.М.Салимов (Тверь)

КАМЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА РУСИ В КОНЦЕ XIII В. И ТВЕРСКОЙ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ СОБОР

В 1986 г. архитектурно-археологическая экспедиция Эрмитажа (рук. О.М.Иоаннисян) начала исследование ц. Св. Бориса и Глеба 1287 г. в Ростове. К 1992 г. храм был практически полностью раскопан. В отдельных местах постройка сохранилась на высоту до пят сводов. Данные, полученные в результате этих работ, значительно расширили наши представления об архитектуре Руси кон. XIII в. Ростовский храм оказался сложен в технике бутовой кладки из грубо обработанных камней и булыжников (О.М.Иоаннисян). Принимая во внимание хронологические соответствия и теснейшие связи Твери с Литвой, Иоаннисян предположил, что ц.Бориса и Глеба “могла быть построена теми же мастерами, что и Спасский собор в Твери” 1285–1290 гг. Учитывая особенности техники кладки ростовского храма Иоаннисян предложил рассматривать в качестве источника данной строительной традиции Псков или Литву (Иоаннисян 1994: 80-82). Неизвестно, насколько доминировала литовская строительная традиция при возведении Спасского собора в Твери, но если правомерна версия об уходе группы мастеров в 1287 г. из Твери в Ростов (Салимов

1990), то, ориентируясь на гипотезу О.М.Иоаннисяна, допустимо предположить, что часть собранной в Твери в 1285 г. артели составляли прибалтийские зодчие.

Обнаруженный в Ростове памятник заставил вновь вернуться к Успенскому собору Отроча монастыря; предварительно датированному вт. пол. XIII – XV вв. (Булкин, Иоаннисян, Салимов 1989). Соотнося тверскую постройку с реконструкцией ростовского храма, следует выделить подчеркнутый лаконизм лицевых поверхностей обоих зданий. Лишенные вертикальных членений фасады могут в данном случае служить как датирующим, так и стилизованным признаком. Подобная стилистическая особенность – “тяга к монументализму и обобщению форм” (Э.С.Смирнова) служит в кон. XIII – нач. XIV вв. основополагающим критерием не только для архитектуры: исследователи подчеркивают доминирование этой тенденции в живописи и в пластике (Гращенко 1994). Не исключено, что и архитектура тверского Спасского собора была достаточно лапидарной.

Отсутствием внешних фасадных членений северо-восточные храмы могли оказать влияние на отдельные постройки северо-западной Руси. Так, ц.Успения на Волотовом поле (1352) и Михайловский храм на Сковородке (1355) под Новгородом отличал лаконизм фасадных плоскостей. По мнению Вл.В.Седова, не имеет внешних лопаток и ц.Михаила Архангела на Михайловой улице (1300) в Новгороде (Седов 1993).

Ранее, принимая во внимание дату, сообщенную в “Повести о тверском Отроче монастыре”, рубеж 60–70-х гг. XIII в. рассматривался как вероятная датировка создания каменного монастырского собора в Твери. Однако, в связи с отнесением памятника ко времени, предшествовавшему строительству в камне главного храма города (1285–1290), появляется желание разрешить возникшее противоречие путем “сдвижки” монастырской постройки в 1290-е гг. или, возможно, в кон. 1280-х гг., когда возведение Спасского собора уже близилось к завершению, и зодчие могли начать работы еще на одном или даже на нескольких храмах не только в Твери, но и в других городах. К числу таких храмов могут быть отнесены Борисоглебская церковь в Ростове и Успенский собор Отроча монастыря. Общее в этих постройках не только отсутствие внешних лопаток, но и четырехстолпный план и выраженная во вне одноапсидность. И все-таки, несмотря на некото-

рую “мятость” форм монастырского собора в Твери, это качество тверского храма не может идти в сравнение с кладкой ростовской церкви.

Различные технические особенности, отчетливо проявившиеся в Ростове и Твери, обусловлены, вероятно, участием в этих строительных мероприятиях мастеров – носителей различных строительных традиций. Объединила ли их воля одного зодчего на строительстве Спасо-Преображенского собора в Твери, или же рост строительной инициативы в верхних слоях общества в кон. XIII в. вызвал приток новых мастеров, остается не ясно.

С Борисоглебской церковью в Ростове в типологическом отношении наиболее тесно оказывается связан Михайловский храм 1300 г. в Новгороде. Их сближает удлиненный по оси восток-запад четырехстолпный план и вытянутые в этом же направлении подкупольные опоры. Практически тождественное соотношение длины и ширины основного объема в обоих памятниках также может быть использовано в качестве аргумента в пользу рядоположенности храмов. Обе церкви одноапсидны. Однако вынос алтарного полукружия у новгородской постройки превышает подобный параметр у ц.Бориса и Глеба; ее алтарь выстроен, по видимому, с учетом более ранней постройки (1214). Домонгольское зодчество кон. XII – перв. тр. XIII вв. (в первую очередь – смоленское) располагает целым рядом построек с подобной алтарной частью, поэтому правомерно предположить, что в Ростове в 1287 г. с известной долей схематизма была повторена первоначальная (1214) форма алтаря. Если мысленно ликвидировать у ростовского храма утопленные в толще стены жертвенник и дьяконник, сдвинув при этом восточные плечики к западу, то вынос апсиды увеличится, из интерьера исчезнут межапсидные стенки и можно будет говорить об аналогичности плановых форм новгородского и ростовского храмов. Не исключено, что храм в Новгороде – это следующий шаг в эволюционном ряду, более ранний этап которого отмечен Борисоглебским храмом Ростова.

На фоне отмеченного сходства диссонансом являются подкупольные опоры. Их мощь в ростовском памятнике делает внутреннее пространство последнего излишне дробным и чрезмерно затесненным. В Новгороде при той же внутренней ширине сужение столбов привело к созданию более свободного центрального пространства, хотя и в том, и в другом случаях боковые нефы до-

статочно узкие (в обоих памятниках они близки по ширине). Ростовский храм отличается от новгородского большим смещением подкупольного квадрата к западу, что, кстати, делает допустимым предположение о пониженном положении боковых апсид по отношению не только к трехлопастному (Иоаннисян, Зыков, Торшин, Леонтьев 1994) основному объему, но и к центральной апсиде. В качестве домонгольских аналогий в данном случае можно привлечь памятники смоленского зодчества. Отказ от боковых апсид в ц. Архангела Михаила на Михайловой улице можно рассматривать как нежелание Новгорода включать в свой арсенал отдельные домонгольские рудименты и ориентироваться на уже сложившийся к тому времени местный тип (ц. Рождества в Перыни, 1230–1240-е; ц. Николы на Липне, 1292).

Наглядное выражение процесс отказа от боковых апсид получил в Успенском соборе Отроча монастыря. Будучи заложенным трехапсидным (возможно, с ориентацией на уже заверченный храм Спаса), этот храм оказался выстроенным с одной апсидой. Если обратить внимание на значительный вынос алтарной части и широкую расстановку столбов монастырского собора в Твери, то эти данные вполне сопоставимы с подобными же особенностями Михайловской церкви в Новгороде. Следовательно, Борисоглебский собор в Ростове (1287), Успенский собор в Твери (кон. XIII в.) и ц. Михаила Архангела в Новгороде (нач. XIV в.) вполне могут быть компонентами одного, достаточно короткого по времени эволюционного ряда. Не исключено именно срединное положение тверской постройки в этом ряду. Отчасти такую версию подтверждает близость плановой структуры тверского собора и ц. Николы на Липне под Новгородом.

Булкин Вал.А., Иоаннисян О.М., Салимов А.М. 1989. Успенский собор Тверского Отроча монастыря по археологическим данным (предварительные итоги) // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин.

Гращенков А.В. 1994. Резные пояса белокаменных храмов Ивана Калиты // Памятники русской архитектуры и монументальной живописи. Столица и провинция. М.

Иоаннисян О.М., Зыков П.Л., Торшин Е.Н., Леонтьев А.Е. 1994. Новые исследования памятников древнерусского зодчества XIII в. в Ростове Великом // Искусство Руси, Византии и Балкан XIII в. СПб.

Иоаннисян О.М. 1994. О возобновлении монументального строительства на Руси после монгольского нашествия (строительство в Пскове, Твери и Ростове во

второй половине 13 в.) // Древний Псков. Исследования средневекового города. СПб.

Салимов А.М. 1990. К вопросу о строительстве в Твери, Ростове и Новгороде последней четверти XIII в. // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Горький.

Седов Вл.В. 1994. Черты архитектуры северо-западной Руси в ц.Рождества Богородицы в Городце // Новгородские древности. Архив архитектуры, вып. 4. М.

Е.В.Соленикова (Санкт-Петербург)

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЗАКЛАДНЫХ КРЕСТОВ В НОВГОРОДСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ

Исследователи новгородской архитектуры многократно отмечали, что характерной ее особенностью являются закладные кресты. По счастливой случайности можно датировать появление этого декоративного элемента с точностью до года. Древнейший из известных закладных крестов в Новгороде находится на ц.Федора Стратилата 1360 г. Осмелюсь утверждать, что это либо первый, либо второй храм Новгорода, имевший закладные кресты. Такой вывод следует из ситуации, зафиксированной в храмовом строительстве Новгорода 1350-х гг.

В 1352–1359 гг. на Софийской кафедре Новгорода находился архиепископ Моисей. Из сохранившихся хотя бы частично храмовых построек с именем этого владыки связаны три: ц.Успения на Волотове, ц.Знамения на Ильине и ц.Михаила Архангела на Сквородке. Все три постройки очень близки друг другу и характеризуются общими чертами: одноапсидность, трехлопастное покрытие (реконструкция), очень сдержанное внешнее оформление (отсутствуют даже угловые лопатки). Весьма вероятно, что все три храма были сооружены по заказу архиепископа одним и тем же мастером (Салимов 1990: 115).

В 1359 г. на кафедру восходит архиепископ Алексий (НЛ 6867). Храмы, возведенные в этом году (два, один из которых возведен еще Моисеем), не сохранились, но уже с 1360 г. в новгородской архитектуре устанавливается новый стиль, отличающийся, в частности, особо богатым декоративным оформлением, к числу элементов которого относятся и закладные кресты (Раппопорт 1993: 136). Можно полагать, что одновременно со сменой архиепископа

(а, возможно, именно вследствие этого) произошла смена руководства в новгородской архитектуре: мастер архиепископа Моисея отошел “в тень” (на частные заказы?), а на первый план выдвинулся архитектор (“мастер архиепископа Алексия”), одним из первых произведений которого стала ц.Федора Стратилата на Ручью.

Таким образом, появление в архитектуре Новгорода закладных крестов я склонна относить ко времени около 1360 г. И так как ц.Федора Стратилата оказывается первым памятником, в декоре которого присутствует этот новый для Новгорода элемент убранства, стоит внимательнее отнестись и к другим элементам, составляющим декор храма. От новгородской архитектуры предшествующего времени мастер архиепископа Алексия взял многие эффектные детали, ранее вместе не встречавшиеся: угловые и средние лопатки, трехлопастное покрытие, многолопастную ползучую арку (первоначально приспособленную к щипцовому покрытию, см. ц.Никола Белого), арочный пояс на барабане (ранее – ц.Никола в Изборске). В ц.Федора Стратилата впервые в новгородской архитектуре появляются детали явно западноевропейского происхождения – оформление апсиды и стрельчатые перспективные порталы (Раппопорт 1993: 136).

По своему происхождению и положению в экстерьере храмов закладные кресты вряд ли являются сугубо местными элементами, связанными с новгородской архитектурной традицией: такая деталь оформления храмов появляется в готовом виде и как бы из ничего. Весьма вероятным представляется заимствованный характер этого элемента. В Византии и Балканских странах ничего подобного нет, так что, возможно, этот элемент декора появился в Новгороде из Западной Европы вместе с декором апсиды. В Германии, в частности, закладные кресты в храмах известны по крайней мере с XIII в. (Quietzsch 1980: 42).

Факт заимствования закладных крестов именно с Запада подтверждается также следующим. Во-первых, крест XIV в. в ц.Федора Стратилата по форме близок германским крестам: на нижней ветви он имеет расширение (Quietzsch 1980: 96). Во-вторых, он расположен на апсиде храма, что также является западной традицией.

Н1Л – Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего извода. М.–Л., 1950.

Раппопорт П.А. 1993. Древнерусская архитектура. СПб.

Салимов А.М. 1990. К проблеме архитектурного взаимодействия Новгорода и Твери в XIV в. // Города Верхней Руси: истоки и становление. Торонто.

Quietzsch H. 1980. Steinkreuze und Kreuzsteine in Sachsen // III Inventar Bezirk Leipzig VEB Deutscher Verlags der Wissenschaften. Berlin.

А.М.Лебедев, С.В.Степанов, С.Е.Шуныгина (Псков)

АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ У Ц.ПЕТРА И ПАВЛА С БУЯ В ПСКОВЕ

Храм Петра и Павла с Буя находится в центре Пскова на левом берегу р.Пскова близ пересечения ул. К.Маркса и Воровского. Он впервые упоминается в письменных источниках под 1299 г. в контексте рассказа о победе кн. Довмонта-Тимофея над немцами под Псковом. В 1373 г. церковь переносится на новое место, но, по-видимому, на незначительное расстояние. В 1374/75 г. западнее храма в непосредственной близости от него сооружается новая линия крепостных сооружений Пскова. В 1540 г. ц.Петра и Павла с Буя перестраивается, а на протяжении XVIII –XIX вв. производится ряд ремонтов храма, не изменивших основные объемы четверика.

В 1991, 1993 и 1995 гг. производились археологические исследования храма и примыкающей к нему территории. В 1991 г. было заложено 16 шурфов; в результате этих работ получены данные, подтвердившие время строительства храма, исследованы конструктивные особенности памятника, выявлено не менее четырех перестроек и ремонтов постройки. К 1995 г. исследовано в общей сложности ок. 200 м² культурного слоя при мощности от 1 до 5,6 м. Изучались также остатки крепостной стены 1374/75 г., возведенной над обрывом поймы р.Пскова.

Крепостная стена подходит к ц.Петра и Павла с северо-запада, примыкает к ее притвору и далее направляется к востоку от храма, огибая его с севера. Толщина стены 1,9 м, со стороны берега она усилена плохо сохранившимся прикладом 1404 г. Фундамент стены опущен в материковый суглинок на глубину до 1,7 м. Максимальная высота открытых конструкций составляет 2,9 м. Ширина пространства между храмом и фортификацией у северо-восточного угла церкви 1,1 м, а напротив середины фасада четве-

рика – 1,8 м. Перед западным фасадом церкви стену прорезают Петропавловские ворота, выходящие к берегу Псковы. Ширина проезда по валунному основанию около 2,5 м. Выявлены следы неоднократных перестроек стены; наиболее сохранившейся является обкладка стены и ворот XVI–XVII вв. (прослежены притолока и нижний пятник).

Перед воротами со стороны города отмечено значительное понижение рельефа. Через ворота с окрестных улиц в реку стекала дождевая и талая воды, что привело к размыванию проезда и обрушению южной стенки ворот; промоина, дно которой оказалось ниже основания ворот на 1,2 м, была при восстановлении проезда заполнена глиной со щебнем.

Северо-западнее ворот к крепостной стене примыкает кладка неизвестной постройки, предварительно датированной XIV–XV вв. (толщина кладки 0,8 м, сохранившаяся высота – до 3,2 м, заглублена в материк на 1,5 м).

Исследования здания храма показали, что фундамент четверика с апсидами заложен на 4,5 м ниже современной дневной поверхности. Стены толщиной около 1,8 м в основании расширяются – наружу на 0,7 м, внутрь на 0,2 м. Кладка выполнена из крупных блоков известняковой плиты на известковом растворе, состав которого меняется с высотой кладки. Выявлены нижние части стен и фундаменты не сохранившейся первоначальной части притвора, примыкавшей к южному фасаду четверика (толщина стен 0,9–1,2 м, фундамент заглублен до 2,6 м от современной поверхности). В створе с восточным фасадом четверика притвор оканчивался палаткой. Южная стена притвора, очевидно, не сохранилась, так как по ней проходит трасса современных коммуникаций.

Под северной стеной паперти кон. XVIII в. открыта кладка более ранней паперти храма, пристроенной к притвору. Наклон кладки в сторону от церкви свидетельствует, что основание ее размывалось точно так же, как размывался проезд Петропавловских ворот.

В интерьере храма раскопками обнаружены пороги и основания переделанных в позднейшее время дверных проемов, три уровня пола, нижний из которых (первоначальный), плитняной, сохранился фрагментарно на глубине 1,0 м от ныне существующего мозаичного пола постройки. Вскрыты основания престолов трех периодов; от самого раннего престола над полом сохрани-

лось каменное основание (0,45x0,6 м), являвшееся заполнением престола, рубленого из толстого деревянного бруса. Судя по отсутствию перепада высот солея в храме выявлена не была.

Исследования ц.Петра и Павла с Буя и окружающего храм пространства необходимо продолжить.

Ю.Б.Бирюков (Псков)

ЦЕРКОВЬ НИКОЛЫ СО ВЗВОЗА В ПСКОВЕ

Монастырская ц. Николы со Взвоза, согласно сведениям Псковских летописей, была поставлена в камне в 1404 г. Местоположение монастыря в пределах Пскова было определено еще Н.Ф.Окулич-Казариным (1915: вклейка) и специально анализировалось в монографии И.К.Лабутиной (1985: 174). На плане Пскова 1740 г. храм обозначен сохранившимся, но уже на плане 1857 г. он значится руинированным. В настоящее время развалины храма погребены под земляной насыпью к западу от ц. Георгия со Взвоза. В апреле 1995 г. во время земляных работ эта насыпь была частично срыта. Траншея повредила восточную часть монастырского храма – апсиду с остатками по сторонам от нее северной и южной частей восточной стены постройки.

Северный угол сооружения. Здесь прослежено кругление апсиды. Лицевая кладка сложена из мощных (0,2x0,5 м) блоков известняковой плиты с включением мелких редких валунов на кремовом известково-песчаном растворе. Северо-восточный угол храма не найден. На отметке -1,15 из под кладки апсиды выступает фундаментное основание, состоящее из рядов колотой тонкой плиты, пролитых раствором, аналогичным стеновому. Фундамент опускается ниже отметки -3,0; его подошва не обнаружена. От апсиды на восток фундамент имеет более чем трехметровый выступ, восточный край которого поврежден траншеей.

Южный угол сооружения. В подбое найдена лицевая плоскость восточной стены храма, от которой под углом, слегка круглясь, отходит северный участок лицевой кладки апсиды. На расстоянии 1,2 м от угла стыка она обрывается, но по ее линии, то есть – под углом к восточной стене храма, по прямой продолжается южная плоскость фундаментного выступа. К апсиде у места

стыка примыкает культурный слой, в котором найдены фрагменты керамики XV–XVII вв., в том числе – обломок поливного муравленого сосуда. Юго-восточный угол храма поврежден более поздней каменной оградой.

Характер оформления восточного фасада храма (одна широкая апсида) может свидетельствовать о новгородском происхождении постройки. В 1404 г. в Пскове работала явно не одна строительная артель: в это же время возводится Стефановская церковь в Мирожском монастыре. Позднее – вплоть до 1413 г. – летописи вообще не упоминают о строительстве в городе. Храмы Пскова нач. XV в. изучены пока недостаточно, так что продолжение исследования ц. Николы со Взвоза было бы весьма желательно.

Окулич-Казарин Н.Ф. 1915. Новые данные по топографии и истории Пскова // Труды ПАО, т.11, Псков.

Лабутина И.К. 1985. Историческая топография Пскова в XIV-XV вв. М.

Е.В.Соленикова (Санкт-Петербург)

НИКОЛЬСКИЙ СОБОР В ИЗБОРСКЕ

В черте пос. Старый Изборск (Печорский р-н, Псковская обл.) находится несколько памятников средневекового культового зодчества: ц.Николы на Городище, Рождества Богородицы, Сергия и Никандра. На территории Изборской крепости находится Никольский собор, привлекающая к себе особое внимание исследователей.

Первым обратил внимание на храм Н.И.Брунов (1929: 99), датировавший постройку XIV в. и считавший храм “типично новгородским зданием”. Еще годом раньше К.К.Романов отметил в дневнике, что Никольский собор, видимо, возведен в 1330 г. одновременно с крепостью (Романов 1928: 30 об.). Е.Н. Морозкина так же отнесла храм к XIV в., а формы памятника считала основой, на которой сформировались принципы оформления псковских церквей. Своды храма, как отмечала исследовательница, являются первым примером ступенчатых конструкций, увеличивавших жесткость сводов (Морозкина 1967: 6; 1975: 91). В.В. Косточкин подробно остановился на архитектуре собора и датировал его вт. четв. XIV в. Ступенчатость сводов храма исследователь

объяснял оборонными нуждами. Косточкин отметил наличие коробовых сводов в угловых частях здания, высказал предположение о восьмискатном покрытии храма и подчеркнул сходство Никольского собора Изборска с новгородскими храмами (Косточкин 1971: 67–70).

В паспорте на храм, составленном в кон. 1970-х – нач. 1980-х гг. Б.С. и Е.И.Скобельцыными, отмечено, что современное четырехскатное покрытие храм получил в XVIII–XIX вв., однако у церкви сохранилась древняя полусферическая глава. Авторы паспорта отметили, что системы сводов, подобных сводам Никольского собора Изборска в Псковской земле более не зафиксированы. Многолопастная арка, напротив, позднее стала, по мнению Скобельцыных, типичным псковским элементом культового зодчества, но впервые она появилась еще в ц.Никола Белого в Новгороде (Скобельцин, Скобельцына: 2, вкл.).

Подробнее формы Никольского собора Изборска анализируются в работах Вл.В.Седова и А.И.Комеча. Первый из них дает полное описание собора и относит памятник к новгородской школе. Рассматривая проблему датировки храма, Вл.В. Седов предлагает в качестве наиболее вероятного времени возведения постройки интервал между 1341 и 1349 гг. Исследователь находит ряд параллелей формам Никольского собора, причем ближайшие усматривает в ц.Никола Белого в Новгороде. В целом, Вл.В.Седов убежден, что “анализ форм Никольского собора в Изборске показывает этот памятник как пример неустоявшейся схемы, храм занимает промежуточное положение в ряду новгородских храмов сер. XIV в.” (Седов 1992: 53–58).

А.И.Комеч также приводит подробное описание архитектуры Никольского собора, однако для датировки храма предлагает хронологический интервал между 1330 и 1342 гг.

Никольский собор – квадратный в плане храм (12,2x12,2 м, подкупольное пространство – 3,4x3,4 м) с одной главой и одной апсидой. Предполагать наличие первоначального притвора нет оснований. В интерьере привлекают внимание четыре массивных квадратных столба и сложная композиция подпружных арок, находящаяся параллели в новгородской архитектуре (ц.Благовещения на Городище). Снаружи, если не учитывать четырехскатное покрытие и поздние окна, храм сохранил свое первоначальное оформление. Перекрытые некогда щипцами фасады разделены лопат-

ками, стянутыми многолопастной аркой. Апсида лишена всяких украшений, а барабан “завершается двумя аркатурными поясками, верхний из которых превращается в пояс арочных ниш” (Комеч 1993: 96); подобные пояски будут очень широко распространены в новгородской архитектуре начиная со вт. пол. XIV в., а в Никольском соборе Изборска мы видим чуть ли не первый пример появления такого пояска. “Таким образом, декор барабана Никольского собора дает представление о становлении декоративных средств убранства новгородских храмов” (Седов 1992: 58): это оценили и Вл.В.Седов, и А.И.Комеч. Но оба исследователя не отметили важной особенности аркатурных поясков: на барабанах новгородских храмов перв. пол. XIV в. арочные пояски – повторение известного домонгольского мотива. И только пояски барабана Никольского собора в Изборске восходят к пояскам висячих арочек ц.Николаы на Липне, которые точно копируют западные аналоги: по сравнению с домонгольскими новгородскими поясками у данных поясков шаг короче, они не являются поясами полуциркульных арочек.

С реконструкцией первоначальных форм Никольского собора, предложенной Вл.В.Седовым и Д.А.Петровым, в целом можно согласиться, за исключением одной существенной детали: на реконструкции, вынесенной на обложку книги Вл.В.Седова, на северном фасаде вход в храм показан в центральном прясле, однако в настоящее время вход находится в западном прясле, причем можно полагать, что он там был изначально – вход оформлен кладкой XIV в. заподлицо с лопатками. Подобный прием в новгородской архитектуре перв. пол. XIV в. известен дважды (ц.Николаы Белого, ц.Благовещения на Городище); в обоих случаях кладкой заподлицо оформлено прясло с порталом.

Основным вопросом в дискуссии, развернувшейся вокруг Никольского собора в Изборске, является, в настоящее время проблема датировки храма. Исследователи согласны в том, что храм был сооружен в пределах вт. четв. XIV в., но расходятся в определении узкого хронологического интервала, на который приходится строительство собора. Между тем, есть, как кажется, основание датировать время сооружения постройки достаточно точно. Ранее строительства каменной крепости на Жеравьей горе храм, очевидно, не мог быть возведен. Общепринятая датировка строительства крепости – 1330 г. Однако в самое недавнее время

С.В.Белецкий показал, что летописная дата строительства крепости – 1329 г. (Белецкий 1995: 102). Это дает нам нижнюю дату вероятного хронологического интервала. Верхняя дата интервала – 1341 г. – определена А.И.Комечем: позднее этого года (по Комечу – 1342 г., но исследователь не учитывал ультра-мартовского стиля летосчисления в летописной статье) храм в камне не мог быть возведен (Комеч 1993: 86). И так, как храм был возведен новгородскими строителями, наиболее существенными при датировке оказываются наблюдения над деятельностью мастеров в самом Новгороде.

Судя по сведениям новгородских летописей, в Новгороде в перв. пол. XIV в. была только одна строительная артель: на протяжении всего периода (примерно до 1345 г.) фиксируется строительство всего одного храма в год (редко два), так что данных для утверждения наличия в Новгороде второй артели, как будто бы, нет. Нет оснований считать, что каменные храмы и фортификации Новгорода строились разными мастерами. Учитывая сказанное отметим, что в 1331 г. в Новгороде были заложены стены Детинца (Н1Л 6839; время завершения работ не фиксировано); в 1335–1337 гг. ставятся ц.Воскресения на Деревяницах и ц.Входа в Иерусалим (Н4Л 6843–6845); в 1338 г. в Новгороде строится новый мост (Н1Л 6846); в 1339–1341 гг. ведется строительства ц.Михаила Архангела в Пскове, возведенной, как показал Вл.В. Седов, новгородской строительной артелью (Седов 1992: 55). Таким образом, за весь рассмотренный период у новгородской артели было всего два “свободных интервала” – 1329–1330 и 1332–1334 гг., причем второй из них (или, во всяком случае, часть этого интервала) наверняка был занят работами в самом Новгороде. Первый же интервал оказывается максимально приближен ко времени строительства самой Изборской крепости. Все сказанное позволяет мне считать наиболее предпочтительной для Никольского собора в Изборске датировку в пределах 1329–1330 гг.

Белецкий С.В. 1995. О летописной дате строительства Изборской крепости // Фортификация в древности и средневековье. СПб.

Брунов Н.И. 1929. К вопросу о раннемосковском зодчестве // Труды СА РАНИОН, вып. IV, М.

Комеч А.И. 1993. Каменная летопись Пскова XII – начала XVI вв. М.

Косточкин В.В. 1971. Тройой легендарного Трувора. М.

Морозкина Е.И. 1967. Зодчество Пскова как наследие. // Автореф. дисс.

... канд. архитектуры. М.

Морозкина Е.И. 1975. Псковская земля. М.

Н1Л – Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов. М.–Л., 1950.

Н4Л – Новгородская Четвертая летопись // ПСРЛ, т.IV, вып. 1–2, М., 1915–1925.

Романов К.К. 1928. Дневник 1928 г. // РА ИИМК РАН, ф.29, д.172.

Скобельцин Б.С., Скобельцина Е.И. Паспорт собора Николая в Изборске // Архив ППГОП, инв. №16: III.4 (4.3) – 1.41.15.

Ссдов Вл.В. 1992. Псковская архитектура XIV–XV вв. Происхождение и становление традиции. М.

Л.Е.Грушина (Псков)

ЦЕРКОВЬ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО В ИЗБОРСКЕ

У стен Изборской крепости находится небольшой каменный храм Сергия Радонежского. Это – бесстолпная одноапсидная церковь с приделом. С западной стороны к ней пристроен притвор с крыльцом и двухпролетной звонницей. Дата постройки церкви неизвестна.

Почитание московских святых в Пскове началось после присоединения Пскова к Московскому государству: в 1518 г. храм с посвящением Сергию Радонежскому возведен в Опочке (ПЗЛ: 226); в Пскове в период между 1581 и 1593 гг. строится монастырский храм Сергия с Залужья. Деревянная ц.Сергия Радонежского в Изборске также строится в XVI в., причем – не позднее середины столетия. Впервые в городской описи этот храм упомянут уже под 1584 г. (Псков и его пригороды 1914: 412). Деревянная церковь отмечена и в более позднее время – под 1698 (Псков и его пригороды 1914: 421) и 1701 гг. (Болховитинов 1825: 50–51).

Деревянный храм просуществовал, по-видимому, до сер.XVIII в. Сведения о каменной ц.Сергия относятся ко вт.пол. XVIII в. (Василев 1882: 120). При этом называются разные даты строительства каменного храма – 1755, 1765, 1795 гг. Верной из этих дат можно признать первую: об этом свидетельствует сохранившийся комплекс документов: просьба Псковской духовной консистории о разрешении на освящение нового каменного храма Сергия Радонежского, построенного вместо обветшавшего деревянно-

го (4 июля 1755 г.), протокол заседания по делу о рассмотрении этой просьбы (26 июля 1755 г.), решение о разрешении освящения храма (4 августа 1755 г., отправлено 8 августа того же года) и, наконец, ответ из Псковской консистории (1 сентября 1755 г.) о получении 28 августа 1755 г. приказа и его исполнении (РГИА, ф.796, оп. 36, 1755 г., № 282).

Точная дата сноса деревянного храма и начало строительства каменного храма не ясны. Очевидно, речь может идти о периоде между 1701 и 1755 гг.; вероятнее всего строительство нового здания должно быть отнесено к середине XVIII в., поскольку для возведения небольшой постройки вряд ли требовалось много времени. Есть основания говорить о двух строительных этапах в создании храма. Первоначально была возведена только квадратная в плане часть церкви (Красовский 1905: 505). Подтверждением этому является наличие двух дверей с бревнами-задвижками между приделом и основным храмом, имевших самостоятельное назначение. Данных о том, каким был перерыв между возведением основного и придельного храмов, нет, но вряд ли этот перерыв был большим. Весьма вероятно, что идея придела возникла сразу же по окончании строительства четверика, поскольку в донесениях 1755 г. придел уже упоминается. Звонница храма, отнесенная И.Э.Грабарем (1909: 8) к XV в., является точной копией с древней звонницы, находившейся на башне Колокольной в Изборской крепости. В 1797 г. ансамбль Сергиевской церкви завершается строительством каменной ограды (об этом свидетельствует надпись на вкладной плите в воротах).

Ц.Сергия до 1831 г. имела свой приход и священника с дьячком. В 1831 г. она была приписана к Никольскому собору, а богослужение стал проводить соборный священник. Храм был действующим до начала 1960-х годов. В 1965 г. здание было передано музею.

Болховитинов Е. 1825. Летопись древнего словено-русского княжеского города Изборска. СПб.

Василев И.И. 1882. Опыт статистико-географического словаря Псковского уезда Псковской губернии. Псков.

Грабарь И.Э. 1909. История русского искусства. Вып.1, М.

Псков и его пригороды. 1914. // Сборник Московского архива министерства юстиции, т.6, М.

ПЗЛ – Псковская Третья летопись // ПЛ, вып.2, М., 1955.

Е.А.Яковлева (Псков)

БЕЛОКАМЕННЫЙ САРКОФАГ ИЗ РАСКОПОК В СНЕТОГОРСКОМ МОНАСТЫРЕ ПОД ПСКОВОМ

В 1992 г. в рамках комплексной программы исследования и реконструкции Снетогорского монастыря на его территории продолжались архитектурно-археологические исследования. Было заложено 4 раскопа и 5 шурфов у различных построек монастыря (рис.1). В раскопе 2, примыкавшем к южной стене четверика собора Рождества Богородицы, было обнаружено погребение в белокаменном саркофаге. Захоронение совершено в пространстве бокового входа в четверик храма, почти вплотную примыкало к фундаментным валунам собора (гл.1,15 м от современной дневной поверхности).

Саркофаг (рис.2) представляет собой каменный ящик с округлым оплечьем и вертикальными стенками. Он вытесан из монолитного камня и перекрыт двучастной крышкой, вытесанной из того же материала. Размеры (в м): длина – 2,25, ширина в изголовье (“по плечам”) – 0,75, ширина в ногах – 0,33. Ровный поперечный шов делит крышку на две неравные части, длина большей – 1,73. В меньшей плите (у шва) оббит угол. Плита была незначительно смещена по отношению к ящику. Высота саркофага с крышкой 0,5. Глубина ящика от 0,26 (в изголовье) до 0,3. Высота “подушки” 0,04-0,05. Край стесан. Толщина стенок крышки и ящика одинакова – 0,08-0,12 (в ногах), толщина дна 0,12, крышки 0,05. Наружные поверхности обработаны тщательнее внутренних, отшлифованы (без глянца). На внутренних поверхностях видны следы тески. Внутренний край стенок крышки и ящика подтесан. Никаких надписей и следов декорирования на крышке нет.

В саркофаге находились останки пожилого мужчины. Кости скелета с характерными посмертными изменениями лежали в анатомическом порядке (костные останки из саркофага не извлекались, саркофаг не перемещался; после завершения обследования погребение было приведено к первоначальному состоянию, засы-

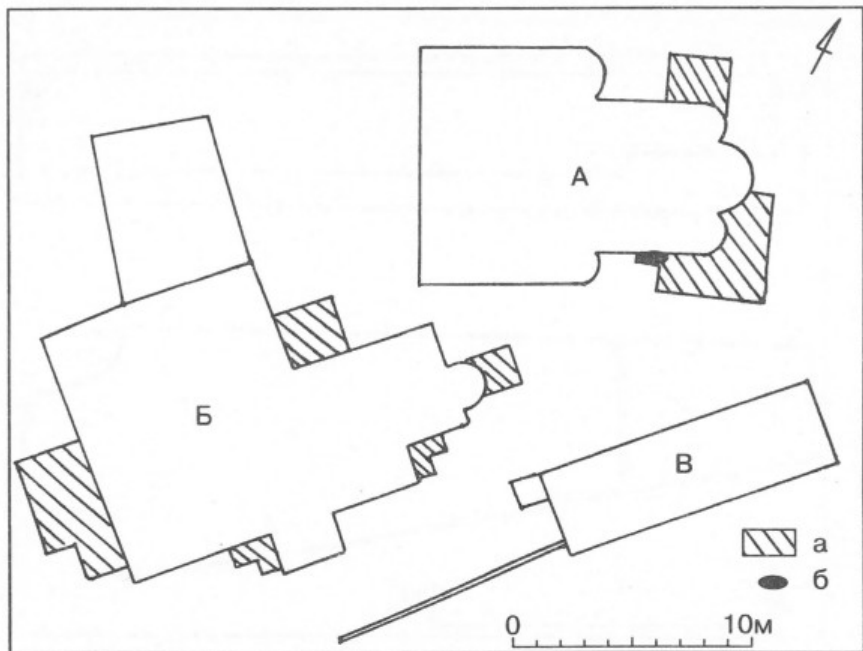

Рис.1. Архитектурно-археологические исследования на территории Снетогорского монастыря. *а* - раскопы; *б* - местоположение погребения в каменном саркофаге

пано и отпето). Кости грудной клетки и таза погребенного перекрыты остатками ткани с разноцветным шитьем, выполненным нитями красного и желтого оттенков. Вероятно, это остатки аналава – атрибута монаха или великосхимника. Композиция вышивки представляет собой два 8-конечных креста, расположенных друг над другом; между крестами размещена прямоугольная рамка с плохо сохранившимся геометрическим орнаментом. Нижний, меньший крест – “голгофский”.

На черепе прослежен тлен от неопределимого головного убора. На костях стоп – остатки кожаной обуви. По мнению Е.С. Зубковой, покойный был обут в специально сшитую погребальную обувь, о чем свидетельствуют: наличие декоративного тиснения по контуру верхнего обреза, отсутствие на верхнем обрезе

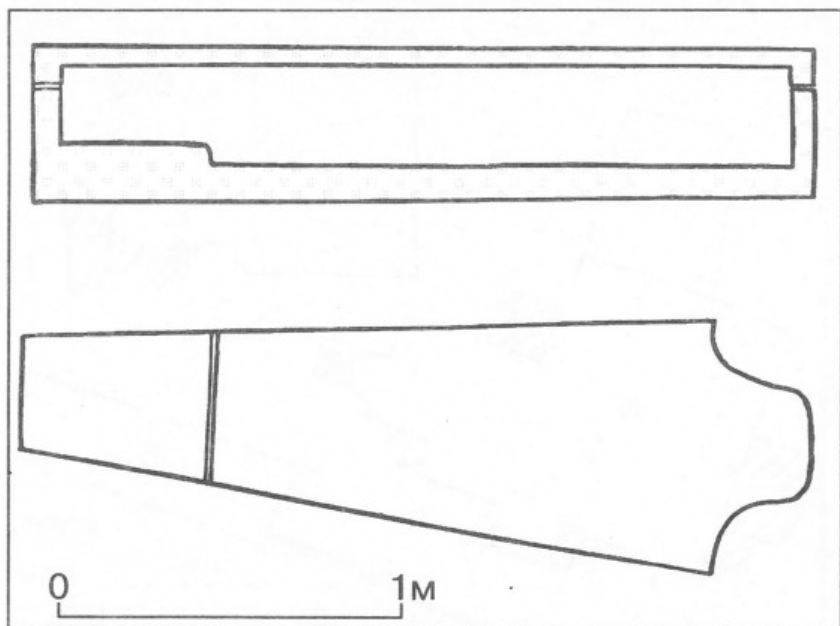

Рис.2. Саркофаг из раскопок Снетогорского монастыря

проколов для крепления голенищ, отсутствие железных деталей (гвоздиков, скобок), как того требовал обряд. Обувь была двухчастной, верхняя часть крепилась к подошве выворотным швом. Подобная погребальная обувь появляется на Руси в XVI-XVII вв. На берцовой кости левой ноги чуть, выше голеностопа, завязан кожаный ремешок, крепивший, вероятно, туфлю за пятку к ноге.

Снетогорский каменный гроб относится к типу антропоидных. Такой тип саркофага был заимствован из Владимиро-Суздальских земель, где он известен с кон. XII в. (Панова 1989: 232). Т. Д. Панова, исследующая погребальные комплексы Московского Кремля, отмечает, что особенностью усыпальниц, где встречены подобные саркофаги, является их престижный характер: все они служили для погребения членов великокняжеской (затем царской) фамилии. В XVII в. каменные гробы такой формы стали использоваться не только в царских усыпальницах (Панова 1989: 233). Среди кремлевских саркофагов существует почти полный аналог

псковскому: он находится в Вознесенском соборе в усыпальнице великих и удельных князей, содержит прах Анастасии Романовой, первой жены Ивана IV, скончавшейся в 1560 г. Московский гроб несколько меньше по длине, перекрыт каменной крышкой большего размера, чем ящик. Но основные пропорции, форма оголовья, наличие каменной “подушки” идентичны псковскому саркофагу (любезная консультация Т.Д. Пановой).

Белокаменный саркофаг из Снетогорского монастыря пока остается единственной находкой такого рода в Пскове. Отметим, что место захоронения – нетрадиционно. Подобные погребения обычно совершались внутри храма. Открытое же раскопками 1992 г. захоронение располагалось на проходе, то есть – в месте, постоянно попираемом ногами входящих в храм. Это характерно для погребений монахов. В то же время, захоронение совершено за пределами монастырского кладбища, размещавшегося у апсид храма.

Погребение датируется, вероятнее всего, вт.пол. XVI в. Можно думать, что в этом саркофаге нашел свое последнее упокоение достаточно влиятельный человек, возможно – представитель великокняжеской фамилии, принявший перед кончиной схиму. Работа над установлением личности погребенного, уточнением времени и обстоятельств захоронения пока не завершена. Поиски осложнены тем, что во время пожара 1710 г. сгорела почти вся монастырская канцелярия. После упразднения монастыря (1804) штат его был приписан к Спас-Елеазаровскому монастырю. Фактически, от интересующего нас времени архивные материалы Снетогорского монастыря не сохранились.

Панова Т.Д. 1989. Погребальные комплексы на территории Московского Кремля // СА, № 1.

О.В.Козюренко (Санкт-Петербург)

СКУДЕЛЬНИЦЫ В ПСКОВЕ В XV–XVI ВВ.

Псковские летописи XV–XVI вв. отмечают две разновидности городских кладбищ. Одна из них – “могилье”: кладбища при церкви, существовавшие во многих районах города (Лабутина 1985:

113). Другой тип кладбищ именуется “скудельница” (“скудельница”). Это – общая могила (Срезневский 1958: 397–398), упоминающаяся в летописи, главным образом, в контексте рассказа об эпидемиях и голоде. Д.К.Зеленин (1995: 95–97), рассматривая сведения источников о новгородских скудельницах XIII в., считал, что это были могилы для неимущих. И.К.Лабутина, анализируя летописные известия о псковских скудельницах, полагает, что их “старались устраивать на окраинах... на посаде или за ним” (Лабутина 1985: 126). Действительно, во время мора 1465/66 г. “во всех концах на посаде скудельницы ископаша, и полагаху мертвья” (П1Л: 72). Упоминания концов (единиц административно-территориального деления города) может, на мой взгляд, свидетельствовать не только о совместных действиях жителей (Лабутина 1985: 126), но и о том, что решение о создании братских могил было принято псковскими властями централизованно, для упорядочения захоронения покойников в условиях, когда мест на кладбищах для жертв эпидемии уже не хватало. Вероятно, скудельниц было шесть – по числу городских концов в Пскове во вт.пол.XV в., и располагались они на Полонище, Завеличье и Запсковье.

В XVI в. летопись упоминает лишь одно место расположение скудельницы – на Завеличье, где в 1537 г. была поставлена деревянная, перестроенная в 1546 в камне ц.Жен Мироносиц (П1Л: 108, 112; ПЗЛ: 229–230). В возведенном “на скудельницах” храме “службу всedневную учиниша и попов, и диакона, да общее житие составиша, да и яму у дьяков (в ПЗЛ – “у владыки, у Макария”, см. ПЗЛ: 230) взяли на церковь, где убогия кладуть, священником на службу” (П1Л: 112). Очевидно, что в перв.пол.XVI в. скудельницы несколько изменили свое назначение и функционировали теперь не только во время эпидемии, но и в обычных условиях, исполняя функции места погребения неимущих. Вероятно, именно этим объясняется необходимость возведения “на скудельницах” храма. Сведений об аналогичных местах захоронения для неимущих в других частях города источники, как будто бы, не содержат; не исключено, что скудельница на Завеличье стала в это время общегородской.

Как будто бы подтверждает сказанное сообщение немецкого путешественника С.Кихеля, посетившего Псков в 1586 г. (Кирпичников 1994, ч.1: 6). Однако представляется не вполне точным

мнение А. Н. Кирпичникова, полагающего, что в скудельницу складывали от нескольких до нескольких тысяч тел. И летопись, и Кихель свидетельствуют, что в братской могиле погребалось не менее тысячи, а в эпидемию до нескольких тысяч покойников (ПЗЛ: 223; Кирпичников 1994, ч.2: 6). Именно этим данный тип погребального сооружения отличается от группового захоронения “во едину яму”, практиковавшееся в дни эпидемий на обычных городских кладбищах. Во всяком случае, летопись различает эти два вида захоронений (П1Л: 72; П2Л: 39; ПЗЛ: 162): в “ямах” покойников хоронили в гробах, а само погребение совершалось при храме, в скудельницу же тело помещалось только в саване, причем захоронение совершалось не в церковной земле. Думается, поэтому, что исследованное в 1985–1986 гг. на Петровском-II раскопе коллективное захоронение 111 погребенных в гробах и колодах, поставленных в несколько ярусов друг на друга вряд ли можно считать скудельницей (Седов и др. 1987: 104), тем более, что исследователи справедливо соотносят раскрытый фрагмент кладбища с находившейся неподалеку ц.Иоанна Милостивого (Закурина 1986: 78-79).

Отсутствие до XV в. в псковских летописях самого термина “скудельница” свидетельствует о том, что до “черной смерти” сер.XIV в. псковичи не испытывали надобности в подобного рода сооружениях. Вряд ли можно считать первым упоминанием “скудельниц” летописное известие 1351/52 г. (Лабутина 1985: 126), поскольку тогда вне переполненных кладбищ “на целых местах воскопавше погребяху”, судя по всему, по несколько тел в ямах. В последующие десятилетия, когда эпидемии происходили достаточно регулярно, псковичи освоили более быстрый и рациональный метод захоронения во рвах сразу большого количества тел, и появился соответствующий термин. Очевидно, что рвы-скудельницы были, условно говоря, общегородской заботой, и почти наверняка находились под контролем городской администрации, были, так сказать, “государственным делом”. В 1422 г. в рвах-скудельницах явно централизованно погребли собранные по городу тела умерших от голода беженцев (П2Л: 39). В 1465/66 г. скудельницы сооружались силами горожан. Можно думать, что и позднее, когда функции скудельниц изменились, и они превратились в места захоронения неимущих, забота об их сооружении и поддержании лежала на плечах администрации. Не случайно летописи всегда называют конкретное число захороненных в ску-

дельницах, в то время, как о захоронениях на обычных прицерковных кладбищах такие сведения отсутствуют: очевидно велся учет лиц, погребенных “на казенный счет”.

Сказанное позволяет считать, что устройство скудельниц в Пскове является примером усилий городских властей по благоустройству города и наведения порядка по крайней мере в кладбищенском деле. Впрочем, став в XVI в. местом последнего упокоения неимущих, скудельницы прочно вошли в быт горожан всего Московского царства; появился даже особый день почитания братских могил: “на седмой неделе по Велице дни в Четверг, как во Пскове ходят на скуделницы” (ПЗЛ: 241).

Закурина Т.Ю. 1986. Раскоп Петровский-2 // АИП, вып.6, Псков.

Зеленин Д.К. 1995. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие естественной смертью и русалки. М.

Кирпичников А.Н. 1994. Сообщение немецкого путешественника Самуэля Кихеля о Пскове XVI в. Публикация источника и исследование. Ч.1-2 // Вестник СПбГУ, с.2, в.2-3.

Лабутина И.К. 1985. Историческая топография Пскова XIV-XV вв. М.

П1Л – Псковская Первая летопись // ПЛ, вып. 1, М.-Л., 1941.

П2Л – Псковская Вторая летопись // ПЛ, вып. 2, М., 1955.

ПЗЛ – Псковская Третья летопись // ПЛ, вып. 2, М., 1955.

Седов В.В. и др. 1987. Археологические раскопки в Пскове // АИП. вып. 7, Псков.

Срезневский И.И. 1958. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т.3, М.

А.А.Селин (Санкт-Петербург)

ПРЕДАНИЯ О СЕЛЬСКИХ ХРАМАХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ XVI В.

XVI столетие – время активного храмового строительства на северо-западе России. Если на рубеже XV–XVI вв. в Водской и Деревской пятинах (территории, для которых почти полностью сохранились данные переписи 1495–1505 гг.) известно ок. 120 церквей, то ко вт. пол. XVI в. здесь насчитывается уже ок. 255 сельских храмов – огромное, избыточное количество (ср. Знаменский 1866: 25–26). Но уже в писцовых книгах 1582–1584 гг. большинство вновь возведенных церквей оказываются разрушенными – сказываются последствия опричного разорения и Ливонс-

кой войны. События Смутного времени нанесли окончательный удар по сложившейся системе приходской структуры: новые церкви, возникавшие в перв. пол. XVII – XVIII вв., далеко не всегда строились в тех местах, где существовали храмы до Смутного времени. Это, вероятно, связано с изменением географии поместных владений, к центрам которых церкви были зачастую приурочены (как в XVI в., так и позднее).

Таким образом, значительная часть сельских храмов после Смутного времени исчезает. В предметной сфере это означает постепенную археологизацию их остатков. По моим подсчетам, к кон. XVI в. в Новгородской земле насчитывалось всего ок. 1000 сельских церквей.

События Ливонской войны, oprичнины, Смутное время и интервенция, благодаря своим масштабам, оставили заметный след в устной народной традиции северо-запада России. Воспоминания об этом времени составили своего рода событийную канву многих устойчивых фольклорных текстов (в первую очередь – так наз. “исторических преданий”). Исследователи указывают на сравнительно небольшую художественную ценность подобного рода текстов (Пропп 1976: 119), что вполне естественно – основным объектом исследования для фольклористов является мотив, где “определяющая роль принадлежит действию или сознанию” (Криничная 1987: 19; 1991: 11). Однако при рассмотрении в этих преданиях не “определяющего”, а “определяемого”, т.е. – объекта действий, становится очевидной закономерность – объект всегда приурочен к конкретной точке пространства.

Многочисленные предания о провалившихся церквях, зафиксированные на Северо-Западе, в подавляющем большинстве случаев (хотя – не всегда) соотносятся с конкретными историческими реалиями – событиями кон. XVI – нач. XVII вв. Не решаясь дать фольклористическую оценку текстам, я хотел бы предложить на обсуждение возможный вариант интерпретации появления преданий о провалившихся церквях в тех пунктах, где этих храмов совершенно точно не было. Формирование сельского населения на Северо-Западе после Смутного времени шло, в значительной степени, за счет миграции крестьян из более плотно заселенных районов в районы полностью заброшенные. На новых местах обитания у иммигрантов складывается определенный комплекс топографических представлений и преданий. При этом, в ряде случаев

реальное воспоминание о “провалившейся церкви” могло переноситься на другой, “непонятный” объект, оставленный прежним населением.

В 1498 г. в Которском пог. Шелонской пятины мы встречаем 5 церквей – одна погостская и четыре в селах. Описание 1582 г. фиксирует уже 9 церквей и три новых пункта с храмами (с. Захонье, Модолицы, Ондрежица). По описанию 1626–1629 гг. все эти храмы лежат в развалинах; позднее (в XVIII в.) восстанавливается только Модолицкая церковь (ср.: Селин 1994). Ондрежиц локализовать пока не удалось, а Захонье соотносится с совр. д. Малое Захонье (Плюсский р-н, Псковская обл.). На трехверстной военно-топографической карте Европейской России (съемка 1919 г.) последняя обозначалась как “Захонье-Турова” (кстати, Тур – прозвище помещика, владевшего этим селением в конце XV в.). В этой деревне было записано следующее предание: “Говорили, церковь была... Там, где первый дом от Плюсы, направо. Церква, было кладбище. Куда она делась – не говорили. Когда карьер рыли – доставали кости, в лаптях и с косами, ведь раньше волосы не стригли, так ходили” (*запись автора 21.08.1993 г. от А.И. Долиной, 1914 г.р., местной уроженки*). На указанном информатором месте находится возвышенность (высота до 1,5 м, площадь ок. 20x30 м), вполне соотносимая с действительно существовавшей здесь церковью. Подобные совпадения предметных и фольклорных реалий зафиксированы мною при локализации Троицкого Зверинского и Спасского Чащинского монастырей. Полагаю, дальнейшее изучение исторических преданий в их соотнесении с конкретными реалиями может дать еще много подобных сюжетов. В первую очередь важна проработка неопубликованных источников кон. XVI в.

Знаменский П. 1866. Приходское духовенство на Руси // Православное обозрение, т. 21, М.

Крипичная Н.А. 1987. Русская народная историческая проза: вопросы генезиса и структуры. Л.

Крипичная Н.А. 1991. Предания русского Севера. СПб.

Пронн В.Я. 1976. Фольклор и действительность. Избранное. М.

Селин А.А. 1994. Которский погост Шелонской пятины: сюжет средневековой сельской истории // АИП, №14, Псков.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ МЕСТНЫХ ТРАДИЦИЙ ПОЧИТАНИЯ СВЯТЫХ В ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛЕ

Анализируя местоположения приходских храмов в погостах Псковской земли, а также храмы пригородов и монастырей, являвшиеся приходскими для населения близлежащих губ., бросается в глаза тот факт, что храмы, посвященные одному святому, имеют тенденцию к топографической концентрации. 25 Никольских храмов образуют три "массива" – Изборский (7), Островско-Вышегородский (10) и Восточный (8); остальные известные храмы этого посвящения (15) более или менее равномерно распространены по территории Псковской земли. Для этих храмов в целом характерна удаленность от Пскова, тяготение к относительно труднодоступным местам, а также тяготение губ. с Никольскими церквями к пригородам.

Храмы с посвящением Богородице (29) образуют единый и хорошо локализованный массив в центральной и южной частях Псковщины: 16 храмов Покрова Богородицы, 6 Успенских ц., 5 ц.Рождества Богородицы и одна ц.Введения. За пределами массива находится всего один Покровский храм. Храмы Рождества, Преображения, Воскресения Господня и собственно Спасские (всего 19) составляют массив в пределах распространения Богородицких храмов, локализуясь в северной и центральной части.

Ильинские церкви концентрируются в пределах Псковского уезда и явно тяготеют к самому Пскову (10); за пределами этой зоны находятся 4 храма – в пригородах Вороначе и Вреве, а также в Ильинском погосте Велейского уезда и в Ильинской губе Опочского уезда. Георгиевские храмы (14) расположены не так компактно, как Ильинские, однако основной их массив также приходится на районы, тяготеющие к Пскову. Михайловские храмы (6) расположены в центральной и восточной частях Псковской земли. Козмодемьянские храмы (5) локализуемой группы не образуют. Три Петропавловских храма размещены вдоль побережья Чудского озера в Гдовском уезде. Две Борисоглебские церкви находятся в географической близости друг от друга – в Вышегородке и Борисоглебске. Две Дмитриевские церкви расположены в Моложане и Гдове.

В некоторых случаях топографическую и географическую приуроченность храмов можно попытаться объяснить хозяйственно-экономическими причинами: Петропавловские храмы связаны с почитанием “святого рыбака” Петра, Козмодемьянские храмы соотносятся с ремесленными и рудными районами. Ильинские и Георгиевские храмы маркируют стратегические сухопутные и речные пути: цепь погостов на псковско-изборской дороге, отмеченная Б.Н.Харлашовым; Ильинская церковь в Выбутах, контролирующая брод; Ильинские храмы в бассейне р.Череха и в бассейне среднего течения Псковы на псковско-гдовской дороге и проч. Для этих храмов характерна приближенность к Пскову или наличие с ним связи. Проникновение и доминирование культов Св. Ильи и Св. Георгия в округе Пскова приходится на X – перв. пол. XIII в., причем выявляемый Ильинско-Георгиевский массив храмов совпадает с зоной Ольгинской топонимики (по А.А.Александрову). Вероятно, можно говорить о том, что этот массив формировался в зоне сильного влияния центральной власти в момент первоначальной христианизации территории Псковщины. При этом не исключено, что распространение широкого почитания Св. Георгия соотносимо со временем активизации прибалтийской политики Ярослава-Георгия Владимировича (Мудрого).

Во II. пол. XIII – XIV вв. увеличивается общее число погостов и, вероятно, приходов Псковской земли, возникает большинство пригородов Пскова, происходит переустройство старейших пригородов (перенос на новые места детинцев Изборска и Воронача). После этого, в XV–XVI вв. на Псковщине широко распространяются храмы с посвящением Спасу, Богородице, Св. Николаю, то есть – фиксируется т.н. “излюбленные”, “собственно русские” культы. При этом, появление Никольских церквей в отдаленных и труднодоступных районах Псковщины, возможно, объясняется подмеченной Б.А.Успенским “компромиссностью” почитания “Николы-угодника” и соотносимостью этого культа с языческими представлениями.

КРУГЛЫЙ СТОЛ “ИССЛЕДОВАНИЯ И МУЗЕЕФИКАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ И МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ ПСКОВСКОГО КРЕМЛЯ”

В.Д.Белецкий (Санкт-Петербург)

ПСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ (КРОМ, ДОВМОНТОВ ГОРОД)

Псковский Кремль находится в центре современного города Пскова. Это – наиболее изученная раскопками часть средневековой псковской крепости (рис. 1): археологические исследования здесь начались в 1930 г. и продолжались (с перерывами) до 1992 г. (Белецкий В., Белецкий С. 1994: 4–8).

Предварительные итоги раскопок в Псковском Кремле подводились неоднократно (Белецкий В. 1980: 6–7; 1984: 18–19; 1986; 1987: 31–35; 1989: 188–205; 1991; 1994: 9–15; Белецкий С. 1980а: 3–18; 1980б: 8–10; 1983: 46–80). Обобщение полученных в результате многолетних раскопок данных было предпринято в 1990 г. по инициативе гендирекции “Псковреконструкция” (Псков) и института “Союзреставрация” (ныне – ЦНРПИМ, Москва) в связи с разработкой опорного плана для музеефикации Псковского Кремля (см. доклад Е.В.Скрынниковой в наст. сборнике). Полученная в результате этого обобщения историко-археологическая периодизация Пскова уже суммарно излагалась в литературе (Белецкий В., Белецкий С. 1991; Белецкий С. 1993а: 78–97; 1994: 43–49), и повторять ее нет необходимости. Отмечу лишь, что раскопками 1990–1992 гг. были получены новые данные, позволившие уточнить и конкретизировать схему.

Начало Пскова. Благодаря радиоуглеродному и дендрохронологическому анализу образцов дерева и угля из нижних слоев Псковского Кремля (Белецкий В., Белецкий С. 1993: 7–9; 1995:

6–8) начальные звенья предлагавшейся ранее периодизации получают в настоящее время следующий вид (табл.1).

Таким образом, раскопками 1991–1992 гг. было получено подтверждение и гипотезы об основании города при впадении Псковы в Великую в 862 г. (Белецкий С. 1990: 8–14), и версия соотношения этого города с “Изборском варяжской легенды” (Белецкий С. 1993б: 112–114; Лебедев 1994: 141–145; ср.: Шрамм 1994: 145–150). находка в слое рубежа X–XI вв. креста-тельника с рельефным изображением Распятия (Мусин 1994: 154–163) подтвердила высказывавшееся ранее предположение (Белецкий С. 1988: 8–10) о том, что христианизация Псковщины началась раньше, чем произошло крещение Пскова; сам акт крещения города, очевидно, материализовался слоем пожара, в котором погибло раннегородское образование “Псков-Г” (Белецкий С. 1990: 8-14).

Таблица 1

Период *	Хронология	Культурная принадлежность
Псков А	Сер. – тр. четв. I тыс. до Р. Х.	Асвенская культура
Псков А-I	Вт. четв. I тыс. по Р. Х. (гибнет в пожаре 342–428 гг.)	Культура каменных могильников юго-восточной Эстонии
Псков Б	Сер. – тр. четв. I тыс. по Р. Х.	Культура длинных курганов
Псков В	Посл. четв. I тыс. по Р. Х. (гибнет в пожаре после 860 г.)	Рыгуская культура юго-восточной Эстонии
Псков Г	Кон. IX – перв. пол. XI в. (дендродаты из слоя: 938 и 944/945 гг.; гибнет в пожаре ранее 1044 г.)	Раннегородское образование с заметным варяжским присутствием

* Обозначения периодов по С.В.Белцкому (1980).

Новые данные о фортификациях Крома. Один из дискуссионных вопросов в изучении исторической топографии Пскова – вопрос о времени появления Персей (южная крепостная стена Крома). Согласно гипотезе М.Х.Алешковского (1972: 326) Перси впервые появляются в 1337 г. И.К.Лабутина (1985: 50,81) вслед

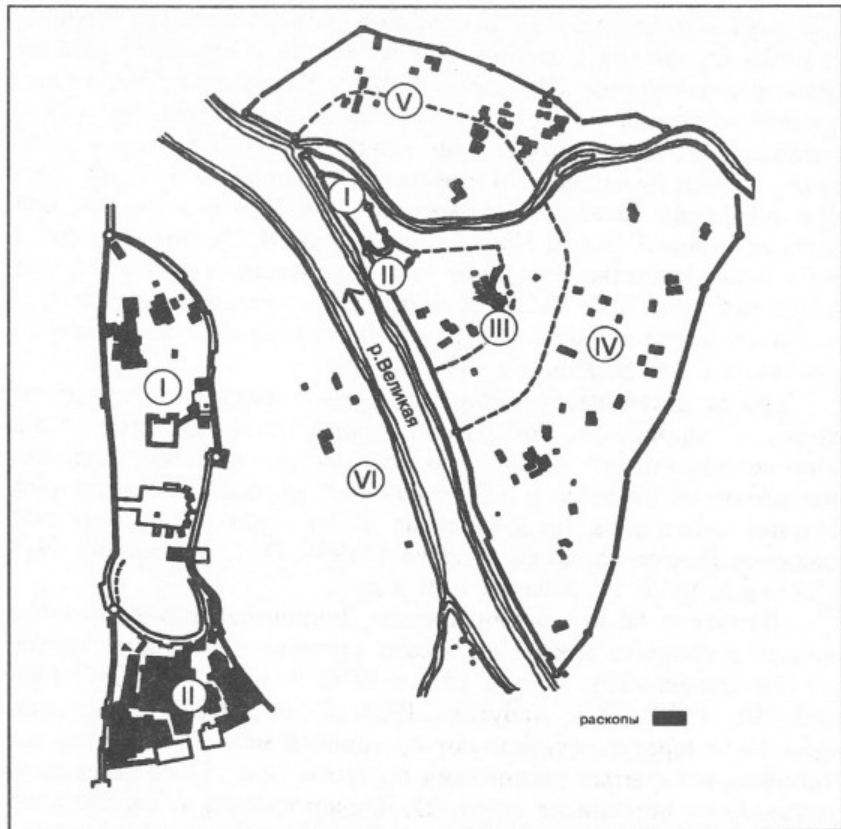

Рис. 1. Схема Псковской крепости с обозначением мест раскопок: I – Кром; II – Довмонтов город; III – Средний город; IV – Полонище; V – Запсковье; VI – Завельчье.

за В.В.Косточкиным (1962: 29) полагает, что в 1337 г. Перси не строились, а только перестраивались, и само возведение южной стены Крома за пределами площадки Псковского городища (составляет северную часть Крома – до Троицкого собора включительно) относится к более раннему времени. Г.Я.Мокеев (1971а; 1971б; 1972) относит строительство Персей к X в.

Исследования воротного проезда в юго-восточном углу Крома, проведенные в 1990 г., показали, что первоначальная фортифика-

ция здесь возведена в XIV в. и может быть с известной гипотетичностью соотнесена с летописным известием о строительной деятельности посадника Шелогина в 1337 г. Разумеется, это не дает прямого ответа на вопрос о времени появления Персей: мы только убедились в том, что позднейшие кладки XV–XIX вв. как в чехол взяли кладки более раннего времени. Но данных о наличии здесь фортификации более раннего времени, чем XIV в. пока нет. Возведение угловой башни Крома над Великими (Темными) воротами и переустройство воротного узла датировано в результате раскопок рубежом XIV–XV вв. и соотнесено с летописным известием о строительстве в 1400 г. костра на Радчине востоке (Белецкий В., Белецкий С., Скрынникова 1995: 98–101).

Храмы Довмонтова города. Храмы, возведенные в разное время на территории Довмонтова города, стали объектом внимания исследователей задолго до их археологического изучения: предметом обсуждения в XIX – нач. XX вв. были сведения письменных источников, планы Пскова XVIII – нач. XIX вв. и изображения Пскова на иконах (Василев 1898; Окулич-Казарин 1913: прилож. 2; 1915: 11; Ушаков 1901 и др.).

Дискуссия об атрибуции храмов Довмонтова города возобновилась в процессе археологического изучения территории крепости (Гроздилов 1964; Мокеев 1971а; 1976; Белецкий В. 1980; 1983: 163–191; 1986; 1987; Лабутина 1985; Седов 1992). В настоящее время в литературе существуют по крайней мере пять версий соотнесения раскрытых раскопками построек (рис. 2) со сведениями письменных источников (табл. 2), причем каждая из версий имеет сильные и слабые стороны.

Для атрибуции храмов наиболее существенной является археологически зафиксированная строительная история каждого из них, в том числе – относительная хронология исследованных построек и их частей, установленная по стратиграфии кладок и соотношению открытых в культурном слое строительных линз. Центром дискуссии остается атрибуция построек №8, 8а, 9 и 10, большинство же остальных спорных атрибуций – вторичны по отношению к атрибуции храмов на восточной границе Довмонтова города.

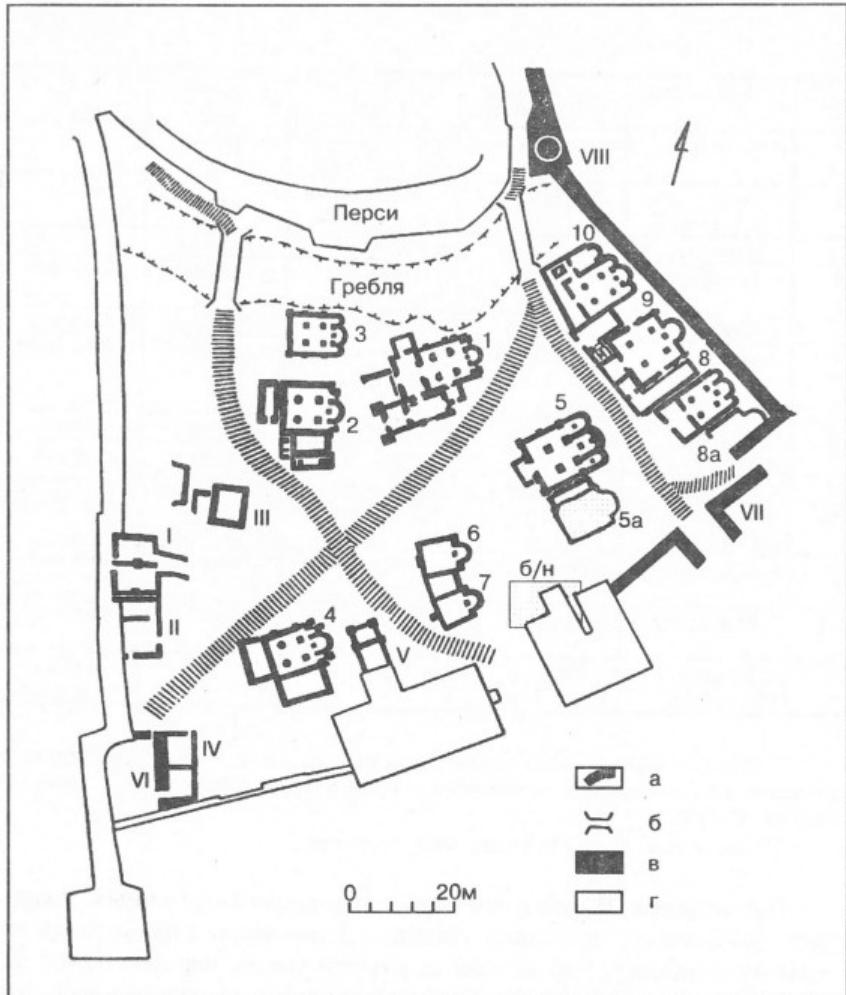

Рис. 2. Довмонтов город: а - трассы дорог; б - местоположения мостов через ров-Греблю; в - остатки каменных построек исследованных раскопками; г - места археологически не исследованных храмов. 1-10 - храмы (атрибуции см. табл. 2); I-V - гражданские постройки; VI-VIII - крепостные сооружения.

№*	В.Д.Белецкий	Г.Я.Моксев (1971а; 1976)	И.К.Лабутина (1985)	Вл.В.Седов (1992)	Н.М.Ткач- ва**
1	ц.Николы	ц.Воскресения	ц.Воскресения или ц.Софии	ц.Николы	?
2	ц.Воскресения или ц.Софии	ц.Софии	ц.Воскресения или ц.Софии	?	ц.Воскресе- ния
3	ц.Кирилла	ц.Кирилла	ц.Кирилла	ц.Кирилла	ц.Кирилла
4	ц.Тимофея	ц.Тимофея	ц.Входа в Иерусалим	ц.Тимофея	ц.Тимофея
5	ц.Дмитрия	ц.Дмитрия	ц.Дмитрия	ц.Дмитрия	ц.Дмитрия
5-а	ц.Афанасия	ц.Афанасия	ц.Тимофея или ц.Афа- насия	ц.Афанасия	ц.Афанасия
6	ц.Федора	ц.Федора	ц.Федора	ц.Федора	ц.Федора
7	ц.Алексея	ц.Алексея	ц.Алексея	ц.Алексея	ц.Алексея
8	ц.Св. Духа	ц.Покрова	ц.Покрова	ц.Св. Духа	ц.Покрова?
8а	придел к ц. Св. Духа	ц.Св. Духа	ц.Св. Духа	придел к ц.Св. Духа	ц.Св. Духа?
9	ц.Покрова	ц.Рождества	ц.Рождества	ц.Покрова	ц.Рождес- тва?
10	ц.Рождества	ц.Николы	ц.Николы	ц.Рождес- тва	ц.Николы
6/п	ц.Входа в Иерусалим	ц.Входа в Иерусалим	ц.Софии?	?	ц.Входа в Иерусалим

* Номера церквей соответствуют номерам на рис.2; храм у современного въезда в Довмонтов город, оставшийся нераскопанным, обозначен как "храм без номера" (6/п);

** См. доклад Н.М.Ткачевой в наст. сборнике.

Наблюдения за относительной хронологией каменных храмовых построек на восточной границе Довмонтова города дают основание выделять три основных строительных периода (рис. 3). Период 1 – возведение древнейшей из построек, храма №9. Период 2 – строительство храма №8. Период 3 – возведение храма №10, одновременно со строительством которого были сооружены притворы, заполнившие пространство между храмами №9–10 и между храмами №8–9. В то время, когда храмы №8 и 10 уже стояли, храм №9 начал разрушаться, и это привело к перестройке здания (с сохранением части первоначальной постройки). Вне периодов остаются возведение храмовой постройки, обозначенной на

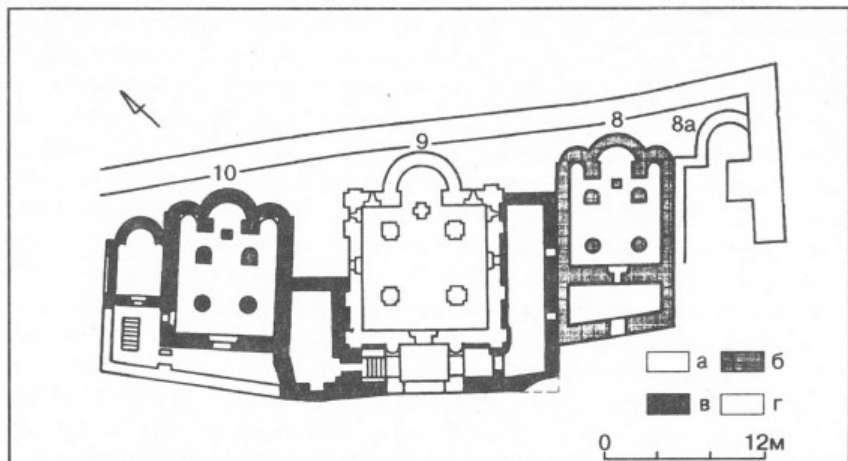

Рис. 3. Ансамбль храмов у восточной стены Довмонтова города: *a-z* – строительные периоды (*a* – I; *б* – II; *в* – III; *г* – части ансамбля, возведенные позднее соседних построек). Комментарий см. в тексте.

рис. 2 и 3 под №8а (по нашему мнению – придел к храму №8) и западного притвора к храму №10. Храм №8а возведен позднее храма №8, а западный притвор к храму №10 – позднее самого храма. Но как эти два строения соотносятся между собой по собственно архитектурным остаткам установить невозможно, не привлекая других археологических данных – сведений о хронологии культурного слоя, связанного со строительными остатками и проч. А.Н.Конов высказал сомнение в том, что храм №8 и пристроенный к нему с юга храм №8а могут быть по строительным остаткам соотнесены с храмами №9 и 10 (Конов 1985: 19). Однако соотношение это устанавливается сравнительно легко: под храмом №8 найдены фрагменты фресок храма №9, так что к моменту строительства храма №8 храм №9 не только уже был возведен и расписан, но даже начал разрушаться. Кроме того, южный притвор к храму №9 был возведен одновременно с северным притвором под колокольную и зданием храма №10.

Строительство храмов №8–10, судя по археологическим материалам, укладывается в пределы XIV в. И так, как у нас, в отличие от Вл.В.Седова (1992: 82–84), нет оснований фиксировать в

основных объемах храмов №8 и 10 следы масштабных перестроек XVI в., можно думать, что строительная история памятников на восточной границе Довмонтова города может рассматриваться в качестве основы при попытках любых отождествлений открытых раскопками руинированных храмов со сведениями письменных источников. Оставаясь при прежнем мнении относительно отождествления храмовых построек №8, 8а, 9 и 10, я хотел бы отметить еще одно обстоятельство, которое следует принимать во внимание при рассмотрении проблемы атрибуции всех раскрытых раскопками храмов Довмонтова города: письменные источники связывают с территорией Довмонтова города до 17 храмовых построек, в то время как реально речь может идти не более чем о 13 “храмовых местах” (рис. 2; престолов – больше) так что нельзя исключать возможности переосвящения храмов после проведения капитальных перестроек зданий; такого рода строительные работы раскопками фиксировались. Очевидно, что одной из важнейших задач, стоящих перед исследователями Довмонтова города Пскова, является новое обращение к письменным и иконографическим источникам. В том числе, абсолютно необходима публикация письменных источников XVII–XVIII вв. – неоднократно цитированных, но до настоящего времени в полном объеме не изданных.

Перспективы. Псковский Кремль в настоящее время не только наиболее полно изученный археологами участок псковской крепости, но и сформировавшийся музей под открытым небом. Поэтому важнейшей задачей историков, архитекторов, реставраторов является завершение работ по музеефикации раскрытых раскопками сооружений. Разумеется, в процессе этих работ потребуются дополнительные раскопки (до сих пор археологически почти не обследована территория соборной площади Пскова с остатками Благовещенского собора и комплексом построек владычного двора; не вскрыто полотно современной дороги, ведущей через территорию Довмонтова города в Кром; остаются недоследованными остатки мостов через ров-Греблю, см. Белецкий В. 1994). Но в первую очередь речь должна идти о создании историко-археологической экспозиции, посвященной Довмонтову городу – уникальному архитектурно-градостроительному комплексу эпохи Псковской боярской республики. Такая экспозиция вряд ли может быть размещена в Приказной палате кон. XVII в. (тем более,

что в помещениях Приказной палаты, благодаря усилиям сотрудников Псковского музея-заповедника, уже развернута интерьерная экспозиция, рассказывающая о деятельности Псковской администрации в XVII в.). Самым естественным местом для размещения экспозиции, посвященной археологическим исследованиям в Довмонтовом городе, являются, на наш взгляд, храмы на восточной границе Довмонтова города, сохранившиеся на высоту более 4 м. В процессе реставрации этих храмов следует предусмотреть возможность размещения на стенах центрального из них – храма №9 (ц.Покрова) – фресок, которые должны возвратиться в Псков из Санкт-Петербурга после завершения реставрации (Шейнина 1995: 263–270; доклад А.М.Бляхер, Е.С.Калмыковой и Е.Г.Шейниной в наст. сборнике): следует предусмотреть варианты конструктивного решения такой экспозиции, обеспечения для сохранности фресок необходимого температурно-влажностного режима и т.п. Убежден, что решение вопроса о создании в храме №9 всех необходимых условий для экспонирования фресок – это задача, посильная для реставраторов. И, во всяком случае, необходимо возведение по крайней мере храма №9 (а, быть может, и всех трех храмов на восточной границе Довмонтова города) до креста – сохранившаяся часть подлинных кладок позволяет предложить реконструкцию внешнего облика постройки с большой степенью достоверности и аргументированности.

Алешковский М.Х. 1972. Начальные этапы каменного строительства Псковского Крома // Древнерусское искусство. М.

Белецкий В.Д. 1980. Итоги археологического изучения Довмонтова города средневекового Пскова // АИП, вып. 1, Псков.

Белецкий В.Д. 1983. “Храм №1” и некоторые вопросы атрибуции церкви Довмонтова города // Археологическое изучение Пскова, М.

Белецкий В.Д. 1984. Довмонтов город средневекового Пскова // Древнерусский город. Киев.

Белецкий В.Д. 1986. Довмонтов город. Архитектура и монументальная живопись XIV века. Л.

Белецкий В.Д. 1987. Довмонтов город средневекового Пскова // Труды V МКСА, т. III, вып. 2а, М.

Белецкий В.Д. 1989. Псковская экспедиция Эрмитажа (к итогам раскопок 1954–1987 гг.) // Итоги работ археологических экспедиций Эрмитажа. Л.

Белецкий В.Д. 1991. Древний Псков (по материалам раскопок экспедиции Эрмитажа). Каталог выставки. Л.

Белецкий В.Д. 1994. Псковская экспедиция Эрмитажа (1954–1991) // Древний Псков. Исследования средневекового города. СПб.

- Белецкий В.Д., Белецкий С.В. 1991. Археологическое изучение Пскова. Некоторые итоги и перспективы. Л.
- Белецкий В.Д., Белецкий С.В. 1993. Раскопки в Псковском Кремле в 1992 году и проблема происхождения города Пскова // Государственный Эрмитаж. Отчетная археологическая сессия. Май 1993 г. СПб.
- Белецкий В.Д., Белецкий С.В. 1994. Шесть десятилетий археологического изучения Пскова // Древний Псков. Исследования средневекового города. СПб.
- Белецкий В.Д., Белецкий С.В. 1995. Первые абсолютные даты Псковского городища и проблема происхождения и крещения города в Пскове // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество, христианство, церковь. М.
- Белецкий В.Д., Белецкий С.В., Скрынникова Е.В. 1995. Исследование Часовой башни и Великих (Темных) ворот Псковского Кремля // Фортификация в древности и средневековье. СПб.
- Белецкий С.В. 1980а. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА, вып.160.
- Белецкий С.В. 1980б. Некоторые итоги археологического изучения Псковского городища // АИП, вып.1, Псков.
- Белецкий С.В. 1983. Псковское городище (керамика и культурный слой) // Археологическое изучение Пскова. М.
- Белецкий С.В. 1988. К вопросу о начале распространения на Псковщине христианства // АИП, вып.9, Псков.
- Белецкий С.В. 1990. Происхождение Пскова // Города Верхней Руси. Истоки и становление. Торопец.
- Белецкий С.В. 1993а. Древний Псков по данным археологии // Древности северо-запада России. СПб.
- Белецкий С.В. 1993б. Изборск "варяжской легенды" и Труворово городище" (проблема соотношения) // С.С.С.Р. ПАВ, №6.
- Белецкий С.В. 1994. Средневековый Псков (опыт периодизации) // Древний Псков. Исследования средневекового города. СПб.
- Василев И.И. 1898. Археологический указатель г. Пскова и его окрестностей // ЗРАО, т.Х, н.с., вып.1-2.
- Гроздилов Г.П. 1964. К вопросу о топографии древнего Пскова // АСГЭ, №6. Л.
- Конов А.П. 1985. К изучению памятников псковской архитектуры XIV в. (ансамбль храмов у восточной стены Довмонтова города) // АИП, вып. 5, Псков.
- Косточкин В.В. 1962. Русское оборонное зодчество XIV – начала XV вв. М.
- Лабутина И.К. 1985. Историческая топография Пскова XIV–XV вв. М.
- Лебедев Г.С. 1994. Труворово городище и западные форпосты Руси Рюрика (обозначившаяся проблема) // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. СПб.
- Моисев Г.Я. 1971а. Столичный центр вечевго Пскова. М.
- Моисев Г.Я. 1971б. Что такое Перси Пскова? // Архитектурное наследство, №19. М.
- Моисев Г.Я. 1972. Перси Пскова (по историческим данным и морфологическим признакам) // Архитектурное наследство, №20. М.
- Моисев Г.Я. 1976. Столичный центр Пскова конца XV в. // Архитектурное наследство, №24, М.

Мусин А.Е. 1994. Крест-тельник из Псковского городища (к характеристике корпуса древних русских крестов) // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. СПб.

Окулич-Казарин Н.Ф. 1913. Спутник по древнему Пскову. Псков.

Окулич-Казарин Н.Ф. 1915. Новые данные по топографии и истории Пскова // Труды ПАО, т.11, Псков.

Седов Вл.В. 1992. Псковская архитектура XIV–XV веков. Происхождение и становление традиции. М.

Шейнина Е.Г. 1995. О реставрации и экспонировании псковских фресок из археологических раскопок // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. СПб.

Шрамм Г. 1994. Ранние города северо-запада Руси: историческое заключение на основе названий // Новгородские археологические чтения. Новгород.

Н.М.Ткачева (Псков)

ИКОНЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПСКОВА

Иконы на сюжет “Видение старца Дорофея” уже более ста лет привлекают внимание исследователей: на них передана (во многих случаях – реально) топография и пластика городских построек, и, фактически, изображения на иконах являются уникальными источниками для изучения архитектуры и исторической топографии Пскова. Однако использование изображений на иконах усложняется недостаточной исследованностью памятников, неопределенностью атрибуций, отсутствием публикаций, дающих сведения о всех известных памятниках и определяющих взаимосвязь их между собой.

Источником для создания икон на сюжет “Видение старца Дорофея” (варианты названия: “Образ Богородицы Псково-Покровской”, “Видение кузнеца Дорофея”, “Явление Богоматери старцу Дорофею”, “Сретение Богородицы”, “Осада Пскова”) послужило описание чуда явления Богоматери в рассказе о видении Дорофея, известном в списках XVI–XVII вв. Как отмечал В.В.Мальшев, “Видение Дорофея” впервые было включено в “Повесть о приходе Стефана Батория на Псковскую землю” составителем третьего вида основной редакции; в авторский текст оно не входило. В позднейшей редакции “Повести” рассказ о видении Дорофея заимствован из “Повести о Псково-Печерском монастыре” (Мальшев 1952). Известно несколько икон, представ-

ляющих два извода сюжета (деление на изводы предложено автором); некоторые из икон до нашего времени не сохранились и известны только по копиям, описаниям и фотографиям.

Первый извод:

1. Икона “Образ Богородицы Псково-Покровской” (кон. XVI – нач. XVII вв.) из ц. Покрова от Пролома. Вывезена оккупантами из Пскова в годы Великой Отечественной войны, в настоящее время находится в одном из западно-европейских частных собраний (Икопеп 1970: №234; Малков 1982: 66, рис.1; Окулич-Казарин 1913; Каталог 1994: 45, илл.5; Толстой 1861; ФА ИИМК РАН, инв. №Q-595/9; Q-721/4, П-68077; П-22189, 81746а).

2. Икона “Образ Богородицы Псково-Покровской” (“список” кон. XVIII – нач. XIX вв.) из ц. Богоявления с Запсковья (ФА ИИМК РАН, инв. №O-1697/7, П-48941; Каталог 1994: 45, илл.6). Вывезена оккупантами в годы Великой Отечественной войны; местонахождение не установлено.

3. Икона “Образ Богородицы Псково-Покровской” (“список” XVIII–XIX вв. ?), хранившийся в Московском Успенском соборе в приделе апостолов Петра и Павла (Сборник изображений 1866). Местонахождение не установлено.

Второй извод.

1. Икона “Видение старца Дорофея” (кон. XVII в.). Находилась в Псково-Печерском монастыре, сфотографирована К.К. Романовым (“икона Романова”; ФА ИИМК РАН, инв. №O-1697/8, П-48942; Каталог 1994: 45, илл.7).

2. Икона “Видение старца Дорофея” (так называемая “Икона Жиглевича”, третья четверть XVIII в.). Находится в собрании Псковского музея-заповедника (Малков 1988; Лабутина 1985; Окулич-Казарин 1913; Каталог 1994: 44–46, илл.8; Ямщиков 1988).

3. Икона “Сретение Богородицы” (XVIII в.). Находилась в Псково-Печерском монастыре, не сохранилась. Известна по рисунку К.А. Солодягина (Лабутина 1985), хранящемуся в Псковском музее-заповеднике (“икона Солодягина”).

4. Икона “Сретение Богородицы” (1784 г.) из часовни Владычного Креста. Находится в собрании Псковского музея-заповедника (Каталог 1994: 45, илл.9).

В дальнейшем иконы обозначаются индексом с указанием извода (римская цифра) и номера (арабская цифра).

Не упомянута отдельно в списке икон второго извода икона из Псково-Печерского монастыря – та, которую В.В.Стасов считал плохим повторением иконы II-4; эта икона легко идентифицируется с иконой II-3. Копия Солодягина и обследования Стасова близки по времени. Стасов, определивший размер иконы “не менее 3 аршин”, указывает, что икона “в жалком состоянии” и находится под главными воротами монастыря. Рисунок Солодягина дает основания считать оригинал очень крупным. По-видимому, значительные утраты и записи исказили эту икону, так как многие архитектурные объекты имеют совершенно немыслимые формы. И Стасов, и другие исследователи не отмечают наличия в монастыре какой-либо другой иконы с видом Пскова (“икона Романа” им была неизвестна).

Наиболее древняя и, очевидно, первая икона на рассматриваемый сюжет – икона I-1. Эта икона была особо почитаемой, считалась чудотворной. Композиционное и пластическое решение этой иконы, акцент на изображение событий мистического действия, трактовка окружающего пространства лишь в качестве фона, на котором события разворачиваются, указывают на то, что первый извод создавался в строгих рамках требований иконописной традиции. Композиционно выделен Покровский монастырь – центр происходящего. Изображение построек монастыря достаточно конкретно. Изображение Пскова как таковое отсутствует – имеются лишь отдельные части города, связанные с событиями, описанными в “Видении Дорофея”: Троицкий собор, условно обозначенные Кром, Довмонтов город с 8 храмами, Мирожский монастырь. Роль Псково-Печерского монастыря в событиях “Видения” второстепенна, что подчеркнуто композиционно. Изображение монастыря представлено сценой, известной в иконописи по иконам XVI в. (музей “Коломенское”) и XVIII в. (Псково-Печерский монастырь) – в стенах монастыря на фоне храмов изображены печорские старцы, предстоящие Богоматери в молитве.

В тексте “Видения” упоминаются святые Корнилий и Антоний Печерские, архиепископ новгородский Нифонт, князя Всеволод (Гавриил), Довмонт (Тимофей), Владимир, Никола Блаженный “Христа ради юродивый”. В легендах на иконе I-1 дополнительно названы и изображены святые Евфросин Псковский и Савва Крыпецкий.

Интересно, что именно на иконе I-1 все благоверные князя

названы крестильными именами: Василий, Гавриил, Тимофей. На иконе П-2 князья именуются Владимир, Гавриил и Тимофей, а на иконе П-4 названы мирскими именами, как и в тексте "Видения". Всеволода и Довмонта чаще называли крестильными именами, чем Владимира, так что икона П-2 дает наиболее характерный вариант именованья князей. В.И.Мальшев отмечал, что в большинстве дошедших до нас списков "Повести о приходе Стефана Батория" есть послесловие, позволяющее считать автором "Повести" псковского иконописца Василия. Вероятно, употребление в легенде на иконе I-1 крестильного имени Владимира Святого не случайно и вызвано желанием использовать возможность назвать изображенного именно Василием.

О том, что иконы первого извода когда-либо имелись в Псково-Печерском монастыре, никаких сведений нет. Вероятно, этот извод в обители популярностью не пользовался. Какого-либо развития первый извод не получил: все известные более поздние иконы являются "списками" с иконы I-1, выполненными в соответствии с архитектурными традициями и живописным вкусом своего времени.

Композиционная основа икон второго извода – планы Пскова кон. XVII – нач. XVIII вв. Видимо, причиной появления первой из икон с относительно правильным аксонометрическим изображением Пскова надо считать план 1694 г., которому изображение полностью соответствует. Использование топографических планов в иконописи – не редкость для кон. XVII – XVIII вв., но такое детальное изображение целого города с окрестностями является уникальным. Икона, являющаяся видимо первой композицией второго извода – это "икона Романова", до сих пор остающаяся неизвестной исследователям. В дореволюционных публикациях она не упоминается. Сохранность иконы, зафиксированная в 1920-е годы фотографией К.К.Романова, указывает на то, что икона долгое время лежала где-то в "рухлядой" монастыря. В настоящее время икона утрачена, и единственным источником остается фотография Романова. Датировать икону можно временем не позднее конца XVII в. Обнаружение иконы П-1 и ее фотофиксация К.К.Романовым позволили разрешить многие вопросы, связанные с изображениями Пскова. Даже плохая сохранность иконы не снижает ценности этого открытия 70-летней давности.

Икона с ковчегом, нижнее поле опилено до лузги, размер – не

менее 70x75 см. Из-за многочисленных утрат и потемнений олифы многие важные детали изображения остаются не читаются. Но достаточно определенно можно утверждать, что общее композиционное решение этой иконы легло в основу иконы II-3 (или, во всяком случае, иконы, с которой была скопирована икона II-3, поскольку нельзя исключать, что последняя являлась "списком") и II-4: Псков изображен с обширными окрестностями, в центре верхней части – изображение Новозаветной Троицы, слева и справа, вероятно, изображения Богоматери, архангелов и святых, в нижней части справа – развернутая книга с текстом легенды, вдоль всего нижнего края, захватывая боковые поля, проходит широкая полоса с текстом легенды (тексты утрачены). О расположении групп святых судить невозможно, поскольку на фотографии они не видны. Но прерывающаяся крепостная стена справа, выше отчетливо видимого Покровского монастыря, указывает на то, что в этом месте, вероятнее всего, была изображена группа предстоящих Богоматери в молении святых князей, преподобных и самого старца Дорофея.

Изображение крепостных стен и многих построек Пскова сохранилось хорошо и достаточно отчетливо читается по фотографии Романова. Изображение крепостных сооружений почти полностью совпадает с планом Пскова 1694 г. Точность воспроизведения плана в сочетании со свободной интерпретацией деталей (мелкие несоответствия не случайны, а продиктованы стремлением сделать изображение города менее схематичным, чем на плане), одинаково уверенное живописно-пластическое решение изображений крепостных сооружений и храмов, отсутствующих на плане 1694 г., относительно правильная (для своего времени) аксонометрия и относительно верное размещение построек в пределах городской крепости – все это заставляет предположить, что план 1694 г. и икона II-1 близки по времени: создатель иконы был не просто хорошо знаком с планом, а, возможно, и принимал какое-то участие в работах по его составлению.

Поскольку изображение города на иконе II-1, имеет мелкие, но характерные несовпадения с планом 1694 г., а также вполне оригинальное изображение храмов на этой иконе почти полностью совпадающее с изображением Пскова на иконе II-2, то очевидно, что автор иконы II-2 использовал кальку изображения города с иконы II-1. Поэтому представления о формах архитектурных па-

мятников, изображения которых утрачены на иконе II-1, можно получить по иконе II-2. В частности, это относится к изображению участка Кремля и Довмонтова города, которые, судя по фотографии Романова, сильно искажены утратами и записями. Правда, следует отметить, что графические особенности плана 1694 г., на котором территория Довмонтова города изображена как тесный коридор, образуемый стенами, не оставляли, как будто бы, возможностей для подробного изображения размещавшихся здесь храмов. Скорее следует предположить, что изображение было условно-символическим – близким тому, что мы видим на иконе II-2. Очертания Троицкого собора, насколько они различимы, сходны с изображением на иконе II-3, скопированной Солодягиным, но это, вероятно, результат искажений, а характер первоначального изображения следует, все-таки, искать на иконе II-2. По крайней мере, такие объекты топографии Пскова, как стена Довмонтова города и ц.Власия, отражающие ситуацию до строительства здания Приказной палаты (1693–1695 гг.) могли появиться на этой иконе только как результат копирования их изображений с иконы II-1.

Иконы II-3 и II-4 представляют более поздний период развития икон второго извода. В.В.Стасов ошибался, считая икону II-3 повторением иконы II-4. Связь между изображениями на этих иконах обратная. Независимо от того, была ли икона II-3 оригиналом нач. XVIII в. или же его позднейшим повторением, мы имеем, благодаря рисунку К.А.Солодягина, представление о графической схеме памятника иконописи, являющегося промежуточным между II-1 и II-4, то есть – протооригиналом последней. На существование такого протооригинала указывают и элементы, содержащиеся в легенде на иконе II-4 – “Возобновлен сей образ” и “из старого изображения”. Очевидно, что икона II-4 написана “со старого образца”, но – заново, то есть не является копией. Но образцом не могла быть икона II-1, поскольку между почти топографической схемой, основанной на плане 1694 г., и пространственной композицией, базирующейся на знании уже довольно совершенных планов XVIII в., был необходим переходный этап.

Рисунок Солодягина демонстрирует памятник, протооригиналом которого была икона, созданная на основе плана 1694 г., но автор новой иконы внес значительные поправки в соответствии с уже известными ему планами нач. XVIII в. и сделал попытку пос-

тавить изображение города на плоскость. Это еще не пейзаж, но уже и не просто топографический план, а план-панорама. Именно такая композиция позднее легла в основу иконы II-4. Такое изображение, как на иконе II-4, становится возможным только на рубеже XVII–XVIII вв. благодаря резко поднявшемуся в петровское время уровню топографических работ. Еще несовершенный план 1694 г. не только сокращал площадь Довмونتова города, но и придавал этой территории неверную конфигурацию, поэтому правильно изобразить на маленьком участке иконы многочисленные сооружения, реально размещавшиеся в этой части крепости, было практически невозможно.

В Довмонтовом городе на иконе II-3 изображено 9 храмов, но постройка, ближе всего расположенная к зрителю – слева у стены, аналогична изображению церкви на иконе II-4, хотя главка у этой постройки и отсутствует. Иными словами, это изображение 10-го в черте Довмونتова города храма, а главка – “потерялась” при поновлениях (как потерялся и храм, располагавшийся в центре Довмونتова города – 11-й в этой части городской территории).

Здесь необходимо упомянуть “Вид древнего Пскова в 1581 г.”, выполненный И.Ф.Годовиковым и помещенный в его знаменитом альбоме 1857 г. (ПОМЗ, Древлехранилище, ф.174, альбом И.Ф.Годовикова). Годовиков не указывает на оригинал, с которого был выполнен “Вид Пскова”, но совершенно очевидно, что этим оригиналом послужило изображение города на иконе II-3. Некоторые несоответствия между рисунком Солодягина и “Видом Пскова” объясняются более высоким профессиональным уровнем И.Ф.Годовикова, а также, очевидно, лучшими условиями, в которых он работал. На рисунке К.А.Солодягина многие храмы имеют совершенно невообразимые формы (результат того, что рисунок выполнялся издали, “на глазок” ?), в то время как на рисунке И.Ф.Годовикова постройки изображены в реальных формах.

При совмещении изображений Довмونتова города на рисунке Солодягина и “Виде Пскова” выясняется, что эти изображения совпадают между собой по размещению построек, однако несколько отличаются от изображения на иконе II-4 – на последней постройки перекрывают друг друга, в то время как на рисунке К.А.Солодягина и “Виде Пскова” И.Ф.Годовикова храмы Довмونتова города размещены с таким расчетом, чтобы все постройки

хорошо просматривались и друг друга не перекрывали. В то же время архитектурные формы построек, изображенных на иконе II-4 и “Виде Пскова”, соответствуют друг другу. Это еще раз подтверждает наш вывод о том, что и К.А.Солодягин, и И.Ф.Годовиков имели дело с протооригиналом (или его повторением) иконы II-4.

К сожалению, в “Изъяснении” к “Виду Пскова”, составленному И.Ф.Годовиковым, много неточностей. Названия большинства храмов перепутаны. Так, в центральной части Довмонтова города один из храмов обозначен как ц.Воздвижения Креста, а другой – как ц.Благовещения Господня (sic!); такие храмы в пределах Довмонтова города никогда не существовали. Очевидно, эта путаница связана со следующим: так как храмы в пределах Довмонтова города изображены скученно, сохранившиеся на иконе надписи могли быть при прочтении отнесены не к тем храмам, которые они обозначали первоначально. Кроме того, надписи могли быть неверно прочтены и, соответственно, неверно воспроизведены при поновлениях иконы, так как, вероятно, были в значительной степени утрачены. И именно такие ошибочные названия могли быть зафиксированы Годовиковым в его “Изъяснении”.

Если мы правы в том, что путаница наименований храмов, имеющаяся в “Изъяснении”, связана с “кучностью” построек, изображенных в центральной части Довмонтова города, при которой надписи на иконе могли быть размещены неправильно, то храмы № I-III (по нашей нумерации) в отличие от других построек Довмонтова города размещены достаточно свободно и здесь подобная путаница теоретически маловероятна. Храмы № I-III названы у Годовикова соответственно цц. Николая Чудотворца, Рождества Христова и Покрова Богоматери. Эти наименования не противоречат остатками надписи над храмом № II на иконе II-4, реконструированной нами как “Рождество Христово”.

На иконе, которую копировали Солодягин и Годовиков, Довмонтов город изображен в ситуации до 1701 г., таким же его изобразил и автор иконы 1784 г., и мы имеем все основания доверять этому изображению, наиболее полному и подробному из сохранившихся.

К сожалению, большинство исследователей вынуждено опираться на недостаточно точную прорисовку изображения на иконе II-4: многие детали на этой прорисовке искажены, а ряд деталей

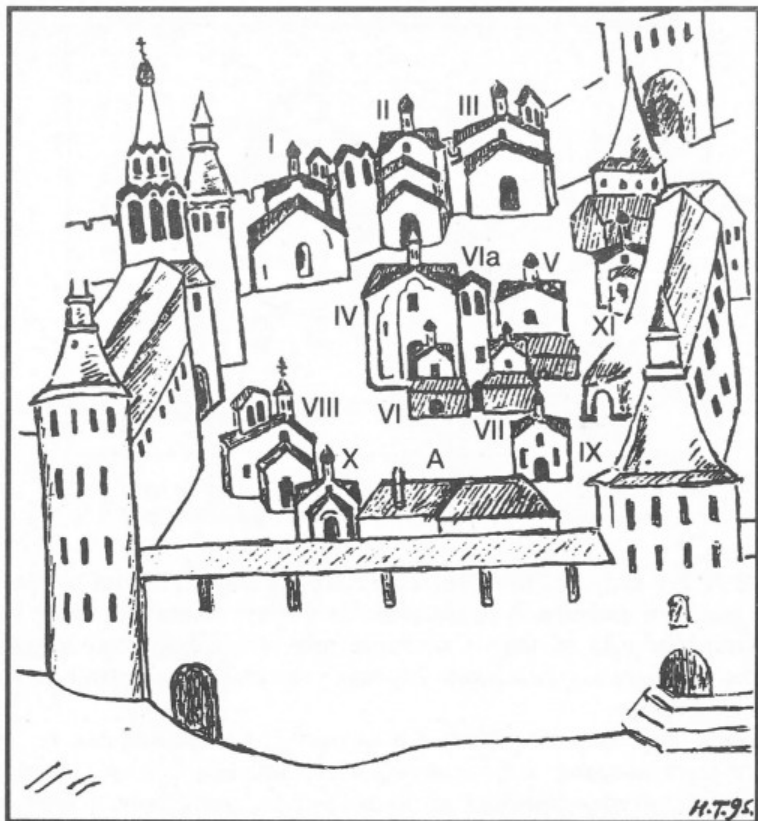

Рис. 1. Прорисовка изображения Довмонтова города на иконе "Сретение Богородицы" 1774 г. (II-2). Номера построек соответствуют номерам в табл. 1. (Рис. автора).

утрачен. Публикуемая прорисовка изображения Довмонтова города на иконе II-4 (рис. 1) выполнена автором.

Безусловно, проблема идентификации храмов, исследованных раскопками в Довмонтовом городе, с храмами, известными на этой территории по письменным источникам, принадлежит к числу наиболее дискуссионных проблем псковской археологии. Но сопоставление изображения территории Довмонтова города на иконе II-4 с планом Пскова 1740 г. (рис. 2), изображением на

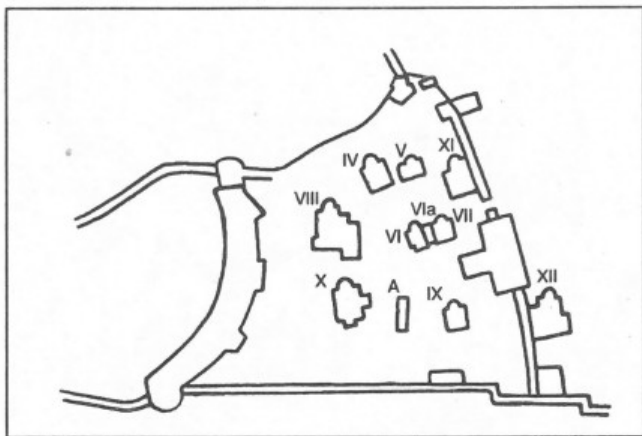

Рис. 2. Территория Довмонтова города на плане Пскова 1740 г. Номера построек соответствуют номерам в табл. 1.

иконе II-2 и результатами многолетних археологических раскопок (см. рис. 2 в докладе В.Д. Белецкого в наст. сборнике - *Ред.*) дает основание для вывода о соответствии имеющихся иконографических материалов реальной картине застройки территории Довмонтова города.

Наша версия идентификации построек, изображенных на иконах, с постройками, зафиксированными планом 1740 г., раскрытыми при археологических раскопках и упомянутыми в письменных источниках, отражена в табл.1.

Троицкий собор на иконе II-4 изображен в формах 1699 г., до переделок второй половины XVIII в. Очень подробно изображены и многочисленные памятники в разных частях города и его окрестностях. Некоторые из них не существовали уже в XIX в. (напр. Стефановский монастырь), и их архитектурный облик известен нам только благодаря изображению на иконе II-4. Автор иконы совершенствует также изображение панорамы города и мастерски справляется с изображением осады и лагеря Батория. Фигуры воинов на иконе выполнены в типичной для вт. пол. XVIII в. манере, и в иконе уже заметны черты живописи новой эпохи.

Обособленно среди икон второго извода стоит икона II-2, находившаяся в кон. XIX – нач. XX вв. в Гостином дворе “возле

лавки купца Жиглевича” (Окулич-Казарин 1913). Она сохранилась до настоящего времени почти в первоначальном своем виде. Записи, идущие на полях иконы и по небу, и несколько потемневшая олифа не искажают икону. Утверждение Ю.Г. Малкова о том, что надпись “ратуша” является позднейшей, неверно. В действительности все надписи, кроме расположенных выше горизонта, подлинны. Неправильно названы в работе Малкова и некоторые храмы (ц.Ильи на Запсковье, Никиты в Поле и Образа в Поле названы соответственно ц.Преображения, Алексея с Поля и Дмитрия с Поля, см.: Малков 1988).

Таблица 1

Икона П-4 1784 г.	План 1740 г.	Икона П-2 тр. четв. XVIII в.	Постройки Довмонтава города	Постройки письменных источников
I	—	—	10	ц.Николы?
II ¹⁾	—	—	9	ц.Рождества?
III	—	—	8	ц.Покрова?
—	—	—	8а	ц.Св. Духа?
IV ²⁾	IV	—	5	ц.Дмитрия
V ³⁾	V	—	5а	ц.Афанасия
VI ³⁾	VI	—	6	ц.Федора
VIa ⁴⁾	VIa	—	“палатка” между храмами 6 и 7	колокольня ц.Федора и ц.Алексея
VII ³⁾	VII	—	7	ц.Алексея
VIII ⁵⁾	VIII	—	1	?
IX	IX	—	4	ц.Тимофея
X	X	“Воскресение” ⁶⁾	2	ц.Воскресения
XI	XI	—	6/II	ц.Входа в Иерусалим
A	A	—	III	Поповская изба
—	—	—	3	ц.Кирилла
—	XII	“Власиевская башня” ⁷⁾	— ⁸⁾	ц.Власия

Примечания: 1) остатки букв над изображением, возможно надпись “Рождество Христово”; 2) остатки букв, возможно надпись “Дмитрий”; храм изображен с конусовидной главкой; 3) храмы V, VI и VII изображены с деревянными притворами; 4) на иконе отчетливо видна высокая двухпролетная колокольня с двускатным покрытием; 5) храм изображен с конусовидной главкой; 6) надпись помещена над изображением храма; 7) надпись помещена рядом с крепостной башней, за которой с восточной стороны в разломе стены изображен храм; 8) храм находится за пределами Довмонтава города.

Изображение крепостных стен на иконе II-2 скопированы с иконы II-1, как и другие архитектурные объекты. Однако изображение Мирожского монастыря сдвинуто влево по сравнению с изображением на иконе II-1, а кольцо стен Печерского монастыря, почти круглое на иконе II-1, чуть сплющено, что диктовалось необходимостью вкомпоновать изображение в тесный формат новой иконы.

В икону II-2 внесены, по сравнению с иконой II-1, некоторые коррективы: нет, например, изображений засыпанных в 1701 г. монастырей Параскевы Пятницы и Николы в Песках. Но стена Довмонтова города и ц.Власия, открытая раскопками Т.Е.Ершовой в 1991 г. (см. тезисы доклада Т.Е. Ершовой в наст.сборнике - *Ред*), изображены в ситуации до 1695 г., как и Троицкий собор, то есть можно думать, что эти изображения скопированы с иконы II-1. На территории Довмонтова города изображен только один храм – ц.Воскресения (упразднена в 1793 г.). Рядом с торговыми рядами дополнительно изображена ратуша. Таким образом, автор иконы II-2 совмещает точное следование образцу с отдельными изменениями, основанными на современной ему ситуации (третья четверть XVIII в.). Эти изменения не снижают документальной ценности иконы II-2, поскольку автор только исключает некоторые уже не существующие объекты, но не вносит корректив в формы архитектурных сооружений.

Заметим, что из всех известных икон на сюжет “Видения” только на иконе II-2 отсутствуют тексты легенды: иконописец ограничился изобразительными средствами. Основные сцены сюжета, вероятно, схожи с аналогичными сценами на иконе II-1, но уверенно утверждать это не приходится. Представляет интерес изображение иконы “Успение Богородицы” Псково-Печерского монастыря, которую несет группа духовенства: подобное удлиненное изображение прославленной монастырской иконы известно по иконе кон. XVI – нач. XVII вв., изображающей Псково-Печерский монастырь (хранится в муз. “Коломенское”).

Икона II-2 – единственная из всех рассмотренных икон, на которой изображена Ветхозаветная Троица (причем, с Саррой и Авраамом): даже на наиболее древней иконе (II-1) в верхней части изображен Бог-Отец; на всех остальных – Новозаветная Троица. Обращает на себя внимание и определенный отбор при изображении гражданских построек – ратуша, торговые ряды, псков-

ская канцелярия (она отмечена в этом месте на плане Пскова 1740 г.), а также изображение вместо многочисленных святых, предстоящих Троице на других иконах этого извода, только Св. Николай Чудотворца и Св. Александра Невского, не названных в тексте "Видения". Возможно, такой выбор святых определен заказчиком иконы (патрональные святые заказчиков или лиц, которым икона предназначалась), как, очевидно, очень четко была определена заказчиком и вся программа иконы. Отмеченные иконографические детали и заметная компилятивность этой композиции, обусловленная сложной и противоречивой программой, позволяют думать, что заказчики иконы принадлежали к старообрядческой среде. Сохранность иконы и ее происхождение свидетельствуют о том, что икона П-2 никогда не находилась ни в храме, ни в частном доме, а изначально предназначалась для какого-то светского учреждения.

Лабутина И.К. 1985. Историческая топография Пскова XIV–XV вв. М.

Малков Ю.Г. 1988. План Пскова конца XVII в. // Древний Псков. М.

Мальшев В.И. 1952. "Повесть о приходе Стефана Батория на Псковскую землю" XVI в. М.–Л.

Окулич-Казарин Н.Ф. 1913. Спутник по древнему Пскову. Псков.

Сборник изображений явленных и чудотворных икон Пресвятыя Богородицы. М. 1866.

Каталог. 1994. Автор-составитель Н.М.Ткачева // Святая Русь. Приложение к каталогу выставки в Нойсе (Германия) 17 апреля – 29 мая 1994 г. Псков.

Толстой М.В. 1861. Святые и древности Пскова. М.

Ямщиков С.В. 1988. Псков. Альбом. Л.

Ikonen 13 bis 19 Jahrhundert. Munchen, 1970.

А.М.Бляхер, Е.С.Калмыкова, Е.Г.Шейнина
(Санкт-Петербург)

РЕСТАВРАЦИЯ И ЭКСПОНИРОВАНИЕ ФРЕСКОВОЙ ЖИВОПИСИ ИЗ РАСКОПОК Ц.ПОКРОВА В ДОВМОНТОВОМ ГОРОДЕ ПСКОВА*

Раскрытие и снятие фресок ц.Покрова Богородицы в Довмонтовом городе Пскова продолжалось пять полевых сезонов – с 1974 по 1978 гг. Оно велось по методике, разработанной в лаборатории Эрмитажа специально для сохранения монументальной

живописи, обнаруженной при археологических раскопках. Методика основана на применении в качестве основного закрепителя синтетического полимера – полибутилметакрилата, так называемого “безводного связующего”, растворяющегося в органических растворителях. Комплекс мероприятий в рамках данной методики позволяет раскрывать живопись большими площадями и удерживать ее на стенах необходимое время. В цикл полевых работ входит раскрытие живописи из под завала, первичная расчистка, укрепление живописи, подготовка к снятию (разделение и разрезка на отдельные части, заклейка поверхности), отделение росписей от стены на специально подготовленные щиты. Затем следует укрепление и заклейка штукатурки с тыльной стороны, упаковка и транспортировка в лабораторию для дальнейшей обработки.

Полевые реставрационные работы в ц.Покрова оказались сложными: стены храма сохранились на высоту 3 – 5 м; в алтарной части фрески открылись почти от дневной поверхности. Поэтому раскрытие и снятие фресок со стен велось постепенно, и композиции отделялись по полосам обрамления. Работы были ориентированы на раскрытие и снятие фресок со стен здания по ярусам. В общей сложности было снято более 150 м² живописи, не считая многочисленных фрагментов фресок из завалов.

Лабораторный цикл реставрационных работ начинается с устранения повреждений, связанных со снижением прочности. Дополнительно закрепляется штукатурное основание, красочный слой, выправляются деформации и смещения. При необходимости, снятые со стен фрагменты разбираются по трещинам, расчищаются и затем склеиваются по трещинам и изломам, соединяясь в единое целое. Именно так поступили с композицией “Евхаристия”. Подбираются и склеиваются отпавшие и найденные в завале фрагменты. Мاستиковка трещин сообщает росписи дополнительную прочность. Скрепленный таким образом фрагмент монтируется на жесткое основание, заливается пенопластом. После того, как фрагмент стал прочным, следует еще один, очень значительный раздел лабораторной реставрации – расчистка поверхности живописи от поздней побелки, загрязнений и копоти.

После проведения цикла лабораторных работ росписи еще не воспринимаются в целом – фрагментарность, сеть трещин, многочисленные крупные и мелкие утраты часто не дают возможности понять или воспринять изображение. Доведение росписей из ар-

хеологических раскопок до экспозиционного состояния является самостоятельной, достаточно сложной проблемой, поскольку наиболее полное выявление живописи должно быть сделано без вмешательства в саму живопись, имеющую самую различную степень сохранности. В связи с тем, что цветовые дополнения на подлиннике исключаются, очень важно найти такое соотношение характера тона, фактуры утрат и живописи, чтобы утраты стали наименее заметными, но способствовали выявлению сохранившейся в той или иной степени живописи. При мастиковке сети трещин (один из характерных и очень частых видов повреждения росписей) учитывается характер тональности живописи. Если изображение не имеет резко контрастных тонов, то сетку трещин можно сделать почти незаметной с помощью мастики нейтрального тона. Если живопись имеет различные цветовые соотношения, цвет мастики приходится менять – осветлять или утемнять – в пределах той или иной тональности. Мастиковка трещин идет в уровень с поверхностью, чтобы не создавался добавочный рельеф.

При заполнении более или менее крупных утрат подбираются тон и фактура, приближенные к штукатурному основанию. Уровень заполнения утрат и пространства, окружающего живопись должен быть несколько понижен по отношению к плоскости живописи, чтобы выделялся подлинник. Некоторые неглубокие утраты целесообразно оставлять без заполнения.

При проведении цикла реставрационных работ с росписями ц.Покрова Богородицы мы исходили из того, что рано или поздно весь комплекс снятой со стен живописи должен быть экспонирован соответственно расположению фресок в храме, то есть – так, как они воспринимались средневековым горожанином в интерьере. Опыт экспонирования фресок был приобретен при создании в Эрмитаже экспозиции росписей жертвенника смоленского “храма на Протоке” и подготовка к экспонированию в Псковском музее-заповеднике росписей алтарной части ц.Николаы с Гребли. Свообразной проверкой возможностей экспозиционного показа фресок из ц.Покрова стала временная выставка “Древний Псков (по материалам раскопок экспедиции Эрмитажа)”, размещенная в Георгиевском зале Зимнего дворца в Санкт-Петербурге в феврале – апреле 1992 г. К моменту подготовки выставки был завершён лабораторный этап реставрации почти всех значительных композиций алтарной апсиды, части центрального нефа и западной сте-

ны (до уровня платов). Всего к выставке было подготовлено 50 фрагментов из 155; по площади это составляло около половины снятых со стен фресок.

Поскольку в зале, предназначенном для выставки, должны были быть размещены не только фрески, но и витрины с археологическими материалами, расположить фрески так, как они были размещены на стенах, удалось лишь частично. Была построена временная конструкция, повторяющая формы алтарной апсиды, и на этой конструкции были размещены фрески с изображением Евхаристии и Службы Отцов.

Демонстрация разновеликих фрагментов росписей с криволинейной поверхностью было делом достаточно трудоемким. При экспонировании мы столкнулись с нарушением кривизны стен на трех уровнях. Особенно значительными расхождения по кривизне оказались в области горизонтальных резов второго яруса живописи. Поэтому при изготовлении щитов для монтировки фресок в зале в расчет в качестве контрольной линии бралась дуга обмерного чертежа у основания алтарной стены. Фрески западной стены экспонировались на боковом щите. Фрески северо-западного подкупольного столба были размещены в одной плоскости на одном из боковых щитов. Точно так же были размещены и остальные фрагменты. Отдельно были поставлены оконница восточного окна диаконника и смонтирована часть северного портала под полуциркулярной аркой.

Разумеется, полной иллюзии церковного помещения создать не удалось, так как отсутствовали характерные для культовой постройки элементы интерьера. И все же ощущение подлинности до известной степени создать удалось благодаря некоторым конструкциям, воспроизводящим архитектурные объемы.

Впервые за годы лабораторной обработки на выставке 1992 г. удалось увидеть всю обработанную часть комплекса вместе; это позволило оценить правильность приемов реставрации в отношении выявленной живописи. Множественность трещин, перебивающих изображения, безусловно, удалось нейтрализовать. С последствиями побелки удалось справиться благодаря регулированию количества закрепителя в поверхностном слое. Большие участки утрат, покрытые общим светлым тоном, приближенным к тону штукатурного основания, свою задачу также выполнили. Вместе с тем, поиски в приемах заполнения крупных утрат следует продолжить.

Впечатления строятся на восприятии росписей, размещенных для показа в громадном зале с богатым декоративным убранством. Если в дальнейшем фрески будут размещены на стенах храма, то, возможно, появятся вопросы, которые требуют иных решений. Пока же мы считаем, что намеченный способ выявления живописи является правильным, а отдельные детали в рамках этого направления могут уточняться.

* Основным автором доклада является Е.Г. Шейнина, трагически погибшая в 1995 г. Именно она должна была бы подводить итоги работы лаборатории реставрации монументальной живописи Государственного Эрмитажа по реставрации фресок из ц. Покрова Богородицы в Пскове. С огромным уважением относясь к сделанному Е.Г.Шейниной анализу результатов многолетних работ коллектива лаборатории, соавторы видят свою основную задачу в том, чтобы донести до коллег ход мыслей Евгении Григорьевны в максимально близком к авторскому тексту виде (примечание А.Д. Бляхер и Е.С. Калмыковой - *Ред.*).

Т.Е.Ершова (Псков)

ОТКРЫТИЕ ЦЕРКВИ СВ. ВЛАСИЯ 1373 Г. В ПСКОВЕ

В 1991 г. в Пскове был заложен раскоп на Власьевском спуске с внешней стороны от южной стены Довмонтова города. В юго-восточной части раскопа под балластным слоем были открыты валуны, между валунами сохранился известковый раствор и щебень. В северной части раскопа был зафиксирован развал кладки на известковом растворе. Открытая постройка может быть интерпретирована как остатки ц.Св. Власия XIV в.

В Псковских летописях под 1373 г. приведено известие о том, что ц.Власия была перенесена на новое место и поставлена в камне (П1Л: 23); под 1389 г. сообщено, что к ц.Власия на Торгу был пристроен каменный притвор (П1Л: 24). В последнем из сообщений зафиксировано, таким образом, местоположение храма – в районе Торга. Псковский торг размещался в XIV в. к югу от стен Довмонтова города (Лабутина 1985: 103). Под 1420 г. летопись рассказывает о поисках псковичами местоположения первоначальной ц.Власия; тогда же было установлено, что на месте храма находится двор Артемия Воротова (П2Л: 37–38), то есть – участок, прежде занятый храмом, в 1420 г. оказался занят жилой застройкой. Позднейшие источники определяют место ц.Власия

“против Государева двора” (Псков и его пригороды 1913: 151, 176, 376), на площади у Власьевских ворот (РГАДА, ф.1209, кн.358, л.165).

Существуют и графические изображения ц.Власия на Торгу. Древнейшим из них является изображение на храмовой иконе ц.Покрова от Пролома: на иконе изображена небольшая однокупольная церковь с притвором, размещенная в пространстве между Довмонтовой стеной и Власьевскими воротами. Более подробно церковь изображена на т.н. “Иконе Жиглевича” XVIII в. На этой иконе интересующая нас церковь изображена достаточно подробно: двухкупольная, с притвором и северным приделом, причем придел как-бы стоит на стене Довмонтова города; при ближайшем рассмотрении иконы видно, что в месте пересечения придела и стены живописец изобразил пролом в стене (подробнее об изображении на иконах см. доклад Н.М.Ткачевой в наст. сборнике - *Ред.*).

Изображение ц.Власия на Торгу можно найти на некоторых топографических планах XVIII–XIX вв. На плане Пскова 1740 г. Власьевская церковь показана трехапсидной, примыкающей северной стеной к стене Довмонтова города. В южной части сооружения читается выступ, которым можно интерпретировать как схематично обозначенный придел. Судя по плану, храм размещался приблизительно в 10 м от здания Приказной палаты (Лабутина 1985: 213), что не соответствует археологическим реалиям. На плане Псковского Пушечного двора (1774) ц.Власия показана примыкающей к стене Довмонтова города, двухапсидной, с южным приделом, стоящей не более чем в 4–6 м от Приказной палаты. На плане Годовикова 1857 г. ц.Власия обозначена как не существующая, но указано ее место у Приказной палаты.

На старых фотографиях Пскова на месте храма стоит дом Агапова. В здании Приказной палаты в 1896 г. был трактир Семеновой, а в 1913 г. – чайные Дорофеева и Андреева. Это хорошо объясняет сильную нарушенность средневекового культурного слоя. Кроме того, кладки храма были прорублены траншеей при прокладке электрокабелей, так что не удалось зафиксировать стык кладки северной стены четверика и придела. И все-таки исследованные раскопками остатки достаточно отчетливы: открыто валунное основание апсиды четверика, а в северной части раскопа – плитняковая кладка апсиды. Южная стена храма уничтожена

трассой газопровода. Сохранились основания столбов. С востока к основному зданию примыкают остатки кладок придела. По сохранившимся остаткам можно установить, что четырехстолпная трехапсидная постройка имела северный придел, сильно разрушенный во время реставрационных работ по южной крепостной стене Довмонтова города, а также западный притвор. Совокупность сведений письменных и иконографических источников вместе с данными раскопок позволяют отождествить открытую раскопками 1991 г. постройку с ц.Власия на Торгу.

П1Л – Псковская Первая летопись // ПЛ, вып.1. М.-Л., 1941.

П2Л – Псковская Вторая летопись // ПЛ, вып.2, М., 1955.

Псков и его пригороды // Сборник Московского архива министерства юстиции, т.5, М. 1913.

Лабутина И.К. 1985. Историческая топография Пскова XIV–XV вв. М.

И.И.Лагунин (Псков)

МУЗЕЙ ФРЕСКИ В ПСКОВЕ (ПЕРСПЕКТИВЫ, НАПРАВЛЕНИЯ, ПРЕДЛОЖЕНИЯ)

Представления о музее фрески на протяжении последнего столетия претерпели значительные изменения. В дореволюционное время преобладала идея показа впервые открытых памятников древнерусской живописи в качестве церковно-археологических музеев в условиях действующих храмов. Важнейшим в кон. XIX в. считалось изучение немногих открытых ансамблей живописи для воссоздания или новейшей интерпретации в современной технике и манере (клеевая или масляная живопись). Этой же цели служило копирование и фотографирование фресок, а также представление на выставках (в кальках и фотографиях) вновь открытых Мирожских фресок (1893–1894) академиком архитектуры В.В.Сусловым.

Только к концу 1920-х годов начинают вырабатываться современные научные представления о самоценности фресковой живописи. Это совпало по времени с гонениями на православие, поэтому преобладающим становится принцип “чистого” художественного музея в закрытых для богослужения храмах, в которых периодически возобновлялись реставрационные работы. Музей ко-

пий фресок (Белград, музей им. Рублева в Москве) – крайняя реплика такого художественного музея. Основной упор в экспозиционном показе первоначально делался на атеистические аспекты. Только со временем первенство постепенно переходит к показу иконографического содержания утраченного православного искусства. Собственно художественное содержание этого вида искусства оставалось прерогативой узкого круга специалистов.

С ослаблением гонений на православие и ростом интереса к его содержанию, с переходом в музеи бывших педагогов постепенно зарождается идея культурно-просветительного музея монументального искусства. Малопонятное, выхолощенное от религиозного сознания художественное содержание в значительной мере недоступное пониманию неподготовленного зрителя, замещается сопутствующей тематикой – рассказом о технике и технологии фресковой живописи, ее происхождении и развитии, краеведческим материалом, историей реставрации памятников.

Ни одно из названных направлений не достигло, однако, главной цели – раскрытия художественно-исторического содержания древнерусской фресковой живописи в целом. Псковские фрески не стали исключением.

Идея создания музея фресковой живописи в Пскове родилась в 1970-е гг. в связи с развернувшимися работами по реставрации и музеефикации ансамбля Мирожского монастыря и его знаменитого Спасо-Преображенского собора – центрального памятника монументальной живописи древнего Пскова (XII в.). Эту идею в 1976 г. поддержала комиссия Министерства культуры, которая проводила ежегодные наблюдения и приемку работ по реставрации ансамбля мирожских фресок. Огромное значение для эволюции идеи создания музея имел факт обнаружения, раскрытия и реставрации фресковой живописи в храмах Довмонтова города XIV в. Сыграли свою роль и многолетние работы по реставрации и раскрытию фресок Снетогорского монастыря (XIV в.) и храма в Мелетово (XV в.). Новые открытия фрагментов и ансамблей живописи при реставрации памятников древнего зодчества создавали дополнительные перспективы для исследования и комплектования коллекции. Для копирования псковских фресок были приглашены такие известные специалисты, как Н.В.Гусев и А.Н.Овчинников, позднее к работам были подключены студенты Академии художеств (Санкт-Петербург).

Разработка концепции музея фрески в Пскове проводилась автором доклада с 1976 г. по начало 1990-х годов: пробой пера стала небольшая выставка в Поганкиных палатах. Центром экспозиции явилась восстановленная из фрагментов подлинная алтарная композиция “Служба Отцов” (“Поклонение жертве”) из ц.Никола с Гребли, обнаруженная во время археологических раскопок экспедицией Эрмитажа (В.Д.Белецкий) и восстановленная в мастерской реставрации монументальной живописи Эрмитажа (Т.В.Коваленко). Основным экспозиционным решением стало воссоздание в условиях музейной экспозиции храмового пространства. С той же целью художники-копиисты Н.В.Гусев и В.П.Кравченко выполнили условно-объемные копии мелетовских фресок “Неясыть” и “Уверение Фомы” (бумага, дублированная на холст, деревянный подрамник, бортовка из ПБМА).

В настоящее время основная идея концепции сводится к тому, что центром музея фрески должен стать Спасо-Мирожский монастырь, однако в состав музея, безусловно, включаются и остальные памятники, сохранившие фресковое убранство (Снетогорский собор, храм в Мелетово). Основные концептуальные положения сводятся к следующему:

1. Принципиально важно вернуться к идее церковно-археологического музея. Без исторического и литургического содержания искусство храмовой живописи не поддается раскрытию.

2. Главным был и остается показ подлинных памятников фресковой живописи Пскова в их исторической последовательности с необходимыми вводными комментариями при каждом памятнике.

3. Ансамбль живописи ц.Покрова Богородицы XIV в., исследованный раскопками в Довмонтовом городе и реставрированный в мастерских Эрмитажа (см. доклад А.М.Бляхер, Е.С. Калмыковой и Е.Г. Шейниной в наст. сборнике - *Ред.*), может быть экспонирован на территории Мирожского монастыря в специальном выставочном павильоне – восстановленном Южном хозяйственном корпусе. Проект павильона разработан и согласован в Министерстве культуры. После завершения реставрации ц.Покрова Богородицы в храме могут быть экспонированы копии фресок.

4. Центральный экспозиционный комплекс (в Братском корпусе либо в специальном павильоне) преследует цель показать псковскую школу фресковой живописи в ее развитии на вспомогательных материалах – копиях, фотографиях, подлинных фраг-

ментах, краеведческих и исторических экспонатах; такая экспозиция преследует цели культурно-просветительные, художественно-воспитательные, церковно-исторические, эстетические.

После частичной передачи монастыря иконописному центру музейная ситуация несколько усложнилась по сравнению со временем начала разработки концепции. Однако руководитель центра, известный мастер-иконописец, игумен Зинон поддержал идею создания музея фрески на базе Мирожского монастыря – в помещениях Братского корпуса (после строительства дополнительных помещений для иконописной школы). Строительство павильона возможно и в других частях обширной монастырской территории. Напомню, что в районе Мирожского монастыря располагается огромное недостроенное здание, предназначавшееся под Дворец пионеров. В любом случае, музей древнего псковского искусства монументальной живописи при специализированном центре искусства иконописи получает дополнительное фундаментальное обоснование. А полноценная жизнь подлинных памятников средневековой псковской живописи в значительной мере зависит от реализации идеи музея фрески.

Е.В.Скрынникова (Москва)

ПРОЕКТ БЛАГОУСТРОЙСТВА ТЕРРИТОРИИ ПСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

Эскизный проект благоустройства территории Кремля в г.Пскове разработан на основании “Реставрационного задания”, утвержденного гендирекцией “Псковреконструкция”, “Предварительных работ к проекту благоустройства” (НИИМ, инв. №911, 1995 г.) и плана топографической съемки М: 1:500, выпущенного Управлением архитектуры и градостроительства Псковского горисполкома в феврале 1991 г. Определяющими факторами при решении проекта благоустройства явились археологический опорный план, историко-архитектурный опорный план и предложение по музеефикации комплекса, входящие в состав “Предварительных работ”. Границами проектируемой территории с севера, востока и запада являются берега рек Пскова и Великая, а с юга – проезд вдоль южной стены Довмонтова города.

Существующее положение. Проектируемая территория разделяется на четыре части: 1) территория Кремля (Кром); 2) территория Довмонтова города; 3) территория бывшего Рыбного торго (Рыбники); 4) крупные склоны берегов рек (от кремлевских стен до уреза воды). Наиболее благополучной в настоящее время является территория Кремля (за исключением полностью утраченного и археологически не исследованного комплекса построек Владычного двора). Существующая планировочная структура Кремля отвечает требованиям современного использования, хорошо сочетает величественные сооружения Троицкого собора, кремлевских стен и башен с большими открытыми зелеными пространствами и отдельно стоящими немногочисленными деревьями. Имеется возможность сохранить уцелевшую часть земляных бастioned нач. XVIII в. Основной задачей является решение системы поверхностного водоотвода с учетом понижения отметок дневной поверхности земли на отдельных заданных участках.

Гораздо сложнее ситуация на территории Довмонтова города. Многочисленные храмы, размещавшиеся здесь в XII–XVII вв. (см. доклады В.Д.Белецкого и Н.М.Ткачевой в наст. сборнике - *Ред.*), в XIX в. были полностью разобраны, и на их месте был посажен сад (план Пскова 1821 г.). Раскопки Довмонтова города, проводившиеся в 1950–1980-е гг. экспедицией Эрмитажа, выявили 17 каменных построек XII–XVI вв., остатки деревянных мостовых, щебеночной дороги, остатки Смердьего и Троицкого мостов, фортификации XII –XV вв. Фиксация выявленных раскопками памятников проведена так, что над существующей отметкой дневной поверхности на 0,7–0,8 м выведены стены плитняковой кладки, повторяющие контур фундамента, лежащего ниже уровня дневной поверхности. Поверхность внутри вновь возведенных стен на 0,1–0,3 м ниже окружающей территории, что создает своеобразные колодцы и может привести к разрушению законсервированных остатков подлинных кладок. Кроме того, необходимо значительное понижение существующих отметок и вдоль западной стены Довмонтова города. Водоотвод с территории не организован, отсутствует дорожно-тропиночная сеть.

На юго-востоке проектируемой территории, между стеной Довмонтова города и р. Пскова располагался еще в нач. XX в. Рыбный торг Пскова. Археологические раскопки здесь не производились. Сохранившиеся фотографии кон. XIX – нач. XX вв.

позволяют представить достаточно детально площадь Рыбников, сплошь замощенную булыжником, ограниченную деревянной грунтовой набережной со стороны реки и зданиями лавок и торговых рядов со стороны Кремля. Естественный рельеф участка здесь значительно изменен сооружением бетонной дороги и площадки для водозабора автомашинами воды из реки. Все здания лавок и торговых рядов, мощение и набережная утрачены, произведены посадки лип. Дорожно-тропиночная сеть на территории Рыбников отсутствует, значительная часть территории во время высоких паводковых вод затопляется. Территория, прилегающая к стенам Кремля и Рыбному торгу вдоль Псковы до впадения ее в Великую никак не благоустроена: крутой склон берега зарос самосевными насаждениями, пешеходная дорожка, огибающая Кремль вдоль уреза воды и стоки ливневых вод с холма не организованы.

С западной стороны от Довмонтова города, вдоль берега Великой построен участок набережной. Благоустроенный проход вдоль реки к северу от набережной отсутствует.

Проектные предложения. Эскизным проектом благоустройства территории Кремля предусматривается в основном сохранение существующей в настоящее время дорожно-тропиночной сети (с незначительными ее корректировками). Предлагается: снос существующего туалета и устройство встроенного туалета в Доме причта; понижение дневной поверхности у здания Порохового погреба, башни Кутекромы, на вечевой площади у Степени, вдоль западного участка Кремлевской стены; замена существующего асфальтового покрытия на гравийное. Территорию "Владычного двора" проектом предлагается до проведения археологических исследований сохранить в существующем виде, заменив асфальтовое покрытие, а также поставив временное ограждение вдоль Смердьего захоба. Существующее булыжное мощение у Троицкого собора также необходимо сохранить, переложив его с учетом обозначения на поверхности вечевой Степени. Необходимо организовать поверхностный водоотвод ливневых вод с помощью лотков и выпуск их за стены Кремля. В интересах музеефикации территории можно обозначить места застройки городища I тыс. по Р. Х., древнерусского времени и эпохи Псковской республики XIV-XV вв. ("кромские клетки").

На территории Довмонтова города в соответствии с планом

музеефикации и археологическим опорным планом предлагается: сделать основным входом для посетителей Святые ворота; восстановить трассировку древних дорог и обеспечить возможность подхода экскурсантов к каждому из выявленных памятников. Покрытие дорожно-тропиночной сети целесообразно выполнить из гранитных высевок, укрепленных цементом. Выявленные археологами деревянные мостовые целесообразно воссоздать в дереве. После проведения необходимых дополнительных исследований Смердьего моста и Смердьей башни следует уточнить возможности воссоздания прохода в Кремль через Смердий захаб и возможности восстановления Смердьего моста. Требуется решения вопроса о завершении реставрационных работ по храмам №8–10 (нумерация храмов по В.Д. Белецкому), кладки которых, открытые раскопками, сохранились на высоту до 4,5 м, то есть – позволяют ставить вопрос о воссоздании этих построек. В этом случае, в храмах на восточной границе Довмонтова города можно было бы проектировать экспозицию, включающую показ реставрированной фресковой живописи XIV в. непосредственно на стенах храма. Система отвода ливневых вод с поверхности земли предлагается с помощью открытых лотков за стены Довмонтова города. Для обеспечения водоотвода из архитектурно-археологических памятников предлагается замостить плитами песчаника внутреннее пространство памятников с организацией стока воды через дверные проемы сооружений. Необходимо понижение существующих отметок дневной поверхности у храмов №1 и 3 на 0,2–0,3 м, постепенно увеличивая толщину слоя срезки к западной стене Довмонтова города до 0,8–1,0 м (что позволяет раскрасить подошвы бойниц стены).

Перенос основного экскурсионного входа к Святым воротам повлечет необходимость понижения юго-восточной части Довмонтова города и частичную перекладку дороги, ведущей к Троицким воротам. Это, в свою очередь, требует завершения археологических исследований по Троицкому мосту, северо-восточного угла Довмонтова города и в пространстве современного полотна дороги, ведущей через Довмонтов город в Кремль.

На участке бывшего Рыбного торгового рынка предлагается разбить сквер с учетом существующих зеленых насаждений и видовых точек на колокольню Троицкого собора и храмы №8–10 Довмонтова города. На месте бывших то-

рговых рядов возможно размещение временного торгового павильона. Поскольку нижняя часть Рыбников во время сильных паводков подвергается затоплению, расположенные здесь дороги и площадки должны иметь булыжное мощение.

На участках склонов между крепостными стенами и берегами рр. Великая и Пскова необходимо: осуществить организованные стоки ливневых вод; расчистить от самосевных насаждений верхний участок склона вдоль стены для устройства бермы. Участок берегового склона р.Пскова близ Средней башни требуется укрепить одерновкой сплошь на деревянных шпильках. Обходная экскурсионная дорога вдоль уреза воды должна быть выполнена из булыжника или еще более крупных валунных камней для предотвращения смывания мощения во время паводков.

Восприятие ансамбля Псковского Кремля и Довмонтова города во многом зависит от разработки и исполнения в натуре приемов музеефикации и декоративной подсветки памятников.

ХРИСТИАНСТВО И ДРЕВНЕРУССКАЯ КУЛЬТУРА

Т.В.Рождественская (Санкт-Петербург) Древнерусские надписи XI–XV вв. на стенах храмов как источник по церковной археологии.....	5
Н.И.Милютенко (Санкт-Петербург) Правители-мученики – святые покровители своих народов (к эволюции образа).....	7
Т.Н.Джаксон (Москва) Чудесное исцеление немого раба в церкви Св.Олава в Хольмгарде	10
И.И.Мовчан, Е.В.Цвек (Киев) Пещерные монастыри древнего Киева	12
Ю.М.Лесман (Санкт-Петербург) Мотив креста в декоре ювелирных изделий Новгорода XI–XIV вв.....	13
А.С.Скобельцына (Санкт-Петербург) Троице-Сергиева лавра в культуре Руси XIV в.	20
Л.В.Столярова (Москва) О дате псковского Апостола первой четверти XIV в.	22
А.А.Турилов (Москва) Псковские предшественники макариевских канонизационных соборов	24
Е.К.Пиотровская (Санкт-Петербург) Христианская топография Козьмы Индикоплова и старец Елеazarова монастыря Филофей.....	27
М.Е.Бычкова (Москва) Икона Симона Ушакова и идея происхождения государства Российского.....	30
Т.И.Шаблова (Санкт-Петербург) Церковные обиходники Кирилло-Белозерского монастыря второй половины XVI в.	32
А.А.Купранис (Санкт-Петербург) Печати иерархов русской церкви XII в....	34
С.В.Белецкий (Санкт-Петербург) Новые данные о псковско-новгородско-московских церковных отношениях в 30–40-е годы XV в.....	48
А.Г.Бобров (Санкт-Петербург) Церковные отношения Пскова с Новгородом и Флорентийская уния	53
Ю.А.Пятницкий (Санкт-Петербург) Византийская икона “Троица” (“Гостеприимство Авраама”) в соборнии Эрмитажа	58
В.Д.Сарабянова (Москва) Иконографические особенности композиции “Страшный суд” в росписях собора Рождества Богородицы Снетогорского монастыря.....	61
А.А.Медынцева (Москва) Древнерусский крест-мошевик из Хильдсегейма	63
В.Б.Перхавко (Москва) Древнерусские бронзовые кресты-энколпионы в сопредельных с Русью странах Европы.....	66
Н.Г.Недошивина (Москва) Металлические кресты-тельники домонгольской Руси	69
Т.Д.Панова (Москва) Нательные кресты в погребальной практике русского средневековья (XI–XVI вв.)	72
В.Ю.Соболев (Санкт-Петербург) Привески с христианской символикой в погребальных памятниках северо-запада Новгородской земли.....	74
Т.И.Макарова (Москва) Облачение митрополита Алексия – многослойный памятник эпохи ранней Москвы.....	76

В.Г.Пуцко (Калуга) Сюжеты новгородских каменных икон.....	78
А.А.Пескова (Санкт-Петербург) К вопросу о датировке и атрибуции некоторых памятников прикладного искусства древней Руси	82
К.В.Федюшев (Санкт-Петербург) Новые находки средневековых иконок-привесок из Новгорода.....	86
А.В.Подосинов (Москва) К вопросу об ориентации древнерусских церквей	88
Г.Ю.Ивакин (Киев) Храмы древнекиевского Подола.....	91
С.В.Белецкий (Санкт-Петербург) К вопросу о времени строительства Софийского собора в Киеве.....	92
Б.Б.Овчинникова (Екатеринбург) Храм в Лоо.....	95
И.В.Антипов (Санкт-Петербург) О датировке придела Св. Пантелеймона владимирского Успенского собора.....	97
А.М.Салимов (Тверь) Каменное строительство на Руси в конце XIII в. и тверской Спасо-Преображенский собор.....	99
Е.В.Соленикова (Санкт-Петербург) О происхождении закладных крестов в новгородской архитектуре.....	103
А.М.Лебедев, С.В.Степанов, С.Е.Шуныгина (Псков) Архитектурно- археологические исследования у ц.Петра и Павла с Буя в Пскове	105
Ю.Б.Бирюков (Псков) Церковь Николы со Взвоза в Пскове	107
Е.В.Соленикова (Санкт-Петербург) Никольский собор в Изборске	108
Л.Е.Грушина (Псков) Церковь Сергия Радонежского в Изборске	112
Е.А.Яковлева (Псков) Белокаменный саркофаг из раскопок в Снетогорском монастыре под Псковом	114
О.В.Козюренко (Санкт-Петербург) Скудельницы в Пскове в XV–XVI вв.....	117
А.А.Селин (Санкт-Петербург) Предания о сельских храмах и археологические реалии XVI в.....	120
С.А.Салмин (Псков) К вопросу о формировании местных традиций почитания святых в Псковской земле	123

КРУГЛЫЙ СТОЛ

“ИССЛЕДОВАНИЯ И МУЗЕЕФИКАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ И МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ ПСКОВСКОГО КРЕМЛЯ”

В.Д.Белецкий (Санкт-Петербург) Псковский Кремль (Кром, Довмонтов город)	125
Н.М.Ткачева (Псков) Иконы с изображением средневекового Пскова.....	135
А.М.Бляхер, Е.С.Калмыкова, <u>Е.Г.Шейнина</u> (Санкт-Петербург) Реставрация и экспонирование фресковой живописи из раскопок ц.Покрова в Довмонтовом городе Пскова.....	147
Т.Е.Ершова (Псков) Открытие церкви св. власия 1373 г. в Пскове	151
И.И.Лагунин (Псков) Музей фрески в Пскове (перспективы, направления, предложения).....	153
Е.В.Скрынникова (Москва) Проект благоустройства территории Псковского кремля.....	156

CONTENTS

CHRISTIANITY AND THE OLD RUSSIAN CULTURE

T.V.Rozhdestvenskaya (St.Petersburg). Old Russian inscriptions of the 11 - 14-th centuries on the temple's walls as one of the sources of the Church archaeology.....	5
N.I.Miljutenko (St.Petersburg). Roolers-martyrs -- the Holy Patrons of their nations (on the problem of the evolution of image)	7
T.N.Jakson (Moscow). Miraculous healing of dumb slave in St.Olav church in Holmgard	10
I.I.Movchan, E.V.Tsvet (Kiev). Cave monasteries in ancient Kiev	12
Y.M.Lesman (St.Petersburg). Cross-shaped motifs in a decoration of the Novgorodian jewelry in 11 - 14-th centuries AD.....	13
A.S.Skolbeitsina (St.Petersburg). The Trinity Lavra of St.Sergius in Russian culture of the 14-th century.....	20
L.V.Stoljarova (Moscow). On a date of the Pskov "Apostol" of the first quarter of the 14-th century.....	22
G.A.Turilov (Moscow). The Pskov predecessors of the Makarius Canonization Councils.....	24
E.K.Piotrovskaya (St.Petersburg). The Christian Topography of Kozma Indikoplov and the elder Philopheus from St.Eleazarus monastery.....	27
M.E.Bychkova (Moscow). Simon Ushakov icon and the idea of the origine of the State of Russia.....	30
T.I.Shablova (St.Petersburg). The Church "obihodniki" (brief Church Rules) of the monastery of St.Cyril of the White Lake of the second half of the 17-th century.....	32
A.A.Kupranis (St.Petersburg). The seals of the Russian Orthodox Church priests of the 12-th century.....	34
S.V.Beletsky (St.Petersburg). New data of the Pskov - Novgorod - Moscow church relation in 30 - 40-s of the 15-th century	48
A.G.Bobrov (St.Petersburg). The church relations between Pskov and Novgorod and the Union of Florence.....	53
J.A.Pjatnitsky (St.Petersburg). Byzantine icons "The trinity" (Abraham's Hospitality) in state Hermitage.....	58
V.D.Sarabjanov (Moscow). Iconographical peculiarities of the composition "The Last Judgement" in the frescoes in the Nativity Cathedral of the Snetogorsky monastery	61
A.A.Medyntseva (Moscow). Old Russian cross-relicvarium from Hildesheim	63
V.B.Perhavko (Moscow). The Old Russian encolpions in the neighbouring European countries	66
N.G.Nedoshivina (Moscow). Metall personal crosses in pre-mongolian Rus	69
T.D.Panova (Moscow). Personal crosses in funeral practice of Russian Medievality (11 - 16-th centuries).....	72
V.J.Sobolev (St.Petersburg). Pendants with Christian symbols in burial complexes of the North-West of the Novgorodian Land.....	74
T.I.Makarova (Moscow). Metropolitan Alexius sacerdotal robes -- antiquity of the Early Moscow Age as a multi-level source	76

V.G.Putsko (Kaluga). The subjects of Novgorodian stone icones.....	78
A.A.Peskova (St.Petersburg). On a problem of dating and attribution of some examples of applied art of the Old Rus.....	82
K.V.Fedjushev (St.Petersburg). New finds of the medieval pendant-icons from Novgorod	86
A.V.Podosinov (Moscow). On a problem of orientation of the Old Russian churches	88
G.J.Ivakin (Kiev). Churches of the Old Kievan Podol.....	91
S.V.Beletsky (St.Petersburg). On a problem of the date of erection of the St.Sophia Cathedral in Kiev.....	92
B.B.Ovchinnicova (Ekaterinburg). The temple in Loo	95
I.V.Antipov (St.Petersburg). On a dating of St.Panteleimon side-chapel of the Cathedral of the Assumption in Vladimir.....	97
A.M.Salimov (Tver'). Stone-building in Old Rus in the end of the 13-th century and the Cathedral of Our Saviour Transfiguration in Tver'	99
E.V.Solenikova (St.Petersburg). On the origine of the foundation-stone laying crosses in Novgorodian architecture.....	103
A.M.Lebedev, S.V.Stepanov, S.E.Shun'gina (Pskov). Excavations near St.Peter and Paul church on Buj in Pskov.....	105
J.B.Birjukov (Pskov). St.Nicolas church on Vzvoz in Pskov.....	107
E.V.Solenikova (St.Petersburg). St.Nicolas Cafedral in Izborsk.....	108
L.E.Grushina (Pskov). Church of St.Sergius of Radonezh in Izborsk.....	112
E.A.Yakovleva (Pskov). Wite-stone sarcofagus from the excavations in Snetogorsky monastery near Pskov	114
O.V.Koziurenok (St.Petersburg). "Skudelnitsy" (medieval common graves) in Pskov in the 15 -17-th centuries.....	117
A.A.Selin (St.Petersburg). Legends about local churches and archaeological realities of the 16-th century	120
S.A.Salmin (Pskov). On a problem of the formation of local traditions of reverence of Holymen in Pskov land.....	123

DISKUSSION

"PROBLEMS OF RESEARCHES AND MUSEEFICATION OF THE ARCHITECTURAL MONUMENTS AND WALL-PAINTING IN THE PSKOV KREMLIN"

V.D.Beletskyi (St.Petersburg). The Pskov Kremlin (Krom, Dovmontov gorod) ..	125
N.M.Tkacheva (Pskov). The images of the medieval Pskov on the icones	135
A.M.Bljakher, E.S.Kalmykova, <u>E.G.Sheinina</u> (St.Petersburg). Restoration and exhibiting of the frescoes from the excavation of the Church of the Intercession in Dovmontov gorod in Pskov	147
T.E.Ershova (Pskov). The discovery of St. Vlasius church of the 1373 in Pskov ..	151
I.I.Lagunin (Pskov). Museum of frescoes in Pskov (perspectives, directions, suppositions)	153
E.V.Skrynnicova (Moscow). Project of the improvement of the territory of Pskov Kremlin	156

ЦЕРКОВНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

В трех частях.

Часть 2

Оригинал-макет подготовлен в ИИМК РАН

Компьютерный набор и верстка
Л.Б.Кирчо, К.А.Матехин

Редактор
С.В.Белецкий

Художественный редактор
В.Я.Стеганцева

Подписано в печать 9.10.1995. Отдел ОП Петербургкомстата.
Лицензия № 69-74 от 27.10.1994. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 10,3. Усл.-печ.л. 7,2. Бумага офсетная №1.
Заказ № 917. Тираж 300 экз.